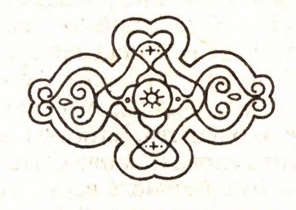

СВЯТОЙ ИОАНН КРОНШТАДТСКИЙ В ВОСПОМИНАНИЯХ СОВРЕМЕННИКОВ

СВЯТОЙ ИОАНН КРОНШТАДТСКИЙ В ВОСПОМИНАНИЯХ СОВРЕМЕННИКОВ

МОСКВА
ПРАВОСЛАВНЫЙ СВЯТО-ТИХОНОВСКИЙ
БОГОСЛОВСКИЙ ИНСТИТУТ
БРАТСТВО ВО ИМЯ ВСЕМИЛОСТИВОГО СПАСА
1994

ББК 86.3
С24

Составитель, автор предисловия и комментариев
С. Л. Фирсов

С 24 **Святой Иоанн Кронштадтский в воспоминаниях современников** / Сост. С. Л. Фирсов. — М.: Православный Свято-Тихоновский Богословский институт, Братство во Имя Всемилостивого Спаса, 1994. — 224 с. + илл.

ISBN 5-7429-0002-3

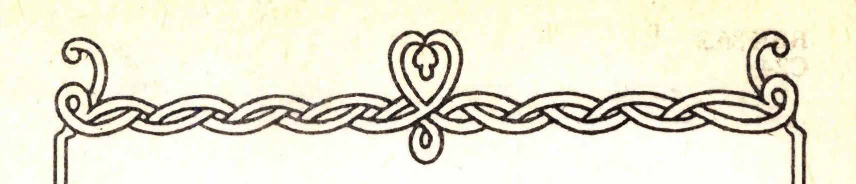
В книге собраны мемуарные свидетельства людей, лично общавшихся с великим пастырем Русской земли — святым праведным отцом Иоанном Кронштадтским и испытавшими на себе влияние его необыкновенной личности. Источником послужили материалы журнала "Кронштадтский пастырь" (1912—1917) и других периодических изданий, выходивших до революции, а также архивные документы.

ББК 86.3

С $\frac{0403000000-003}{6Э9(03)-94}$ без объявления

IBSN 5-7429-0002-3

© Православный Свято-Тихоновский Богословский институт, 1994
© Братство во Имя Всемилостивого Спаса, 1994

СОДЕРЖАНИЕ

СВЯТОЙ ПРАВЕДНЫЙ ОТЕЦ ИОАНН КРОНШТАДТСКИЙ И ВОСПОМИНАНИЯ О НЕМ

Вниманию читателя представляются мемуарные свидетельства современников жизни и деяний кронштадтского протоиерея, настоятеля Андреевского собора[1*], святого праведного отца Иоанна Кронштадтского (Ивана Ильича Сергиева), ныне прославленного Русской Православной Церковью. Люди, близко знавшие о. Иоанна или же хотя бы раз присутствовавшие на его служении, слышавшие его речь, подпадали под обаяние этой замечательной личности, стремились, не всегда удачно, но вполне искренно передать свои впечатления о нем, поделиться той радостью, которой наполнялись их сердца при встрече с "Батюшкой".

Практически все воспоминания о кронштадтском Пастыре, вошедшие в эту книгу, были изданы за короткий промежуток времени — с 1909 по 1917 г. и с той поры не переиздавались. Отдельные части вошедших в сборник материалов, правда, были опубликованы на Западе, но без соответствующей подготовки и, что самое главное, минимальным тиражом[**].

В наше время, когда тяга к истории России усилилась, когда сотни тысяч людей впервые переступили порог церкви, переиздание свидетельств современников о святой и беспорочной жизни о. Иоанна, свидетельств самых разных — и по стилю, и по мировоззрению авторов, видимо, лучше многих абстрактных рассуждений покажет, что может дать человеку "жизнь в Боге, во Христе".

---

* См. комментарии в конце книги. — *Прим. сост.*

** См., напр.: Сурский И. К. Отец Иоанн Кронштадтский. Джорданвилль, 1979. Т. 1. — *Прим. сост.*

Время жизни о. Иоанна во многих моментах напоминает наше: падение нравственности и рост преступности, увеличение злобы и ненависти вокруг — все это говорит о том, что общественный организм, как и в начале XX столетия, тяжело болен. Знание того, чего может достигнуть человек в своем духовном совершенствовании, поэтому сейчас более, чем когда-либо, необходимо.

Основная часть материалов взята из журнала "Кронштадтский Пастырь", еженедельного издания, выходившего в 1912-1917 гг. в Петербурге (Петрограде).

Издавался журнал Обществом в память о. Иоанна Кронштадтского, образовавшимся в 1909 г. из лиц, близких к Батюшке. Во втором номере за 1912 г. в журнале появилась рубрика "Светлой памяти доброго Кронштадтского Пастыря". В сообщении "От редакции" издатели заявили, что под этой рубрикой "будут постоянно печататься воспоминания и сообщения о дорогом Батюшке и деяниях его молитвы и любви"*. Рубрика открывалась воспоминаниями игумена Георгия о совместном путешествии с о. Иоанном в 1903 г.**.

На протяжении пятилетнего существования журнал опубликовал множество мемуарных свидетельств. При отборе их для издания в настоящем сборнике мы стремились прежде всего опубликовать те мемуары, которые, по нашему мнению, наиболее полно представляют живой образ кронштадтского Пастыря, дают возможность увидеть его таким, каким он представлялся современникам — людям разных профессий и взглядов. Многочисленные свидетельства очевидцев чудесных исцелений по молитвам о. Иоанна, его пророческих предвидений и предсказаний в основном не вошли в состав сборника. Это объясняется прежде все-

* Кронштадтский Пастырь. 1912. N 2. С. 36. — *Прим. сост.*

** См. настоящий сборник. — *Прим. сост.*

го тем, что целью настоящей публикации является попытка дать представление о личности о. Иоанна, его характере, отношениях с людьми, его человеческом облике. Разумеется, отсутствие материалов о чудотворениях Пастыря во многом обедняет рассказ о нем. Но сейчас мы можем только отослать читателя к книгам, касающимся данного вопроса и вышедшим на Западе*. Издание же и переиздание всех свидетельств, видимо, дело будущего.

Авторы публикуемых воспоминаний в большинстве своем не известны. Одни по каким-то причинам предпочитали не выступать под своими фамилиями, о других отсутствует какая-либо информация. Раскрыты имена всех преосвященных, оставивших свои воспоминания о кронштадтском протоиерее или же упоминавшихся в воспоминаниях других авторов.

Иногда журнал "Кронштадтский Пастырь" перепечатывал воспоминания из других периодических изданий того времени, часто с некоторыми сокращениями. Так, был сокращен конец воспоминаний сына М. Е. Салтыкова-Щедрина о встрече его отца с о. Иоанном.

Ряд высказываний в мемуарах нам могут показаться некорректными в отношении кронштадтского праведника, но нельзя забывать, что в начале XX столетия он был для мемуаристов исключительно уважаемым и почитаемым современником, человеком их эпохи, их мыслей и чувств.

Этого нельзя забывать, когда, например, читаешь записки А. Ф. Кони. Воспоминания последнего, хранящиеся в Центральном государственном историческом архиве С.-Петербурга (ф. 2219, оп. 1, д. 72),

* См. напр.: Воспоминание о чудесах и подвигах праведного о. Иоанна Кронштадтского. Сан-Франциско. 1967; Сурский И. К. Указ. соч. Т. 1, 2 и др. — *Прим. сост.*

не известные широкому читателю, представляют несомненный интерес и дают возможность ознакомиться с впечатлениями знаменитого юриста от встреч с о. Иоанном.

Одно из свидетельств взято нами из журнала “Странник” за 1909 г. (т. 1). Полное название этого органа — “Странник. Духовный журнал современной жизни, науки и литературы”. Воспоминания, которые публикуются ниже, рассказывают о посещении Пастырем в 1890-е гг. Киевской Духовной Академии.

В комментариях к текстам можно найти краткие справки об известных в то время исторических лицах, старых названиях городов, монастырях и подворьях, ныне не существующих и вновь возрожденных, различных обществах и тому подобный материал. Думается, все это облегчит читателю знакомство с мемуарами, более 75 лет бывшими недоступными для многих, интересующихся историей жизни святого праведного отца Иоанна Кронштадтского. К 1917 г. собирание материалов об о. Иоанне широко развернулось по всей России, при Обществе в его память был организован фонд, приобретавший у знавших протоиерея лиц документы, связанные с его жизнью, автографы самого Кронштадтского Пастыря. Однако в самом начале 1920-х гг. все это по известным причинам было прервано.

Выпускаемые русской православной эмиграцией воспоминания* заполняли образовавшийся информационный вакуум лишь отчасти, так как большинство знавших и помнивших о. Иоанна людей осталось в России и не могло уже, разумеется, обнародовать свои воспоминания.

---

* См. библиографический указатель в книге: Семенов-Тян-Шанский А., епископ. Отец Иоанн Кронштадтский. Париж, 1990. — *Прим. сост.*

Но и изданные в предреволюционный период мемуарные свидетельства не были доступны читателю в полной мере. Во-первых, ознакомиться с ними можно было только в центральных библиотеках, и, во-вторых, раскиданные по разным номерам и годам, они не давали того цельного впечатления, какое возникает при чтении определенным образом систематизированных и прокомментированных воспоминаний.

Настоящий сборник воспоминаний начинается и заканчивается сообщением постоянного корреспондента журнала "Кронштадтский Пастырь" священника Иоанна Альбова: первая принадлежащая его перу публикация в книге имеет название "Отец Иоанн Кронштадтский как носитель Христовой любви". Это — главная мысль, объединяющая все материалы сборника.

"Христос — моя сладость", — любил повторять о. Иоанн, смысл жизни которого был слит с именем Христа. Именно поэтому к нему тянулись сотни тысяч людей со всех концов православной России, стремясь исповедаться в грехах и получить отпущение именно от "дорогого Батюшки". Описанию служения о. Иоанна и общей исповеди у него тысяч православных посвящены воспоминания многих авторов сборника. Эти свидетельства, как наиболее важные, по нашему мнению, помещены в начале книги. Воспоминания лиц, бывших с о. Иоанном в его путешествиях: к себе на родину — в Архангельскую губернию, по городам и весям страны, — также создают образ исключительно внимательного к другим, простого в обращении, очень скромного и доброго священника, жившего только для того, чтобы облегчать жизнь другим, помогать ближним всем, чем только можно.

Свидетельства современников о встречах с кронштадтским молитвенником, о его манере разго-

варивать, молиться, служить, некоторые "мелкие" подробности, все это, надеемся, поможет читателю составить свое впечатление о Пастыре, который, по словам А. Ф. Кони, ради других умел "всякое ныне житейское отложить попечение".

Причисленный в 1990 г. Поместным Собором Русской Православной Церкви к лику святых отец Иоанн Ильич Сергиев (Кронштадтский) родился 19 октября 1829 г. [ст. ст.] в селе Сура Пинежского уезда Архангельской губернии в семье бедного причетника. Ребенок был так слаб, что его крестили в тот же день — 19 октября, в честь болгарского святого X века — подвижника веры, аскета и основателя монастыря — Иоанна Рыльского.

О ранних годах жизни будущего знаменитого русского Пастыря известно немного. История оставила нам свидетельства о его полном послушании родителям, отзывчивости, искренней религиозности, любви к храму и молитвам.

После окончания Архангельского приходского училища юный Иван Сергиев был переведен в Архангельскую Духовную Семинарию, которую закончил в 1851 г. Вначале, по воспоминаниям самого о. Иоанна, учение давалось ему тяжело, он плохо запоминал и усваивал преподаваемые в семинарии предметы. Скорбя над своими неудачами, Иван часто с молитвой обращался к Богу, чтобы Он помог и просветил его. И свершилось чудо: в один день как будто завеса спала с его глаз, он стал хорошо учиться, блестяще завершил обучение и был переведен на казенный кошт в Санкт-Петербургскую Духовную Академию. Учась в Академии, он подрабатывал переписыванием бумаг и все маленькое жалованье отсылал матери, испытывавшей большие материальные трудности. В 1855 г. о. Иоанн закончил Академию со степенью кандидата богословия и был рукоположен и определен на служение в Андреевский собор города Кронштадта. Тогда же он

женился на Елизавете Несвицкой, дочери протоиерея этого же собора, с которой прожил вместе 53 года и которая пережила его лишь на несколько месяцев. Осознавая себя с самого раннего возраста целиком посвященным служению Богу, он уговорил свою жену и в браке вести целомудренную жизнь. Матушке о. Иоанна приходилось нелегко — он был поистине человеком "не от мира сего" — мог свое священническое жалованье целиком раздать нищим, отдать нуждающимся свои сапоги, одежду, при этом испытывая острую нехватку самого необходимого.

Не все понимали поначалу величие пастырского подвига, который о. Иоанн совершал ежедневно, призывая к покаянию и исправлению не только в церкви, но и в лачугах кронштадтской бедноты, среди пьяниц, полностью опустившихся людей. Он шел к тем, кому больше всего и нужно было внимание священника, — к париям, духовно опустошенным людям.

Более четверти века о. Иоанн преподавал в различных учебных заведениях Кронштадта, и жалованье, получаемое им как законоучителем, на протяжении всех лет шло исключительно на благотворительность и помощь бедным.

Отец Иоанн всю жизнь следовал завету, нашедшему отражение в его труде "Моя жизнь во Христе": "Священницы Господни! Сумейте утешением веры обратить ложе печали страдальца-христианина в ложе радости, сумейте сделать его из несчастнейшего, по его мнению, человека, человеком счастливейшим в мире, уверьте его, что в мале быв наказан, он будет великим благодетельствован по смерти (Премудр., гл. 3, 5): и вы будете друзьями человечества, ангелами-утешителями, органами Духа-Утешителя"*. В 1870-е годы слава кронштадтского протоиерея вышла за

* Сергиев И. И., протоиерей. Моя жизнь во Христе. М., 1894. Т. 1. С. 8. — *Прим. сост.*

рамки этого города и начала распространяться по всей России. В Кронштадт стали приходить богомольцы, желавшие исповедоваться и причащаться у "Батюшки Иоанна", просившие его молитв перед Богом и приносившие каждый свою лепту в дар Богу — на благотворительность, на бедных. Официальная историческая наука, говоря о благотворителях и благотворительности в России, практически никогда не упоминала имени святого праведного о. Иоанна Кронштадтского.

А между тем о. Иоанн по праву занимает одно из первых мест среди русских благотворителей конца XIX — начала XX столетия. Уже через 17 лет после начала своего служения в Кронштадте он приходит к выводу о необходимости коренного изменения положения городской бедноты путем создания Дома Трудолюбия, в котором безработные, нищие люди могли бы заработать себе дневное пропитание и ночлег. С этой целью в газете "Кронштадтский Вестник" (1872. N 3, 18) были опубликованы два воззвания Пастыря к своей пастве.

Первый в России Дом Трудолюбия — четырехэтажное здание — был построен в течение немногим более года и открыт в октябре 1882 г. В 1888 г. о. Иоанн сумел организовать закладку и постройку трехэтажного ночлежного приюта, а в 1894 г. — Странноприимного дома.

В этой связи необходимо вспомнить слова митрополита Московского Макария, сказанные им в 1913 г.: "Если бы сосчитать все жертвы о. Иоанна, то получилось бы многомиллионное состояние, как дар, переданный народом через своего пастыря — народу же.

А сколько роздано о. Иоанном милостыни тайно, рука в руку, безо всяких сопроводительных бумаг и отношений,— невозможно исчислить.

Но все это не достигает ценности духовных даров, разлитых в душах миллионов русского народа"*.

Святой праведный Иоанн Кронштадтский был одинаково почитаем как в царском дворце, так и в самой бедной избе, он был поистине "мистической ниточкой", которая связывала любовью к Богу верхи русского общества с его социальными низами. Именно его в дни болезни императора Александра III пригласили в Ливадию (Крым), где тогда находился самодержец, помолиться о больном. 17 октября 1894 г. о. Иоанн причастил императора Св. Таин, молился, по желанию Александра III, о его исцелении и до самой смерти болящего облегчал его страдания. Тогда-то Александр и сказал знаменитые слова об о. Иоанне, вызвавшие зависть у придворного духовенства: "Вы праведник: вас любит русский народ". И далее: "Любит потому, что знает кто вы и что вы"**.

Велико было влияние о. Иоанна и на выдающихся людей его времени. Крупнейший русский врач Сергей Петрович Боткин, знавший и любивший Кронштадтского Пастыря, например, так отозвался о нем: "Мы оба врачи, только я врачую тело, а он душу"***. Глубоко уважительным было мнение об о. Иоанне и А.Ф. Кони, восхищавшегося чудесными излечениями Пастырем людей, которых не могли вылечить светила мировой науки (такие, например, как Ж.-М. Шарко, учитель З. Фрейда).

---

* Макарий, митрополит. Милосердие в пастырском подвиге отца Иоанна Кронштадтского // Кронштадтский Пастырь. 1913. N 8. С. 338—339. — *Прим. сост.*

** Цит. по: О. Иоанн у Государя Императора Александра III // Кронштадтский Пастырь. 1912. N 23. С. 395. — *Прим. сост.*

*** Цит. по: Салтыков К. Отец Иоанн Кронштадтский и М. Е. Салтыков-Щедрин // Кронштадтский Пастырь. 1914. N 27. С. 421. — *Прим. сост.*

Перечисление имен в принципе ничего добавить не может, кроме констатации того факта, что Пастырь воспринимался своими современниками как личность исключительная, светлая. В конце 1870-х — начале 1880-х гг. в Кронштадте появилась и начала распространяться по России секта, доставившая о. Иоанну много горя и им осужденная. Речь идет об иоаннитах. В комментариях содержится более полная справка о них, здесь же стоит упомянуть о том, что о. Иоанну приходилось в результате деятельности этой секты совершать миссионерские поездки с целью осуждения и пресечения деятельности подобных "почитателей"*.

Служба о. Иоанна, на которую ежедневно приходили тысячи людей, начиналась в 6 ч утра. В течение всех 53 лет своего служения в Кронштадте Пастырь никогда не изменил этому правилу: последний раз он служил Божественную Литургию за 10 дней до своей праведной кончины.

По воспоминаниям современника на служении кронштадтского праведника "чувства страха как не бывало, присутствие о. Иоанна уничтожает его, молиться с ним легко"**. Святейший Синод разрешил ему и проведение общих исповедей сотен верующих, что в Православной Церкви не было широко распространено.

Ежегодно, летом, о. Иоанн Кронштадтский совершал путешествие к себе на родину — в село Суру, где им был основан женский монастырь, заново отстроена церковь.

---

* См. напр.: Ростовский А. О. Иоанн Кронштадтский как миссионер // Прибавления к "Церковным Ведомостям". 1909. N51—52. С. 2412—2417; 1910. N 10. С.451—454; N 25. С.1018—1020; N 26. С.1068—1074; N 30. С.1257—1262. — *Прим. сост.*

** См.: Кронштадтский Пастырь. 1913. N 22. С. 400. — *Прим. сост.*

Посещение мест, где он родился и вырос, всегда было для Пастыря праздником, что поймет читатель, ознакомившись со свидетельствами путешествовавших с ним лиц.

В 1890—1894 гг. вышло Полное собрание сочинений о. Иоанна в шести томах. В трех последних был опубликован его духовный дневник — "Моя жизнь во Христе". Тогда же этот выдающийся богословский труд издали отдельно, а потом неоднократно переиздавали (в течение 1894—1899 гг. вышло 5 изданий). Дневник о. Иоанна сразу же был переведен на английский, французский и немецкий языки, став, таким образом, известным миллионам христиан Западной Европы.

Конец XIX — начало XX столетий — время резкого обострения социально-нравственных проблем в русском обществе. На фоне экономического роста происходило падение духовности, росли преступность, хулиганство, алкоголизм. В 1908 г., в частности, по постановлениям судов в России "было казнено 1340 человек, или в 21 раз больше, чем количество казненных во всех европейских государствах*. Известный философ и богослов протоиерей С.Н. Булгаков уже в конце своей жизни писал, что в начале столетия "Россия экономически росла стихийно и стремительно, духовно разлагаясь**. Особенно заметно выросла преступность после революции 1905—1907 гг. Рассматривая ситуацию, сложившуюся в 1905 г., один из корреспондентов "Киевских епархиальных ведомостей" писал: "Именно к этому году относится известная фраза: "Мы ваши храмы обратим в наши конюшни..."***.

* Остроумов С. С. Преступность и ее причины в дореволюционной России. М., 1980. С. 99. — *Прим. сост.*

** Булгаков С. Н., прот. Автобиографические записки. Париж, 1946. С. 81. — *Прим. сост.*

*** Фоменко Кл., прот. Хулиганство // Киевские епархиальные ведомости. 1913. N 40. Ч. неофициальная. С. 1129. — *Прим. сост.*

Революционные события 1905 г. по-разному воспринимались и самими священнослужителями, часть которых активно поддержала происходившие в стране события, считая их закономерным итогом предшествующего внутриполитического курса. Со всей очевидностью заявил о своем отношении к происходящему тогда и о. Иоанн Кронштадтский. В феврале 1906 г., в первую неделю Великого Поста в проповеди он говорил: "Будем дорожить своею православною верою и жить достойно своего христианского звания, во всякой добродетели; будем готовы дать ответ всякому неверному, спрашивающему о нашем уповании, чтобы посрамить дерзкое неверие. А ныне так часто приходится встречаться с неверующими, умножившимися как дикая трава в поле, особенно в интеллигентном мире". И далее: "На почве безверия, слабодушия, малодушия, безнравственности совершается распадение государства. Без насаждения веры и страха Божия в населении России оно не может устоять"*. Резкое неприятие революции — эпохи "мятежного беснования" естественно вытекало из жизненных установок, миросозерцания и системы ценностей, которых в течение всей своей жизни придерживался Пастырь.

Он прекрасно осознавал всю сложность переживаемого времени, кризисное положение, в котором тогда находилась и Православная Церковь. Все это нашло отражение в дневнике о. Иоанна, последняя часть которого хранится ныне в ЦГИАСпб (ф. 2219). Говоря о кризисе в Русской Православной Церкви, который со всей отчетливостью проявился к началу XX в., видимо, стоит учитывать мнение церковного историка и философа П. Иванова, писавшего, что уже во второй половине XIX в. "церковь окончательно стала храмом, куда приходили молиться отдельные люди, ничего об-

* ЦГИАСпб, ф. 2219, оп. 1, д. 1, л. 93—94. — *Прим. сост.*

щего между собою не имеющие, даже сторонящиеся друг от друга, а не братья и сестры во Христе. То, что называется церковью, потеряло всякое влияние на общество . Необходимо также отметить и то, что 76-летний Пастырь в годы Первой российской революции избирается почетным членом такой одиозной организации, как "Союз русского народа". Этот факт неоднократно отмечался отечественными исследователями, подчеркивавшими как активное содействие о. Иоанна черносотенному движению**, так и его пожертвования на нужды "Союза"***. Особо отмечается факт освящения о. Иоанном хоругви и знамени "Союза Русского Народа"****.

Желание во что бы то ни стало политизировать облик Пастыря, доказать его деятельное участие в политических событиях того сложного времени весьма некорректно. Разумеется, св.праведный о. Иоанн Кронштадтский был человеком, глубоко преданным монархической идее и потому враждебно относившимся к революционному движению. Программа "Союза Русского Народа", в которой основным пунктом значилось, что "благо родины — в незыблемом сохранении православия, русского неограниченного самодержавия и народности"*****, была ему понятна и по ключевым моментам близка. Однако он никогда не

* Иванов П. Тайна святых. Введение в Апокалипсис. Париж, 1949. С. 567—568. — *Прим. сост.*

** См.: Степанов С. А. Численность и состав черносотенных союзов и организаций // В кн. : Политические партии России в период революции 1905—1907 гг. Количественный анализ. Сб. статей. М., 1987. С. 198. — *Прим. сост.*

*** См.: Степанов С. А. Банкротство черносотенных союзов и организаций (1870—1914). М., 1982 /Машинопись/. С. 62. *Прим. сост.*

**** См.: Острецов В. Черная сотня и красная сотня. М., 1991. С. 20. — *Прим. сост.*

***** Там же. С. 41.

поддерживал антисемитские выступления деятелей Союза, еврейские погромы вызывали у него всегда осуждение и протест. Его влияние стремились использовать разные проходимцы типа доктора Дубровина, что им отчасти , увы, и удалось. Однако это не служит поводом для конструирования каких-либо политических заключений.

Пастырь любви и мира, святой праведный о. Иоанн Кронштадтский прекрасно осознавал ту страшную ситуацию раскола общества, которая стала ясно очерчиваться после 1905—1907 гг. За два месяца до своей кончины он возносит к Богу молитву, в которой просит вразумить и наставить на путь истинный и студентов, и власти, и "спящего царя", помочь Церкви Святой".

Вот эта молитва: "Господи, вразуми студентов, вразуми власти, дай им правду Твою и силу Твою державную, Твою, Господи, да воспрянет спящий Царь, переставший властвовать властью своею; дай ему мужества, мудрости, дальновидности!

Господи, море в смятении, дьявол торжествует, правда порушена. Восстань, Господи, в помощь Церкви Святой. Аминь"*.

В 1908 году наступает последний период земной жизни кронштадтского праведника, болезнь одолевает его, но он продолжает служение Богу и людям, молится за больных, помогает страждущим. Свидетельством этого служит последний дневник о. Иоанна (ЦГИАСпб, ф. 2219, оп. 1, д. 71). 20 декабря 1908 г., в возрасте 79 лет, отец Иоанн Кронштадтский отошел к Богу.

В некрологе, вышедшем в январском номере "Церковного Вестника" за 1909 год, редакция привела слова архиепископа Саввы, сказанные им на смерть Пастыря. "Слава Богу и благодарение, даровавшему

---

* ЦГИАСпб, ф. 2219, оп. 1, д. 71, л. 40—40 об.

этому благочестивому иерею благодатный дар исцеления. И тем прискорбнее лишиться его, тем горше сознавать, что он уже изъят из нашего греховного мира, обуреваемого неверием, безбожием и именно теперь-то, казалось бы, более всего нуждающегося в таких столпах веры и благочестия"*.

А через сорок дней после кончины о. Иоанна архиепископ Антоний, рассуждая, что значит для России смерть такого праведника, отмечал, что это можно понимать или как факт закончившихся для страны лихих лет "безбожного и мятежного беснования и начало духовного возрождения, или в том смысле, что взят из среды удерживающий и приблизилось время окончательного торжества беззакония и бесстыдства"**.

...Еще в 1904 году, предчувствуя наступление болезней и немощности, о. Иоанн написал завещание с просьбой похоронить его в Иоанновском женском монастыре в Петербурге***. Желание его было исполнено — 23 декабря 1908 года о. Иоанн был похоронен в усыпальнице нижнего храма монастыря.

Вскоре после революции — в начале 1920-х годов — Иоанновский женский монастырь был закрыт и поруган. Но,несмотря на это,тысячи паломников приходили к стенам бывшего монастыря на поклон "к Батюшке", его образ всегда был в сердцах православных христиан.

Незадолго перед своей кончиной, в дневнике, рассуждая о душе человеческой и видя Источник очищения этой души от скверны и результаты этого очищения —

---

* Протоиерей Иоанн Ильич Сергиев Кронштадтский (20 дек. 1908) // Церковный Вестник. 1909. N 1. — *Прим. сост.*

** Антоний, митрополит. Памяти отца Иоанна Кронштадтского. Б. м. Б. г. С. 7.

*** См.: Памяти О. Иоанна. Выписка из дела канцелярии митрополита С.-Петербургского... // Прибавление к Церковным Ведомостям. 1909. N 8. С. 359—364.

во Святых Угодниках, о. Иоанн писал: "Удивительное существо — душа человеческая, созданная по образу и подобию Божию, хотя и падшая. Ибо какова она бывает во Святых, усердно послуживших Господу, в жизни сей временной? Сколь они быв преданы Богу любовью и самоотвержением, молитвою, воздержанием, зрением непрестанным к Богу? Сколь чисты, светлы, тверды, благоуханны?"* По прошествии восьмидесяти лет со дня праведной кончины Пастыря мы можем с радостью сказать, что эти слова с полным правом относятся и к самому отцу Иоанну Кронштадтскому, бывшему и остающемуся духовным светочем для сотен тысяч верующих людей.

* ЦГИАСпб, ф. 2219, оп. 1, д. 71, л. 16. — *Прим. сост.*

Священник
И. АЛЬБОВ[2]

ОТЕЦ ИОАНН КРОНШТАДТСКИЙ КАК НОСИТЕЛЬ ХРИСТОВОЙ ЛЮБВИ*

Глубочайший новозаветный созерцатель таин жизни Божией, св. апостол и евангелист Иоанн Богослов определяет сущность Божества как любовь: "Бог есть любовь", — говорит он (1 Ин., 4, 8).

Эту сущность небесного Отца открыл нам Единородный Сын Божий Иисус Христос в Своей жизни и личности и открывает до сих пор верующим чрез Свою церковь.

Любовь Божия к нам открылась в том... что не мы возлюбили Бога, но Он возлюбил нас и послал в мир Единородного Сына Своего, чтобы мы получили жизнь чрез Него (1 Ин. 4, 9, 10), — говорит тот же апостол**.

Бог любовь — и пребывающий в Боге — в любви пребывает и любовь в нем пребывает.

Только тогда Бог пребывает в нас, когда мы любим братьев своих, и только любящий брата своего знает Бога, не любящий же не знает Бога, не причастен света Божия; не любящий во тьме пребывает и в смерти (там же — 2, 9; 3, 14 и др.). Так учит апостол любви.

Отсюда понятно, что служитель Христов, пастырь церкви Христовой в своем идеале должен быть

---

* Речь, сказанная на торжественном собрании "Общества в память о. Иоанна Кронштадтского" 2 февраля 1912 г. в зале дома г. обер-прокурора Св. Синода. — *Прим. сост.*

** Точный текст: "Любовь Божия открылась нам в том, что Бог послал в мир Единородного Сына Своего, чтобы мы получили жизнь через Него. В том любовь, что не мы возлюбили Бога, но Он возлюбил нас и послал Сына Своего в умилостивление за грехи наши". — *Прим. ред.*

носителем и выразителем бесконечной любви Божией, его жизнь и деятельность должна быть посильным отражением той безмерной любви Божией, той бесконечной благости Божией, которая спасает мир во Христе.

Он должен быть живым праведником и олицетворением этой спасающей любви Христовой. Таков и был приснопамятный пастырь, дорогой батюшка отец Иоанн Кронштадтский.

Недаром существует богословское мнение, что из всех христианских исповеданий православная церковь наиболее воплотила в себе дух и учение апостола любви — евангелиста Иоанна Богослова.

Типичный представитель русской церкви — о. Иоанн своей высокой личностью вполне оправдал это мнение.

Жизнь и деятельность его можно бы выразить теми же краткими, но сильными словами, какими ветхозаветный мудрец и священный писатель охарактеризовал жизнь св. пророка Илии.

"И восстал Илия пророк, как огонь, и слово его горело, как светильник" (Сир. 48, 1).

Восстал отец Иоанн в нашей родной стране, как святой огонь, и слово его горело, как светильник.

Но он горел не тем ветхозаветным огнем гнева и наказания на грешников, которым горел ветхозаветный пророк, вестник Бога, как огня поядающего и судии, карающего грешный род человеческий.

Сам Господь отличает новозаветные способы служения Богу, от ветхозаветных. "...Не знаете, какого вы духа. Сын человеческий пришел не погублять души человеческие, но спасать", — говорил Христос ученикам, когда те предлагают ему низвести огонь с неба и истребить негостеприимных самарян — как "и Илия сделал" (Лк. 9, 55).

Верный служитель Христов, отец Иоанн горел ярко огнем неизменной веры в Бога, спасающего мир, и

вместе — огнем бесконечной любви, бесконечного сострадания к людям.

Послушаем, как он сам выражает свой взгляд на свое служение.

"В Господе Боге, — говорит отец Иоанн, — неистощимая сокровищница благости и милосердия, "ибо так возлюбил Бог мир, что и Сына Своего Единородного дал за нас, чтобы всякий верующий в него не погиб, но имел жизнь вечную". И вот та сокровищница милосердия обретается в церкви в тайне крещения, в тайне священства — власти вязать и решить грехи человеческие, в тайне причащения пречистого тела и крови Христа-Бога, во власти ходатайства священнослужителей, которое есть ходатайство Самого Христа — ибо един "ходатай, Бога и человеков — Христос Иисус, давый Себе избавление за всех". В литургии, говорит о. Иоанн, в этом служении искупления и примирения, всепрощения, воссоздания и воссоединения нашего, заключается всегдашнее наше оправдание, примирение с Богом, обновление, освящение, обожение, источник бессмертия, тут семью семьдесят крат подается оставление падающим в грехи, кающимся и причащающимся св. Таин" (Жизнь в недрах церкви. 1903 г., с. 11—12).

И с этим Богом любви, Богом прощения и примирения, дорогой батюшка был в постоянном единении чрез пламенную свою молитву. Этого Бога любви он носил в сердце постоянно, ежедневно воспринимая Его в таинстве причащения.

Вот почему из его богоносного сердца изливалась всегда целая река живой любви к людям, целые потоки жалости и милосердия к людским горям, страданиям, лишениям, к их немощам и грехам.

Отец Иоанн всегда ярко горит Божественным огнем. Но этот огонь не опалял, а согревал людей и просвещал их. Это был именно огонь Божественной любви, отражение и лучи спасающей любви Христовой.

И в лучах этой любви, исходящей от Иоанна, согревались и духовно просвещались тысячи, десятки тысяч людей.

Эта любовь привлекала к дорогому батюшке тысячи, миллионы тысяч, всегда жаждущих искренней веры, всегда алчущих настоящей, живой любви.

К о. Иоанну шли отовсюду люди, обремененные грехами и скорбями, нуждами и лишениями, и получали скорую помощь и утешение.

Люди, носившие какой-нибудь тяжкий грех в душе своей, не решавшиеся исповедать его никому другому по уверенности, что грех его больше, чем простить можно, шли в Кронштадт к дорогому батюшке, и здесь под влиянием согревающей любви о. Иоанна и расплавлялась душа их, у них являлась надежда на прощение, и они открывали давний и тяжкий свой грех и получали прощение и утешение. Камень снимался с души, и человек воскресал для новой жизни.

Люди, нуждающиеся материально, люди, которым некуда было обратиться, которым грозил голод, исключение из учебного заведения, выселение с квартиры — и вообще нуждающиеся материально, всегда стремились к о. Иоанну и получали от него скорую помощь.

Как скор и отзывчив был о. Иоанн в деле материальной помощи, мне пришлось испытать лично.

На первых порах моего пастырского служения у меня было большое братство трезвости. И нужно было строить помещение для воскресных собраний трезвенников, помещение, куда отрезвившиеся люди могли бы приходить по праздникам для бесед, чтений, собеседований со священником, где бы можно было предложить стакан чаю, попеть молитвы общим пением, где бы можно было устроить воскресные классы, библиотеку, больницу и другие учреждения при храме. Но денег у нас в братстве не было ни копейки, члены все были бедные, неимущие.

Я попросил лист у председателя общества, в котором служил, и поехал к одному доброму человеку. Тот посоветовал ехать в Кронштадт к о. Иоанну, обещал дать втрое более, чем о. Иоанн.

Пришлось поехать в Кронштадт в тот же день вечером. Была глубокая осень. Шел мелкий дождь. Конец октября. И непроходимая слякоть. Ехал всю ночь. К утру я был в Кронштадте. Пришел в Андреевский собор до начала утрени. Стою в алтаре. Кончалась утреня. Пришел о. Иоанн. Дав ему помолиться, подхожу к нему, в двух словах излагаю просьбу. О.Иоанн берет лист и пишет: "Бог благословит доброе дело. Жертвую сто рублей. Пр. И. Сергиев". И, обласкав меня, тотчас вынул из бокового кармана сторублевую бумажку и вручил мне.

Счастливый удачным исходом дела, я возвращался в Спб. и, не заезжая даже домой, поехал к тому доброму человеку, который направил меня к батюшке, и тотчас получил от него 300 р. С легкой руки о. Иоанна, в течение одного месяца собрали более 3000 р., а в следующем месяце мы уже торжественно заложили дом-барак — первый церковный дом трезвости на Выборгской стороне. Благодарные трезвенники называли иногда этот дом детищем о. Иоанна.

Отзывчивость о. Иоанна к нуждающимся доходила прямо до прозорливости.

Мне рассказывала одна духовная дочь про свою знакомую. Ей до праздников необходимо было получить 25 р. Она пришла к о. Иоанну, но стояла в толпе и не решалась даже подойти к нему, чтобы высказать ему свою просьбу.

Вдруг о. Иоанн подходит к ней сам и дает ей 25 руб. Так иногда еще прежде прошения удовлетворял о. Иоанн насущные нужды человеческие, подражая в этом случае Небесному Отцу людей.

Другой случай подобной прозорливости рассказывала мне лично одна знакомая. Однажды в храме она

сильно желала получить благословение от о. Иоанна. Но толпа грубо и долго оттесняла ее, так что, утомленная и огорченная неудачей, она отошла в сторону, отчаявшись получить благословение дорогого батюшки, и в это время в душе подумала: "Ну, может быть, за то Бог благословит меня"... Но вот толпа поредела, и вдруг о. Иоанн сам подходит к ней и говорит: "Ну, а тебя Бог благословит".

Можно ли перечислить все дела и проявления живой любви и сочувствия к людям, которые широкой и непрерывной рекой лились от о. Иоанна.

Кажется, нельзя себе и представить о. Иоанна иначе, как кого-нибудь утешающего, за кого-нибудь молящегося, кому-нибудь помогающего духовно или материально.

Могла ли умереть эта духовная сила любви Христовой с физическою смертию дорогого батюшки?

Нет. Это могут свидетельствовать все бывшие на его погребении.

Что это была за служба "парастас" накануне его погребения и самое отпевание!

Это была не печальная служба прощанья паствы навеки с любимым пастырем, это был чудный праздник любви живой и не умирающей.

Чувствовалось, что дух любимого пастыря витает в храме и благодатно объемлет с обычной ему любовию и ласкою всех собравшихся отдать ему последний долг.

От гроба его исходило какое-то чудное благоухание, не вещественное, воспринимаемое обонянием, а духовное, ощущаемое верою.

Чувствовалось, осязательно чувствовалось, что благодатный пастырь телом только умер, а духом — с нами и будет с нами своею теплою молитвою к Богу за всех обращающихся к нему и своею любовию, изливающеюся по-прежнему на всякого приходящего к его гробу,— близкого и далекого, праведного и грешного.

Об этой живой, не умирающей Христовой любви богоносного пастыря свидетельствуют те несметные толпы народа, что идут теперь на Карповку[3], в его любимую обитель к месту его упокоения, как прежде шли в Кронштадт,— со всех концов России.

Об этой живой, не умирающей любви почившего свидетельствуют те исцеления и те незримые утешения, что получаются в маленькой белой церковке над его гробницею.

То, что эта церковь-усыпальница всегда наполнена до тесноты народом, что все время своды ее оглашаются пением панихид по дорогому батюшке, что белый мрамор его гробницы часто орошается слезами, и свечи ярко пылают у ее изголовья, — все это — яркое доказательство не только не умирающей любви паствы к пастырю, но и такой же любви почившего телом, но живого духом — приснопамятного пастыря.

И творя память его, собираясь вокруг гробницы его или в честь его имени, мы — сознательно или бессознательно — хотим пробудить в себе дух живой любви христианской, покоящейся на живой вере в Бога Спасителя мира.

От этого горящего светоча земли Русской хотим мы возжечь свои светильники веры и любви.

Свет от света. Огонь от огня. Как Елисей к пророку Илии, возносящемуся на небо, мысленно взываем мы к отошедшему от нас, но не оставляющему нас духом приснопамятному дорогому пастырю:

"Отче, Отче, дай нам от духа твоего! Дай твоей пламенной веры от Бога Спасителя, твоей горящей любви к Нему, дай твоей дерзновенной молитвы к Богу, дай твоей безграничной, всеобъемлющей любви к людям и нежной ласки ко всем".

И пройдут годы, десятилетия, века, а новый светоч Русской церкви не погаснет и не потускнеет, а будет гореть, все ярче и светлее и освещать путь ко Христу грядущим поколениям пастырей и пастве.

Ибо на этом новом праведнике земли русской лежит печать правды не человеческой, временной и всегда колеблющейся, а печать правды вечной, Божией.

Этот светоч светит нам не своим самодельным, человеческим светом, а отражает единый, истинный свет, невечерний свет Христов.

О. Иоанн Кронштадтский в своей жизни и деятельности, в меру данного ему Богом дара, отразил и воплотил спасающую любовь Христову.

И потому имя его никогда не забудется, и память его будет в роде и роде.

Печатается по: "Кронштадтский Пастырь" (в дальнейшем — "К. П."). 1912. N 7. С. 122—127.

Священник
А. СПЕРАНСКИЙ

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ

В настоящем случае я считаю не бесполезным предложить вниманию наших читателей почти в буквальной передаче речь о. Иоанна, сказанную им пастырям в г. Сарапуле[4] 21 июня 1904 г.

До Сарапуля, куда я приехал для свидания со своими родственниками, я не был лично знаком с о. Иоанном.

Узнавши, что о. Иоанн приехал в Сарапуль на три дня и будет служить здесь, я попросил местного преосвященного Михея[5] разрешить мне сослужить о. Иоанну. Разрешение охотно было дано. И мне представилась счастливая возможность видеть батюшку и в богослужении.

Отслужив литургию в соборе и на другой день в мужском монастыре и предполагая на следующий день выехать из Сарапуля, о. Иоанн предложил сослужившим ему и всем съехавшимся почтить его священникам собраться вечером того дня в здании духовного училища для прощальной братской беседы.

Такое неожиданное предложение, разумеется, всеми было принято с радостью и к назначенному часу все были в соборе. Для пришедших были открыты — церковь, актовый зал и некоторые из классных комнат. Беседа предполагалась в зале, где для этой цели был накрыт длинный стол с вазами фруктов, а в особых комнатах приготовлен был чай. Очевидно, беседа предполагалась довольно продолжительная и в самой простой домашней обстановке. Но к великому огорчению ожидавших о. Иоанна, он, правда по не зависящим от него обстоятельствам, явился на собрание только в 9 ч вечера. Чтобы не быть задержанным толпой, он был проведен в зал не главным, а боковым

входом, со двора, и по желанию его на беседу никого не допустили, кроме лиц в священном сане.

Быстро занявши место за серединой большого стола, о. Иоанн тотчас же начал свою речь. Его речь, насколько можно было запомнить ее, была следующая: "Вы, дорогие мои братья, конечно, слышали, что я прославлен в России, что меня часто ищут и приглашают помолиться о больных, бесноватых и в разных других случаях. Я езжу, молюсь,и, "по велицей Своей милости", Господь дарует исцеления. Во многих людях со слабой верой эти исцеления вызывают удивление и даже недоверие, тогда как на самом деле этого и не должно бы быть. Чтобы понять это, достаточно припомнить слова Самого Спасителя, Который сказал: "если вы будете иметь веру с горчичное зерно и скажете горе сей: "перейди отсюда туда", и она перейдет; и не будет ничего невозможного для вас" (Мф. 17, 20); и в другом месте: "Истинно, истинно говорю вам: о чем ни будете просить от Отца во имя Мое, даст вам" (Ин. 16, 23). "Просите и дастся вам". Молитва доступна каждому; следовательно, каждый и мог бы получить от Бога и дар исцелений, но при непременном, конечно, условии — веры и чистоты. Я же в меру сил своих всегда заботился о том и другом.

В частности же, как создавалась моя слава, которой я не искал и которая сама шла за мной, и как я приобретал силу в молитве, я расскажу вам.

В Кронштадте жила одна простая, но верующая и добродетельная женщина, по имени Прасковья Ивановна, родом костромичка. Она несколько раз просила меня и уверяла, что, если я помолюсь за ее больных родственников, то они исцелятся. Я стал молиться. И они, действительно, исцелились. Об этом случае она не только не умолчала, но даже и опубликовала его. Правда, я не хотел этого, но так как это исцеление было совершено не моей силой, а силой Божией, то я и не считал себя вправе заграждать от избытка сердца гово-

рящие уста ее. Таким образом, этот случай исцеления стал общеизвестным и породил молву. Что же касается лично до меня, то он еще более укрепил мою веру и, так сказать, наглядно убедил меня в том, что "Бог близ нас" и что Он, действительно, скорослушлив и многомилостив. После этого стали приглашать меня и к другим больным все чаще и чаще. Я молился усерднее и настойчивее, и мои молитвы сопровождались новыми знамениями милости Божией. При этом в ряду исцелений были поразительные случаи, когда Господь воздвигал от одра болезни таких больных, которые земными врачами безнадежно приговаривались к смерти.

Молитвой я изгонял и бесов и изгнал их бесчисленное множество. Но были случаи, когда я их не мог изгнать, когда они прямо и дерзко заявляли мне: "Мы — самые главные... мы начальники духов... не выйдем..." И несчастные в страшных мучениях так и помирали бесноватыми. Конечно, и их можно бы изгнать, так как бесы трепещут пред именем Христа, но я оказывался слаб потому, что по роду приходской службы своей, за постоянными разъездами по больным для напутствований, я не имел возможности ни уединиться, ни помолиться более или менее продолжительное время, ни попоститься и вообще не мог надлежащим образом подготовиться к борьбе с ними, а между тем "род сей ничим же исходит, токмо постом и молитвой"*.

Мы, други мои, всегда ведем борьбу с духами злобы поднебесной, и только благодаря диаволу, "который человекоубийца бе искони"**, совершается в мире столько нравственных падений и "мир во зле

* Мф. 17, 21. — *Прим. ред.*
** Ин. 1. 8, 44. — *Прим. ред.*

лежит"*. Духи злобы преследуют нас своими кознями на каждом шагу, действуя преимущественно на наши внешние чувства и возбуждая через них соответственные страсти. Они всегда нападали и нападают и на меня; ни днем, ни ночью я не знаю от них покоя. Конечно, я не видел их глазами, потому что бесы, с целью скрыть свое бытие, не являются людям в видимом образе; но я всегда чувствовал их уязвления и искушения, хотя молитвой и всесильным именем Христа всегда их отражал и побеждал. Особенно много мне пришлось испытать искушений и соблазнов в начале моей службы при совершении таинств крещения и миропомазания и даже при совершении величайшего таинства св. Евхаристии, но с течением времени они уже не были для меня так назойливы, и я освободился от них.

Кроме исцелений больных и бесноватых, моей известности много способствовало и то, конечно, что заветы Христовы я всегда старался и стараюсь проводить не на словах только, но и на деле — в жизни своей. А это самое главное, чем каждый пастырь может привлечь к себе внимание и доверие своих пасомых, а через это и подчинить их своему влиянию и авторитету.

Свое общее духовное развитие я начал прежде всего с самопознания; я старался разобраться в себе и отметить все доброе и худое. Для большего же над собой контроля, анализируя свои мысли и чувства, я тотчас же переношу на бумагу более заслуживающие из них, т. е. я веду дневник своей духовной жизни. А так как я пишу его только в минуты озарения, то он и для вас может быть далеко не бесполезен[6]. Что же касается моей частной жизни, то я, братие, живу, как и все живут: я не держусь аскетизма. Но не подумайте, что я считаю его чем-либо недостойным подражания.

* 1 Ин. 5, 19. — *Прим. ред.*

Может быть, для меня было бы и полезнее жить в аскетической обстановке, но условия моей службы лишают меня возможности быть аскетом".

На вопрос одного из присутствующих, чем объясняется его глубокая сосредоточенность в молитве, несмотря на то, что в служении, особенно соборном, нередко бросаются в глаза разные непорядки, — не зависит ли это от его усиленного подготовления к службе, не читает ли он особых своих молитв или не вошедших в канонники, — о. Иоанн ответил: "Отчасти это объясняется моей привычкой служить в разных местах и с незнакомыми лицами; главным же образом это зависит от того, что во время служения, особенно литургии, я всегда считаю себя грешнейшим и немощнейшим из людей, и в эти минуты я бываю блаженнейшим человеком. Не отличается чем-либо особенным и мое приготовление к богослужению. В настоящее время я и не всегда имею возможность прочитывать все положенные каноны или так называемое "правило". Но я всегда прочитываю все молитвы вечерние, утренние и пред причащением и непременно сам читаю утренний канон Живоначальной Троице, положенный на пятидесятницу. Но, конечно, все это прочитываю очень внимательно и прочувствованно".

Далее, на вопрос, как бороться с унынием в деле пастырства, проистекающим, во-первых, от сознания своей собственной греховности, во-вторых, от хульных помыслов, которые появляются иногда в самые священные минуты, и, в-третьих, от уныния, которое приходится переживать при виде торжествующего в мире зла, — о. Иоанн сказал: "Всякое уныние — дело диавола и с ним нужно бороться. Уныние не должно иметь места даже при сознании собственной греховности, как потому, что "никто же свят, токмо един Бог", так и потому, что дело пастырства, или учительство церковное, есть прямой долг наш, на который мы призваны

и уполномочены церковью и от которого мы не вправе отказываться, даже при сознании своей собственной духовной немощи. Эта мысль и должна отгонять всякое уныние и ободрять пастыря. "Не вы Мене избрасте —, говорит Христос, — но Аз избрах вас и положих вас, да вы идете и плод принесете" (Ин. 15, 16).

Что же касается хульных помыслов, одолевающих служащих даже во время богослужения, то это прямо от недостатка веры в нас. Борьба здесь не нужна и даже, пожалуй, вредна; их просто следует презирать и подавлять в самом же начале, так как они того только и заслуживают. Истинно и горячо верующего человека хульные помыслы никогда до уныния довести не могут.

Другое дело — уныние от торжествующего в мире зла. Подобное состояние и мне приходилось переживать. Но с существованием зла необходимо мириться, помня то, что так уж Премудрому Богу было угодно, чтобы в мире добро и зло жили рядом и что Он, как всемогущий, Ему только ведомыми путями силен и зло обратить в добро".

За поздним часом о. Иоанн закончил на этом свою речь, пожелав присутствующим успеха в нелегких, но драгоценных трудах на ниве Христовой.

Эта речь, как сказанная в высшей степени просто, убежденно и задушевно, произвела на присутствующих самое благотворное впечатление. После нее чувствовался особый подъем духа, и было приятно возвратиться к своей пастве на новые труды.

Печатается по: "К. П.". 1915. N 36. С. 562—566.

Д. А. ОЗЕРОВ,
генерал-лейтенант[8]

ОТЕЦ ИОАНН КРОНШТАДТСКИЙ
(Личные воспоминания)

С чувством глубокого сердечного умиления приступаю я к изложению личных моих воспоминаний о незабвенном молитвеннике нашем отце Иоанне Кронштадтском. Мое искреннее желание — правдиво и благоговейно рассказать все то, что я видел и слышал, все, что я перечувствовал и испытал в присутствии нашего Всероссийского Пастыря, духовная паства которого простиралась от Белого до Черного моря, от Великого океана до Балтийского моря, и в силу молитвы которого верили миллионы не только православных христиан, но и иноверцев.

Жизнь о. Иоанна, его учение, служение и неотразимая сила его обаяния на наш народ заключается в том, что отцу Иоанну была дана свыше особая благодать — воплотить в себе, в самый материалистический век, те начала православной веры, духа и любви, которые легли в основу жизни русского народа, его духовного и гражданского строя, его истории. Отец Иоанн в своем пастырском служении воскресил преемственно, во всей эстетической привлекательности и во всем великом церковном и общественном значении, идеал древних Предстоятелей нашей Православной Церкви, Святителей, Печальников и Молитвенников, руководителей жизни народной.

Впервые познакомился я с отцом Иоанном в девятидесятых годах у старого его друга, старушки, царскосельской купчихи, Барановой. Благочестивая, древняя, оригинальная старушка Баранова принимала у себя о. Иоанна, как в древние времена принимали пророков, святых угодников. О. Иоанн служил у нее в доме всенощные, молебны, освящал воду и беседовал с

простой, но детски верующей старушкой, которая выливала ему все свои заботы, беспокойства, поверяла все свои семейные и торговые дела, безгранично ему доверяла и всей душой верила в силу его молитвы. Отец Иоанн относился к ней с глубоким уважением, терпеливо выслушивал все ее сетования и повествования, отвечал на ее вопросы просто, для нее понятно, говорил с нею, как говорят с детьми, утешал, ободрял ее, молился о всех ее заботах, часто ее приобщал. Много на Руси было таких друзей у о. Иоанна, и друзья эти готовы были отдать все, что имели, по одному его слову. Дружба о. Иоанна с такими простыми, добродушными, по-детски верующими людьми, их безграничная вера в его святость, воздвигли по всей родине нашей такие богоугодные учреждения, о которых на Западе и понятия не имеют.

В Царском Селе, например, другая благочестивая старушка М. А. Дрожжина, по одному только слову о. Иоанна на молебне в частном доме, назвавшего ее, бездетную, "бабушкой" и благословившего все ее добрые намерения, устроила образцовый родовспомогательный приют для 50-ти бедных рожениц, пристроив к нему великолепный храм. "Как назвал он меня, бездетную, одинокую, — бабушкой, так я и поняла, что должна устроить приют для бедных рожениц, и теперь у меня в доме рождается 600 внучат ежегодно",— рассказывала мне с умилением почтенная старушка. В доме везде красуются портреты о. Иоанна. Таких богоугодных заведений много на Руси, и воздвиглись они не с обдуманными филантропическими целями, а просто "во Славу Божию и по молитвам драгоценного батюшки".

Но не ко всем относился о. Иоанн с таким благодушием. Я присутствовал однажды при крайне суровом обращении о. Иоанна с лицом, занимающим видное положение. Человек тот, пользуясь пребыванием о. Иоанна у старушки Барановой, пришел к ней и просил о. Иоанна зайти к нему на квартиру, на

той же улице, к больному сыну. О. Иоанн наотрез отказался, и, когда просящий стал перед всеми присутствующими на колени и умолял о. Иоанна посетить его квартиру, о. Иоанн, к удивлению всех окружающих, сказал: “Я здесь освятил воду, возьмите ее с собой и окропите ею всю вашу квартиру, и тогда только я приду”. Безропотно, при всех, человек этот поклонился о. Иоанну в ноги, взял чайник со святой водой и удалился. Обождав некоторое время, при общем молчании, о. Иоанн перешел через улицу и вошел к больному. Выходя из дома, о. Иоанн наотрез отказался от объемистого конверта с деньгами, который умолял его принять хозяин квартиры “для раздачи бедным” и, сев в экипаж, принял с благодарностью протянутый ему с запиской каким-то оборванцем рубль. Не могу при этом не вспомнить и другой знаменательный случай, свидетелем которого мне пришлось быть. В Царском Селе жил молодой еврей Г., сын портного, кончивший университет, провизор. Жена его тяжко заболела, и доктора объявили ее безнадежной. Пришел ко мне Г. и спрашивает совета, может ли он, еврей, поехать к о. Иоанну в Кронштадт просить его молитв, так как он в сущности никакой религии не признает, но верит в силу молитвы о. Иоанна. “Просить все можно”, — ответил я ему.

Через несколько дней зашел ко мне сияющий от радости Г. и объявил, что ездил в Кронштадт. О. Иоанн выслушал его, помолился о выздоровлении его жены, был с ним очень ласков, а вернувшись домой, он нашел жену вне опасности. “Еду к о. Иоанну его благодарить и очень обрадую его, так как мы решили, в знак благодарности, у него креститься”. Дня через два приходит ко мне Г., сконфуженный и смущенный.

— Представьте себе, — говорит он мне, — что о. Иоанн не согласился меня крестить. Я ему сказал, что в благодарность за выздоровление моей жены мы с женой решили принять крещение из его рук. “А ве-

руете ли вы в Воскресшего Христа Спасителя?" — спросил о. Иоанн. "Нет, — ответил я, — но верю в святые ваши молитвы". "Ну в таком случае я вас крестить не могу, — сказал батюшка, — благодарности вашей мне не надо, изучайте Евангелие, обратитесь к любому священнику и, когда вы уверуете в Христа Спасителя, — креститесь".

— Так я ушел ни с чем, — с грустью сказал Г. — и теперь не знаю, как быть: о. Иоанн ничего от меня принять не пожелал.

Кто видел о. Иоанна только на молебне в частных домах, тот не имеет о нем понятия. Надо было видеть его перед жертвенником во время совершения проскомидии и перед Св. Престолом во время литургии, тогда только получалось представление о глубине его священнического подвига. О. Иоанн во время литургии молился так, что, глядя на него, становилось понятно и ясно, что столько сердец обширной нашей родины глубоко верили в силу его молитвы. В Кронштадтском соборе[7] почти ежедневно в шестом часу утра начиналась служба, утреней. Внутри храма полумрак; перед образами горят свечи, народу много, все благоговейно, без шума и суеты входят, подают записки, покупают свечи, толпятся у просвирных столиков. "Батюшка уже в пять часов выехал, ездит по Кронштадту", — шепчет сторож. В южном приделе начинается утреня, служит очередной священник. В главном алтаре, у жертвенника, стоит о. Иоанн, перед ним горит свеча, он весь углублен в чтение писем и телеграмм; после каждого письма долго молится и кланяется; в алтаре тихо, сторожа ходят на цыпочках, видно боятся тревожить общего молитвенника. Собор полон народа, но из алтаря кажется, что никого в соборе нет — тишина и общее молчание. В южном приделе продолжается служба. Вдруг все как будто встрепенулись. По собору проносится волна общего вздоха, это на клирос вышел о. Иоанн, стал за причетника

читать и петь канон. Народ толпится у клироса и смотрит в упор на о. Иоанна, а он, не обращая ни на кого внимания, вдохновенно читает, подчеркивая некоторые слова, дирижирует небольшим хором причетников. Кончается утреня, к о. Иоанну подходят приезжие священники и диаконы, просят служить с ним литургию. О. Иоанн обнимает их и ласково обходится со всеми, подходит к стоящим в алтаре, всех благословляет. Начинается литургия. О. Иоанн в светлом, всегда праздничном облачении, с просветленным лицом, стоит перед Престолом, и душа его беседует с Богом и с Небесной Церковью — с Св. Угодниками Божиими. Он порывисто берет в руки Крест и целует его, подымает руки, делает движения как бы в немом разговоре, утвердительно кивает головой при чтении Апостола и Евангелия, торжественно совершает выходы; вы видите в нем, во всех его движениях, в возгласах, им произносимых, непоколебимую веру в великое значение священнического сана, преемника Апостолов и Святителей, в котором горит священный огонь веры в совершаемое великое Таинство Евхаристии, по установленным Церковью правилам, и на которого обильно изливается свыше благодать совершать в святости и чистоте дела Божии. Народ это чувствует, и каждое появление о. Иоанна встречается общим гулом вздохов и молитвенных возгласов.

Все священнослужители, клир и народ слиты в одну общую молитвенную душу, возносящую к Богу все свои нужды и печали, все свои сомнения, радости и горести, и подъем этого общего молитвенного настроения делается все выше и выше. А о. Иоанн при совершении Даров обращается лицом к народу, перед закрытыми Царскими вратами, указывает на Дары и, признося "Приимите, ядите, сие есть Тело Мое", приглашает всех на Тайную Вечерю.

После вознощения Даров о. Иоанн несколько раз берет в руки дискос с Агнцем и Св. Чашу, подымает их, и слезы так и текут по его щекам. Он весь в молитве, не видит и не слышит, что кругом его происходит, лицо его озаряется светом благодати. Никто не мог в эти минуты без особого умиления и глубокого волнения смотреть на о. Иоанна. Слезы умиления так и льются из глаз, вы чувствуете все ваше ничтожество, всю вашу слабость, всю бедность вашей веры перед этой картиной великой, чистой, непоколебимой веры. Вы проникаетесь чувством, что отец Иоанн молится за всех, прибегающих к нему за помощью, скорбит за всех, молит, как бы требует, по обетованию, помощи и заступления от Бога, и вам становится ясно, что молитвы о. Иоанна услышаны, что молитвы его именем Христа Спасителя доходят до Престола Всевышнего, что благодать Божия озаряет его чело, его глаза, весь его облик святостью и небесным светом. Вы постигаете, что в Царствии Небесном преобразившееся человеческое тело, созданное по образу и подобию Всемогущего Бога, будет прекрасно, будет сиять, как сияют Ангелы, Архангелы, Херувимы и Серафимы, как сияют все святые, "празднующие глас непрестанный и зрящие доброту неизреченную Лица Божьего".

Во время раздробления Агнца и приобщения духовенства Св. Таин о. Иоанн говорит громко и воодушевленно тексты из Св. Писания. "Слово Плоть бысть и вселися в ны"*, пророчества, прообразы Ветхого Завета, извлечения из псалмов.

После причастного стиха начинается приготовление к общей исповеди[9]. Отец Иоанн выходит на амвон и становится лицом к народу. Он читает молитву перед исповедью, в которой упоминается о пророке Давиде, и подробно рассказывает всю историю Царя Давида, затем читает вторую молитву и рассказывает

* Ин 1, 14. — *Прим. ред.*

историю царя Манассии. Отец Иоанн говорит громко, звучным голосом, и видно, речь его льется прямо из сердца, речь не подготовленная, а прочувствованная в данную минуту. Еще сердечнее и теплее звучит его голос, когда он переходит к Новому Завету, и с умилением говорит он о Всепрощающем Христе: "Во времена Христа Спасителя легко было каяться: пришел, поклонился в ноги Спасителю и вылил перед Ним всю свою душу, умыл слезами Его Ноги, поверг к стопам Его все свои болезни и печали и сразу получил облегчение и прощение грехов. Теперь не то, теперь труднее, надо веровать, надо каяться с сокрушенным сердцем, надо прибегать к Его милосердию, надо плакать, надо обещать не грешить". Долго говорит отец Иоанн, и все сильнее бьются сердца слушателей, все глубже проникают слова милосердия и покаяния; уже многие плачут и сокрушаются, а простые бабы громко всхлипывают. Отец Иоанн прерывает свою проповедь, обращаясь к рыдающим бабам: "Подождите, не плачьте, я вам скажу, когда каяться, теперь слушайте меня внимательно", — и бабы успокаиваются, только некоторые безутешно, тихо плачут; видно, очень уж тяжело на душе и очень радостно наконец услышать слова утешения любимого батюшки. А батюшка, все более и более сам трогаясь, продолжает говорить о покаянии, приводить примеры из Евангелия, говорить о блудном сыне, о блуднице и останавливается на кающемся разбойнике: "Многие думают, что и они в последнюю минуту покаются, скажут: помяни мя, Господи, во Царствии Твоем, — и этим спасутся. Нет, не рассчитывайте на покаяние при последнем издыхании, надо всю жизнь помнить Христа, следовать Его заповедям и чаще прибегать к слезному покаянию. Разбойник вам не пример: ему было прощено все за то, что он усладил своей живой верой последние минуты страдальца Богочеловека, в то время, когда Спаситель был окружен гонителями,

когда человеческая природа Его невыразимо страдала. Не сравнивайтесь с ним, кайтесь, пока здоровы, пока живете. Я,сам грешный и окаянный, когда каюсь, слезно прошу Бога простить мои беззакония и неправду". Не выдерживают простые сердца слушателей смиренной речи любвеобильного своего пастыря. "Куда нам до тебя! Ты за нас помолись", — раздаются со всех сторон голоса, полные слез и умиления. "Я за вас помолюсь, но и вы молитесь, кайтесь, припоминайте ваши грехи". И отец Иоанн громко начинает перечислять все грехи и недостатки людские и громко спрашивает: "Каетесь ли вы и обещаете ли стараться не грешить?" Весь народ, все присутствующие начинают громко молиться и плакать, а он, всеобщий молитвенник и печальник, поднимает руки и глаза к небу, и слезы ручьями текут из его глаз, и видно, что он за всех страдает, за всех просит у Всещедрого Господа прощения и помощи, за всех, кто с доверием обращается к нему, кто из дальних окраин нашей родины прибегает к его помощи в дни болезни и печали. Кто видел эту картину молитвы отца Иоанна перед плачущей толпой, тот ее никогда не забудет и в ней найдет нравственную поддержку и утешение во всех тяжелых минутах своей жизни. Подняв высоко свою епитрахиль над народом, отец Иоанн растроганным голосом читает разрешительную молитву и исчезает в раскрывшиеся Царские врата. Затем все присутствующие причащаются Св.Таин.

Все мной изложенное относится к общим со всеми знавшими отца Иоанна впечатлениям. Перехожу к своим личным о нем воспоминаниям.

В 1891 году в России был голод[10], принявший в некоторых губерниях угрожающие размеры. В Стрелковом батальоне Императорской фамилии в Царском Селе все нижние чины поступали из бывших удельных крестьян[11], поэтому в батальон начали поступать просьбы о помощи запасных стрелков из голодных гу-

берний Симбирской, Самарской и Воронежской. Офицеры батальона учредили при батальонной церкви попечительство во Имя Св. Николая Чудотворца о семействах отставных и запасных нижних чинов батальона, пострадавших от неурожая. Но что могли сделать офицеры, когда сотни бывших их сослуживцев стали обращаться за помощью, описывая в ярких красках свое бедственное положение. Зная по опыту, как разрасталось и развивалось каждое богоугодное дело при молитвенном содействии о. Иоанна, я обратился к нему с усердной просьбой приехать в батальонную церковь 9-го мая и отслужить молебен св. Николаю Чудотворцу и этим положить начало делу помощи голодающим стрелкам. Получил письменный ответ от о. Иоанна, что 9 мая праздник в Кронштадте и что он, к сожалению, приехать не может. 7-го мая утром вдруг получаю телеграмму из Москвы от о. Иоанна, что он приедет 8-го мая вечером в Царское Село, будет у меня ночевать, рано утром отслужит утреню, литургию и молебен с акафистом Св. Николаю Чудотворцу. Почитатели о. Иоанна могут себе представить, с какими чувствами радости и умиления встретили мы дорогого гостя. Ко мне на квартиру стали приходить солдатики с различными просьбами и записочками для батюшки, а один сверхсрочный унтер-офицер просил личного свидания. О. Иоанн его тотчас принял, и унтер-офицер просил об исцелении своей жены, которая уже несколько лет страдает страшным недугом — она не может подойти к Св. Чаше и потому не может сама приобщить своего ребенка. О. Иоанн приласкал унтер-офицера, обещал помолиться и велел привести жену в церковь до утрени. Я неоднократно в Кронштадте присутствовал при тяжелой обстановке борьбы о. Иоанна с одержимыми этой страшной болезнью, невозможностью присутствовать при литургии и приближаться к Св. Чаше. Называю это борьбой, так как воочию видел,

как тяжело приходилось о. Иоанну, шаг за шагом, приближать их к Св. Чаше. Видел я раз молодую, вполне здоровую на вид бабу, которую вели четверо мужчин. Она с большим усилием делала шаг вперед и затем упиралась, и никакими средствами нельзя было ее сдвинуть с места. О. Иоанн целую неделю ежедневно перед началом службы заставлял ее подвигаться вперед на один шаг, молился, кропил ее святой водой, при этом сам видимо страдал, обливался потом, именно боролся с невидимой силой. Я воспользовался случаем с унтер-офицером и выразил батюшке мое сомнение, что эти простые бабы одержимы бесом. При этом я выразился так: "Я не верю в беса, который может вселиться в простую, темную бабу; отчего же он не вселяется в образованных, интеллигентных людей? Самые безнравственные, злые и неверующие люди беспрепятственно присутствуют при совершении таинства, а простые бабы мечутся, кричат и неистовствуют". На это о. Иоанн мне ответил следующее: "Верить надо в Бога, в Воскресшаго Спасителя, а в бесов верить не надо, это от христианина не требуется. Вы об этом и не думайте, и вообще это совершенно не ваше дело и не входит в круг ваших обязанностей. Верить в бесов не надо, и чем меньше вы о них думаете, тем лучше. Живите по Евангелию, будьте настоящим христианином, и тогда злой дух для вас не страшен. Но мы, священники, постоянно имеем с ним дело, и я думаю, что каждый настоящий служитель алтаря знает, что злые духи и бесы существуют, и борется с ними.

Что касается того, что вы не понимаете, почему бесы не входят в образованных людей, то вы ошибаетесь. Бесы в простых людей входят по простоте, и горе тем злым людям, которые имеют с ними сообщение и через которых бесы вселяются в простых, темных людей. Эти последние только страдают, виновники же те, которые имеют сношение с злым духом. Горе, горе им!

В образованных и интеллигентных людей злой дух вселяется в иной форме, и бороться с ним гораздо труднее. Вообще, повторяю, не думайте об этом. Бывают люди психически больные, бывают нервные. Этих надо лечить, но бывают и одержимые злым духом, и этим никакое лечение не поможет. Они исцеляются только "молитвой и постом". Не следует углубляться в эти вопросы, предоставьте это священникам, которые получили особые Дары Св. Духа для борьбы с злым духом. Злой дух, или попросту диавол, очень любит, когда ему придают большое значение, боятся его, он, лукавый, отец лжи, сейчас же этим пользуется, и тогда беда..."

В первом часу ночи о. Иоанн лег отдохнуть и уже в 4 часа утра встал и предложил выйти на воздух, погулять. День был чудесный, солнечный, и мы вышли в парк, к озеру. Всю жизнь о. Иоанн любил одиночество, чистый воздух, природу, и вся жизнь его протекла в городах, в толпе, в спертом воздухе. Надо было видеть, как он восхищался каждым деревцом, каждым зеленым листиком, как он жадно дышал свежим утренним воздухом, как славил Бога в Его творениях!

Около пяти часов утра мы вышли из парка и на шоссе перед казармами встретили толпу чухонок с молоком. Чухонки, увидев о. Иоанна, окружили его и просили его благословить их кувшины, открывали крышки, и о. Иоанн крестным знамением осенял каждый кувшин, клал руки на головы чухонок, которые плакали от радости и целовали его руки.

Во время прогулки о. Иоанн объяснил мне, почему, несмотря на праздник в Кронштадте, он решил приехать к нам отслужить молебен в Попечительстве во имя Св. Николая Чудотворца. Постараюсь как можно точнее передать его слова. "Когда вы мне написали, что помощь голодающим солдатам предполагается устроить во имя Св. Николая Чудотворца, я почувствовал, что должен приехать. Я никогда не за-

бываю 9 мая и того, что для меня сделал в этот день Св. Угодник Николай Чудотворец! И в этот день всегда особенно его праздную, благодарю и прошу его помощи и заступничества.

Это было давно! Я тогда еще был студентом Духовной Академии. За несколько дней до 9 мая ко мне зашел мой товарищ по Академии и сообщил мне горестную и ввергнувшую его в отчаяние весть, что он совершенно и безнадежно оглох. Все врачи, к которым он обращался, объявили ему, что он неизлечим. Я ему говорю: "А как же выпускные экзамены? Как же ты их будешь держать?" Пишу ему на бумаге; он прочел и говорит: "Как же я могу держать экзамены, когда я ничего не слышу?" Я возмутился духом. Да ведь это невозможно, немыслимо! И пишу ему на той же бумажке: "Приходи ко мне 8-го вечером, и мы всю ночь с тобою помолимся Николаю Чудотворцу, затем отслужим литургию, молебен с акафистом. Так мы и сделали, и мы вдвоем так молились, так просили, так убеждали Николая Угодника нам помочь, что, после акафиста, мой товарищ вдруг услышал, и мы друг друга поздравляли, плакали и обнимались. И он успешно выдержал все экзамены. Вот это событие я никогда 9-го мая не забываю и всю жизнь благодарю Угодника Божиего за его помощь и заступление". Радостно и благоговейно встретили стрелки Императорской фамилии дорогого батюшку. Во время литургии жена унтер-офицера подошла к Св. Чаше с своим ребенком и радовалась, обливаясь слезами. Громко и проникновенно читал о. Иоанн акафист Св. Николаю Чудотворцу: "Отче Николае, моли Бога о нас", — говорил он, обращаясь как бы к присутствующему здесь, среди нас, лицу. Нижние чины при выходе о. Иоанна из церкви так обступили его, что офицерам пришлось взяться за руки и тесным кольцом его окружить, чтобы огородить его от желающих прикоснуться к нему и получить его благословение.

После 9 мая дела Попечительства сразу расцвели, явились жертвователи, и было собрано 8262 рубля и 112 пудов хлеба от оставшихся от обеда нижних чинов кусков. С 1-го сентября 1901 года по 1-ое июля 1902 г. Попечительство имело возможность снабжать хлебом 330 семейств пострадавших от неурожая и, кроме того, устроило для них, через удельных окружных надзирателей, работы, за которые они получали пособие мукой по числу душ в каждой семье.

К отцу Иоанну, как известно, обращались за советом не только миряне со всех концов России, но и духовные лица. Мне пришлось быть свидетелем выдающегося случая, когда к о. Иоанну приехал за советом диакон с Дона, молодой красивый казак. Отец Иоанн служил литургию в соборе совместно с приезжими священниками и диаконами. Стоя в алтаре, я невольно обратил внимание на молодого диакона, который все время литургии обливался слезами. Отец Иоанн особенно ласково с ним обращался и, после совершения Даров, дал ему в руки рипиду, которую он все время держал над Св. Чашей. Из расспросов я узнал, что диакон этот, во время пожара на Дону, потерял жену и детей, и у него остался только новорожденный, которого он вынес на руках из огня. И вот он приехал к о. Иоанну за советом, что ему делать, бросить ли ему сан, так как в монастырь он не желает поступить, а ребенка няньчить и воспитывать не может, не имея права в сане диакона жениться. После службы я подошел к диакону, выразил ему свое соболезнование и спросил, какой же дал ему совет и наставление отец Иоанн? "Да вот я уже неделю здесь живу и все спрашиваю у о. Иоанна, что мне делать, а он только и говорит: "Служи со мной", — и вот я и служу ежедневно, молюсь и плачу, а ответа не получаю". Я условился с диаконом, что он по дороге домой заедет ко мне. Недели через две заехал он ко мне, вид у него спокойный, задумчивый, строгий. "Что же, — спрашиваю я его, —

сказал в конце концов о. Иоанн?" — "Да ничего не сказал, служил я с батюшкой, ежедневно приобщался Св. Таин, молились мы вместе, он меня благословил и отпустил, а на дорогу подарил мне подрясник, теплую верхнюю одежду и шапку". "Что же вы будете делать", — спросил я его. "О. Иоанн так служит, — ответил он, — что служить с ним великая отрада и утешение, я чувствую себя теперь спокойнее, какой-то мир водворился на душе. Решения я никакого не принял, поеду домой, а потом, что Бог даст!"

Лет через шесть после этого получил я телеграмму с Дона от этого диакона. Он просил меня навести справку в Синоде, прошло ли особое представление Донского архипастыря о разрешении посвятить его, вдового диакона, в священники на открывающуюся вакансию в какой-то станице. По наведенной мною справке оказалось, что Донской архиепископ просил, в виде исключения, разрешить посвящение достойнейшего вдового диакона в священники, на что и последовало разрешение Св. Синода.

В мае 1900 года Общество Приморских Санаторий[12] предполагало открыть первую в России Приморскую Санаторию для хронических больных детей в Виндаве. Комитет Общества поручил мне просить о. Иоанна, вместе с Комитетом, поехать в Виндаву[13], освятить первый павильон Имени Ее Величества Государыни Императрицы Марии Феодоровны[14] и заложить другие здания Санатории.

О. Иоанн, выслушав внимательно мой доклад о всех предположениях Комитета для облегчения страданий детей, больных туберкулезом костей, передал мне, что он согласен ехать. Все было устроено, и отъезд был решен на 10 мая в 8 ч вечера, через Ригу. В 12 ч дня 10 мая приезжает ко мне причетник Андреевского собора Киселев и передает мне собственноручное письмо о. Иоанна. Батюшка пишет, что ему сказали, что в Виндаве лежит глубокий снег, что добраться до

Санатории очень трудно, что вообще в Виндаве очень холодно, и поэтому он не решается ехать так далеко. Я спросил у Киселева, где в настоящее время о. Иоанн. Оказалось, что он в подворье на Бассейной и обедает, после обедни, у игумении Таисии, которая празднует свои именины. Еду туда и вхожу в большую залу, где обедает масса народу. О. Иоанн, видя меня издали, говорит: "Получили мое письмо? Ехать не могу". Я подошел к о. Иоанну и говорю: "Кто мог вам сказать такую неправду, что в Виндаве снег и холод и что добраться до Санатории трудно?" "Да вот оне говорят", — сказал батюшка, показывая рукой на своих соседок, каких-то старушек. "А вы им не верьте, оне просто стараются вас отговорить, не желают вашего отъезда. В Виндаве чудная, солнечная погода, снега давно нет, все сухо и начинает зеленеть, от города до Санатории у нас конная железная дорога, вагон для вас готов, едут с вами все члены Комитета. В Риге ждут вашего проезда, а в Виндаве весь город собирается вас встречать". "Ну, так едем", — сказал о. Иоанн и встал из-за стола. Все встали, и окружающие стали уговаривать его не ехать; о. Иоанн никакого внимания на них не обращал и расспрашивал меня, как устроить, чтобы он мог съездить в Кронштадт. "Я должен с собой взять Св. Дары, без которых никогда не езжу, и захватить с собой некоторые вещи". Решили, что о. Иоанн поедет сейчас же на Балтийский вокзал, с двухчасовым поездом в Ораниенбаум, а я устрою ему пароход с расчетом, чтобы он к шести часам был на Балтийском вокзале, к часу отхода поезда в Ригу. О.Иоанн сейчас же быстро и порывисто простился с окружающими, сел с какой-то старушкой в карету и приказал кучеру ехать на Балтийский вокзал. Приехали на вокзал, я усадил батюшку в поезд и уговорился с причетником насчет парохода. Ровно в 6 часов приехал о. Иоанн на Балтийский вокзал, и мы выехали через Ригу в Виндаву. Приехали в Ригу на другой день в 10 часов утра. В Риге на

вокзале встречала о. Иоанна несметная толпа народа, его вынесли из вагона на руках и куда-то увезли. Я успел только просить полицеймейстера привести о. Иоанна на Тукумский вокзал к 12 часам дня. На всех станциях до Виндавы нас встречали огромные толпы, о. Иоанн открывал окно вагона, и ему в окно передавали маленьких детей, которых он благословлял и целовал, и детей возвращали родителям через другое окно. Замечательно, что ни один ребенок при этом не плакал и не пугался, и маленькие ручонки обнимали о. Иоанна за шею. В вагоне о. Иоанна все время сменялись пассажиры, некоторые сидели на полу, у его ног, и только смотрели на него. О. Иоанн все время читал Библию, громко читал и восхищался пророчествами Исаии, а простые женщины и монашки, сидящие у ног его, думали, что он пророчествует, умилялись, вздыхали и плакали. Приехали в Виндаву в 9 ч вечера. Весь город встречал о. Иоанна на вокзале, даже евреи толпились перед окнами вагона, галдели и кланялись. О. Иоанн поехал к почтенному старику протоиерею Алякритскому, настоятелю единственной в Виндаве православной церкви, при тюрьме. О. Алякритский спросил о. Иоанна, могут ли на следующий день приобщаться Св. Таин его прихожане. “Конечно, — сказал отец Иоанн, — но исповедовать я никого не буду, это ваша паства, исповедуйте их сами”. Поздно вечером приехали со всех сторон православные священники и протоиерей с диаконом от Рижского архиепископа и долго сидели за чайным столом у престарелого протоиерея, вспоминали старики свои бурсаческие годы и пели хором канты. Рано утром о. Иоанн, в сослужении со всеми священниками и диаконами, отслужил утреню и литургию, после чего о. Иоанна увезли в город. Мы должны были в половине второго сесть в вагон конножелезной дороги, а батюшки все нет. Наконец в третьем часу привезли о. Иоанна на квартиру о. Алякритского, он, по-видимому, был страшно утомлен.

“Не могу ехать в Санаторию, — сказал мне о. Иоанн.— Я так устал, что еле стою на ногах, меня возили по всему городу, я был на месте строящейся православной церкви, и в больнице, и в частных домах, меня везде угощали селедкой, так пить хочу, так устал, что не могу двигаться”. Сейчас же распорядились дать батюшке чаю; я обещал, что он более получаса может спокойно спать в вагоне конножелезной дороги. Сели мы в чью-то коляску и поехали на нашу платформу. Я посадил батюшку на переднюю скамейку вагона, завернул его, усталого и измученного, в плед, и он тотчас же заснул крепким сном младенца. Приезжали приглашенные городские власти и гости и тихо, молча садились в вагон. Когда мы по лесу подъезжали к Санатории, пришлось разбудить усталого о. Иоанна. Он удивленно открыл глаза и, улыбаясь, сказал мне: “Куда это вы меня в лес завели”. Приезд в Санаторию был необычайно радостный; солнце сияло; больные калеки-дети и служащие в Санатории с массой народа, добравшегося пешком, встречали нашего дорогого гостя. Отдохнувши, приступили к освящению Санатории. Батюшка совершенно ожил и перед началом молебна сказал прочувствованное слово, окончив его следующими словами: “В природе везде разлита в изобилии жизнь, и человек, находящийся на лоне природы, при известных условиях с своей стороны — умеренности и воздержанности от всего излишнего и греховного, — и сам оживляется, ободряется, укрепляется, так сказать, воскресает из мертвых. Пожелаем выздоровления всем детям, и настоящим, и будущим, которых сострадательная рука приведет сюда, а отцам и матерям дай Бог и самим быть здоровыми, и рождать детей здоровых”.

После молебна о. Иоанн окропил св. водой все здания Санатории и места закладки новых зданий, и затем все пошли на высокую дюну над морем. О. Иоанн, видимо, наслаждался тишиной, чудным видом на море и чистым, живительным воздухом. Повернул я го-

лову назад и вижу, что поодаль, под дюной, собирается громадная толпа рабочих в разноцветных рубашках, одетых по-праздничному. В это время строился Виндавский порт, и на постройках работали артели со всех концов России. Все эти артели собрались около павильона Санатории и ждали батюшку. О. Иоанн, обернувшись, заметил их, встал и пошел к ним. Они все, толпой в несколько сот человек, стали на колени и поклонились ему в ноги. "Здравствуйте, труженики, — ласково приветствовал их о. Иоанн, — встаньте, здравствуйте, дорогие друзья". "Здравствуй, наш дорогой батюшка, здравствуй, родной наш, — заголосили мужички, — мы за тобой пришли". "Как за мной", — спросил о. Иоанн. Один из старших, при общем молчании, объяснил о. Иоанну, что "мы, дескать, пришли за тобой всеми артелями, мы должны тебя по всем нашим постройкам пронести, ты должен все наши работы благословить, так решили все артели, и мы за тобой пришли".

— Да как же это, — сказал о. Иоанн, — ведь вы работаете в порту, на воде, как же я туда пройду?

— А мы тебя на руках снесем и будем передавать тебя от артели к артели.

"Как вы думаете, — сказал мне о. Иоанн, — ехать ли мне в порт с ними?" "Придется ехать, — отвечал я, они ведь со всей России здесь на работах и желают, как и все мы, получить ваше благословение". "А вы поедете с ними на работы?" — спросил о. Иоанн. — "Да меня никто не приглашает", — отвечал я. "Ишь какой хитрый, смеясь добродушно, — сказал батюшка, — меня уговаривает, а сам не идет". "Да меня, дорогой батюшка, никто на руках носить не будет, как же я пройдусь по морю, на портовых работах?" Так и не дали о. Иоанну насладиться покоем, тишиной и видом на море, посадили мы батюшку в вагон, обступили его рабочие и шагом поехали в город к мосту. Там ждал пароход, и батюшку увезли в порт.

Мне передавали очевидцы, что действительно о. Иоанна пронесли на руках по всем портовым сооружениям, по молам, в открытое море, и артели бережно передавали его из рук в руки. Тут затем произошло нечто знаменательное, мы все были сконфужены и только впоследствии, через несколько лет, поняли, что прозорливый батюшка был прав. Начальник работ порта, поляк, был ретивый католик. Он, как потом оказалось, все время подсмеивался над восторженным приемом о. Иоанна в Виндаве, но, так как он был во главе всех портовых работ, имел под своим ведением все рабочие артели, строил Санаторию и принимал деятельное участие в ее устройстве, то он решил у себя устроить для о. Иоанна парадный обед, на который пригласил всех приехавших на освящение Санатории. Пригласил же он о. Иоанна не накануне, даже не во время освящения Санатории, а когда утомленного и измученного о. Иоанна привезли из порта в вагон на вокзал, когда уже стемнело. Поэтому о. Иоанн отказался от обеда, и с ним осталось все духовенство. Так обед и не состоялся. Впоследствии, во время революционного движения, начальник работ был сменен. О. Иоанн, отдохнув, пил чай в вагоне и диктовал о. А. А. сказанное им перед молебном слово. Ночью мы уехали из Виндавы и вернулись в Петербург 14 мая рано утром. Часто после этого видел я о. Иоанна, но никогда не видел его таким радостным, сияющим, довольным, как в Виндаве, на берегу моря, на высокой дюне, под соснами.

Когда о. Иоанн был уже серьезно болен, за несколько месяцев до его кончины, мне пришлось ехать к нему в Кронштадт по поручению священника и прихожан-корельцев православной Крестовоздвиженской Манчусаарской церкви, стоящей как бы на страже православия на скале, на острове Ладожского озера. Молодой, энергичный священник о. Владимир Никитинский, бывший в детстве моим воспитанником, задумал перестроить ветхую церковь и обновить ста-

рую ризу на чудотворной иконе Св. Николая Чудотворца, перенесенной на остров Сальми двести лет тому назад и чтимой всеми корельцами-рыбаками. Церковь эта пришла в полный упадок, крыша текла, ни облачений, ни утвари церковной, мало-мальски приличной, не было. На престоле двадцать лет лежало то же облачение. Все приходилось обновлять, а средства были самые скромные. Рыбаки-корелы и их пастырь решили просить благословения о. Иоанна и приступить к обновлению храма. Приехав накануне вечером в Кронштадт, я узнал, что о. Иоанн очень слаб и вряд ли будет служить. Тем не менее, как всегда, в 5 ч утра Андреевский собор был полон народу. К великой радости всех, в 6 ч утра приехал о. Иоанн, но на нем лица не было, он был мертвенно бледен и не мог уже читать на клиросе. Во время проскомидии и литургии о. Иоанн все время опирался руками на жертвенник и престол, и казалось, что он не выдержит, упадет в обморок. При совершении Даров о. Иоанн ожил, молился, как всегда, душой и после приобщения Св. Таин совершенно преобразился, и перед нами предстал прежний наш дорогой, ни с кем не сравнимый батюшка. Я просил разрешения у батюшки пройти к нему на квартиру. "Идите ко мне и ждите меня там, я скоро приеду, буду приобщать всех моих домочадцев", — сказал мне батюшка. О. Иоанн всю долголетнюю священническую службу при Андреевском соборе провел в маленькой скромной квартире, отличающейся только тем, что во всех углах всех комнат были киоты с иконами, поднесенными ему со всей России. На шкапах — клетки с воркующими голубями, а перед окнами канарейки, без устали выводящие свои трели. И те и другие птички, конечно, подношения его почитателей, не знающих, чем проявить свою любовь к о. Иоанну. Скоро пришел о. Иоанн, бодрый, веселый, радостный, порывисто вошел в соседнюю комнату, где приобщил Св. Таин всех живущих у него. Первой по-

дошла престарелая жена его, а последним дворник. В этой же комнате, представляющей из себя скорее склад всевозможных подношений, о. Иоанн принял и меня. Я подробно рассказал ему о корельской Манчу-саарской православной церкви, о ревностном молодом священнике о. Владимире Никитинском и его евангельской пастве — простых, но глубоко верующих рыбаках-корельцах. "Говорите громче, — сказал о. Иоанн, — я что-то стал плохо слышать". Передал я о. Иоанну, что все они ему низко кланяются и просят его святых молитв и благословения на обновление древней православной церкви и чудотворной иконы Св. Николая Чудотворца. "Скажите о. Владимиру и его пастве, — сказал о. Иоанн громким и звонким голосом и осенил меня большим крестом, — что я от всей души их благословляю и благодарю за доверие. Я знаю корельцев и высоко ставлю их испытанную веру и глубокую привязанность к родной им православной церкви. Кланяюсь им и желаю успеха в обновлении древнего храма и чудотворной иконы великого Святителя.

Хочу участвовать в обновлении их храма и желал бы от себя пожертвовать им Дарохранительницу, но не имею таковой под рукой. Не можете ли вы приобрести Дарохранительницу и послать ее им от моего имени?" Я, конечно, с радостью согласился. О. Иоанн ключом отпер ящик стола и начал искать в ящике деньги, нашел 25-рублевую бумажку, которую отдал мне, сказав: "Больше не нашел, вот все, что у меня есть, боюсь, что будет мало". Я земно поклонился о. Иоанну от имени рыбаков-корельцев, сказав, что на 25 руб. приобрету Дарохранительницу и что глубоко верю, что почин дорогого батюшки, как всегда, оживит все дело, и что я не сомневаюсь, что, с Божией помощью, по его святым молитвам, весь Манчусаарский храм обновится во славу Божию.

Действительно, о.Владимиру и его пастве не только удалось привести храм в должный, благоустроенный вид, но в церковь поступили обильные пожертвования со всех сторон: риза к иконе св. Николая Чудотворца обновлена и украшена, вся церковная утварь: облачения, сосуды, напрестольное Евангелие — все получено с избытком, и, как венчание этого благого дела, Манчусаарская церковь украсилась звучными колоколами, звон которых не только возвещает на Ладожском озере благую весть Воскресения Христова, но и служит труженикам-рыбакам маяком; чудесный гул большого колокола во время туманов и непогоды ведет их к тихой пристани.

В заключение своих воспоминаний об отце Иоанне Кронштадтском расскажу о полученном мною известии из Швейцарии. Оказывается, что в Женеве, на 6-м Интернациональном психологическом конгрессе[15], на который собрались более 500 ученых, представителей всех стран и наций, был прочитан доклад нашей соотечественницы А.В. Полозовой "О. Иоанн Кронштадтский", возбудивший оживленные прения и захватывающий интерес. Доклад этот (тем интереснее, что сама А. В. Полозова католичка) полон чувствами глубокого уважения к почившему о. Иоанну, как к носителю благодатной силы, и кончается следующими словами: "Каковы бы ни были понятия человека, свойства его культуры, каковы бы ни были социальные условия той среды, в которой он родился, смело можно утверждать, что каждому человеку достаточно проникнуться Духом Христа, чтобы продолжать Его дело и низвести в потоке жизни творческую силу, которая ее перерождает и очищает.

Печатается по: "К. П." 1916. N 18. С.282—285; N 19. С.299—302; N 20. С.316—320; N 21. С.331—335; N 22. С.349—351.

Д. А. ОЗЕРОВ,
генерал-лейтенант[16]

ОТЕЦ ИОАНН КРОНШТАДТСКИЙ У РАНЕНЫХ

В наше тяжелое время общей смуты, неурядицы, человеконенавистничества, всеобщего озлобления, упреков, низвержения кумиров и омрачения идеалов[17], хотелось всех, жаждущих любви, мира, всепрощения и братского единения во имя Христа, привести в здравницу для раненых и больных воинов в Финляндии, около Териок[18] 26 августа, в день посещения здравницы отцом Иоанном Кронштадтским. Мы так привыкли в последнее ужасное время к страшным кровопролитиям, междоусобицам, взрывам, пожарам, смутам, несчастиям, что не можем себе представить, что у нас здесь, близко, могли появиться чисто библейские картины мира, любви, благодушия и душевного общения. Описать посещение отцом Иоанном раненых и увечных воинов очень трудно, надо было видеть эту удивительную лучезарную картину. Постараюсь описать то, что я видел глазами и сердцем, и то, что слышал ушами и всей душой.

Здравница, просторный обширный дом, на берегу озера Красавицы, окруженный высокими соснами; тихо в бору, — воздух пропитан сосновым запахом; накануне был дождь, солнце греет, парит. У самого крыльца дома собралась странная на первый взгляд толпа. Калеки-солдаты на костылях, большая часть без одной ноги, без руки, с повязанными головами. Все одинаково одеты в темно-синие куртки, на груди у некоторых георгиевские кресты, лица измученные, серьезные, вдумчивые — у каждого нерадостные мысли и заботы, что делается дома на родине, как живут семьи, чем кормятся, как будут кормиться и впредь, когда кормилец увечный, слабый и больной, а тут еще

воспоминания: тяжелые часы, проведенные в лазаретах и госпиталях на Дальнем Востоке, операции, перевязки, томление вдали от родины, среди чужих людей, а кругом болезни, страдания и смерть. Рядом с увечными воинами монахини, сестры и послушницы Линтульской общины[19], все в черном; тесной кучкой стоят они рядом с солдатами: у них нет забот о будущем, о семьях, о детях, они посвятили себя тяжелому монастырскому труду, но невеселые и у них воспоминания о прошлом; вся их жизнь была так мрачна и безрадостна, что тяжелые полевые работы кажутся им покоем; но и у них бывают минуты разочарования, тоски, даже отчаяния, и сердца их жаждут утешения и духовной радости.

"Едет, едет", — слышится общий говор, все встрепенулись, солдаты сняли шапки. Все они из разных мест обширной России: тут и северяне, привыкшие к тяжелому полевому труду на неблагодарной земле, которая все же им дорога, как мать — родная кормилица, тут и жалкие безземельные Витебские и Могилевские крестьяне, у которых ничего нет, ни земли, ни дома, а потому и тело слабое, и душа пришибленная, тут и упрямые, неграмотные, но прямолинейные русаки восточных губерний, добродушные, наивные и подсмеивающиеся над собой хохлы, и серьезные, угрюмые, замкнутые полячки, работающие на заводах и фабриках и потерявшие там всякую любовь к дому и земле, и сильные духом, цельные, бодрые, неунывающие сибиряки, потомки тех же разношерстных русских крестьян, но отличающиеся от них верой в себя, в свою мощь и силу, деды которых боролись с природой и людьми и победили. Все эти в настоящее время искалеченные, больные, измученные люди слышали об отце Иоанне, читали о нем, видели его портреты, но не снилось им никогда, что отец Иоанн приедет к ним посетить их и что они увидят его лицом к лицу. Узнав накануне, что общий молитвенник всей Руси приедет

к ним, солдатики-крестьяне приготовили себя к этой радостной встрече. С вечера пропели хором молитвы утрени, помылись, опрятно оделись, ели постное, не курили; монашенки тоже приготовились к желанной встрече, все притихли и жадно смотрели на лесную дорогу, сворачивающую с шоссе на Линтульскую дачу.

Вот и отец Иоанн! Радостно и приветливо кланяется он толпе: "Здравствуйте, дорогие братья, здравствуйте, сестры!" Входит отец Иоанн на высокое крыльцо, и все кланяется, внизу все сияют. "Здравия желаем, Батюшка", — хором отвечали солдаты, — "здравствуйте, наш бесценный Батюшка", — говорят сестры. Стою я около Батюшки, всеобщего нашего, родного отца Иоанна, смотрю на толпу у крыльца и кажется мне, что тут вся Русь наша, святая, измученная, простая, родная Русь: мужички темные, солдатики измученные, монашенки недалекие, и над ними на возвышении отец Иоанн, всеобщий молитвенник, горячая и непоколебимая вера которого всех утешает, ободряет; просто, бесхитростно, без рассуждений и умствований, по-русски, по-старому, по-древнему, библейскому. Так утешали и ободряли Святую Русь Святители всея Руси, так было и во все тяжкие времена, во времена монгольского ига, во времена нашествия врагов, во времена смуты, мора и чумы. Так и теперь и долго еще будет утешаться молитвенниками и Святителями наш бедный народ. Придет же, Бог даст, время, когда не утешать надо будет народ, а радоваться вместе с ним изобилию благ земных, общему благосостоянию и духовному развитию всего народа русского.

Все вошли в дом; калеки на костылях торопились подыматься по лестнице, друг другу помогали. Большая, светлая комната с окнами на чудное озеро; солнце всю ее залило; в углу стоит стол с образами и с чашей чистой кристальной воды из колодца, вырытого у самого берега озера; вода, просачиваясь через песок,

естественно фильтруется; “так бы и пил и пил эту воду”, — сказал отец Иоанн после молебна. Перед столиком стали солдатики на костылях, — сбоку монашенки. Отец Иоанн стал громко и внятно произносить вылившиеся из его любвеобильного сердца молитвы ко Господу. Вид искалеченных воинов, видимо, особенно растрогал Батюшку, привыкшего постоянно видеть больных и страждущих. Особенно вдохновенно “говорил” отец Иоанн с Господом, именно — “говорил”, убеждал, просил, кланялся. “Ты видишь, Господи, — говорил отец Иоанн, — перед Собой измученных уязвленных воинов, Ты видишь их раны, Ты видишь их мучения, их тоску, их страдания. Помоги им, исцели их, утешь, ободри. Освяти эту воду, — и Батюшка рукой указывал на сосуд с водой, — и дай всем вкушающим ее, окропляющимся ей, здравие, бодрость, утешение”. Кончал одну молитву славословием отец Иоанн и начинал другую, и все умилительнее и трогательнее лилась молитва отца Иоанна; вместе с ним молились все от всего сердца: слезы текли по щекам, сердца взывали к Господу, а молитвенник наш брал в руки крест, целовал его и говорил: “Ты Сам, Господи, страдал до смерти крестной, Ты исцелял наши человеческие страдания, утешь, исцели вот здесь стоящих перед Тобою людей”. Затем отец Иоанн произнес: “Благословен Бог наш всегда, ныне и присно и во веки веков. Аминь”, — и, обратившись к хору сестер, сказал: “Царю Небесный”. Начался молебен с водоосвящением. Долго выбирал отец Иоанн, какое прочесть Евангелие и остановился на 20-й главе Евангелия от Матфея ст. 1—16. Более подходящего к живущим в здравнице воинам Евангельского текста нельзя было выбрать; и какое знаменательное явление, что отец Иоанн именно выбрал это, а не другое Евангелие! Среди раненых и увечных постоянно возникают споры и пересуды, где кто был ранен, во скольких сражениях участвовал, и несчастные больные, не

раненые, а захватившие на войне тиф или другие болезни, всегда чувствуют себя как бы неловко перед ранеными и искалеченными. В притче о найме работников в виноградник все получают в конце работы ту же плату. Громко и отчетливо произнес отец Иоанн слова: “Друже, не обижу тебе”...

И еще громче и вдохновеннее: “Тако будут последнии первии, и первии последни, мнози бо суть звани, мало же избранных”. “Слава Тебе Боже наш, слава Тебе”.

После молебна все подходили ко кресту. Отец Иоанн всех окроплял Святой водой и в это время говорил громко, отчетливо, обращаясь к раненым: “Я счастлив, друзья мои, что вижу вас, я польщен, что вижу перед собой братьев моих, которые проливали кровь за родину, кланяюсь вам и вашим ранам и увечьям. Многие бы желали видеть столь — раненых, пострадавших за нас и поклониться им, поблагодарить их, но не всем это удается. Я счастлив, что имею возможность вас видеть, поклониться вам и поблагодарить вас. Знайте и помните, что все раны ваши, все мучения и страдания ваши записаны в Царствии Небесном, вы своими страданиями, мучениями, ранами своими уже запаслись заранее местами в Царствии Небесном; а что выше этого? Ведь жизнь наша здесь на земле только приготовление к жизни вечной, небесной, радостной, светлой. Все, что вы претерпели, вам зачтется. Смотрите же, не омрачайте того, чего вы достигли, вашей последующей жизнью. Храните то, что вы приобрели, свято и неприкосновенно. Знаю, вы вернетесь домой, много еще будете терпеть, вас, может быть, не будут ценить, будут, может быть, и обижать, и упрекать, забудут ваши мучения и раны, но вы-то сами не забывайте их, помните всегда, что вы уже приобрели себе вашими страданиями награду на небесах, радуйтесь этому всегда, ликуйте, благодарите Бога, благодарите Его за то, что вы подобно Господу Нашему стра-

дали, помните, что Он страдал до смерти, до смерти Крестной и что вы сораспялись Ему. Повторяю вам: не омрачайте того, что вы приобрели, радуйтесь и ликуйте, не унывайте, не тоскуйте; благослови вас Господь". После раненых подходили сестры, и их отец Иоанн также ободрял и утешал.

После молебна отец Иоанн перешел в другую комнату — библиотеку; кругом на полках книги и картинки. Тут произошел маленький эпизод, ярко рисующий отношение отца Иоанна к простому, темному русскому мужичку и объясняющий ту глубокую связь, которая существует между отцом Иоанном и простым темным народом. У нас в здравнице оказался один неграмотный пензенский мужичок из запасных, георгиевский кавалер, без ноги. Как его ни убеждали воспользоваться свободным временем и поучиться грамоте, он упорно отказывался, говоря, что ему это трудно, что у него голова не работает и что грамота ему не вернет ноги. Мужичок вообще придурковатый, и над ним потешалися другие, более развитые солдаты и дразнили его. Я указал на него отцу Иоанну и передал, что вот он не желает учиться читать, а времени свободного много. Мужичок посмотрел на отца Иоанна и сказал: "Где же мне учиться, у меня от войны голова еще кругом идет". "Правда, — сказал отец Иоанн, — где ему учиться, — ведь он еще весь болен, ведь сколько мучений и страданий он претерпел — легко ли? ноги лишился". При этом отец Иоанн перекрестился и поцеловал его Георгиевский крест, а солдатик также перекрестился и поцеловал наперсный крест отца Иоанна, и они обнялись, а солдат заплакал.

Этим и кончилось мое желание уговорить его учиться грамоте.

Посредине библиотеки был накрыт стол, и подали чай. Полукругом перед столом стали монашенки и пели антифоны, а к отцу Иоанну вереницей подходили раненые на костылях с кружками чая в руках; дрожали бед-

ные усталые руки, держащие кружки, но каждому хотелось подойти к Батюшке, который в каждую кружку опускал сахар, при этом порывисто брал целую горсть сахара и бросал ее в кружку, как бы желая символически подсластить их жалкую беспомощную жизнь. Батюшка при этом с свойственной ему добротой и лаской трепал их по голове, обнимал, и они умильно и радостно целовали его пастырскую руку.

Пропев антифоны, хор радостно запел дорогому бесценному отцу Иоанну многие лета, подхватили солдатики и долго пели и кланялись отцу Иоанну от всей души и от всего сердца, желая ему долгия, долгия лета на радость и утешение всем страждущим, больным и обездоленным.

Когда мы возвращались и проезжали по лесу, я выразил отцу Иоанну всю скорбь его почитателей на злостные и клеветнические нападки на него жидовствующих газет[20]. Отец Иоанн обнажил голову, осенил себя крестом и сказал: “А я благодарю Господа, что меня поносят! Слава Богу! Наконец! А то все прославляли, к святым причисляли, а в Евангелии сказано — “блаженны вы, когда будут поносить вас и гнать и всячески злословить вас и лгать на вас, Меня ради”*. Значит, мой конец близок и Милостивый Господь скоро призовет меня к Себе. Слава и благодарение Господу Богу!”

Печатается по: “К. П.”. 1912. N 9. С. 163—167.

* Парафраз из Евангелия — Мф. 5, 11. — *Прим. ред.*

Епископ
АНДРЕЙ[21]

< БЕЗ НАЗВАНИЯ >

Отец Иоанн Кронштадтский... Сколько воспоминаний связано с этим именем! Сколько впечатлений воспроизводит память при произнесении этого имени! Вот он — простой священник уездного города, — второй по штату, скромный, почти робкий... Вот он — всегда приветливый, добрый, иногда резкий, но неизменно искренний, горячий, не умеющий быть равнодушным ни к радости, ни к горю ближнего... Всегда нелицемерный, одинаковый в обращении ко всем, не отличающий никого, — ни бедного, ни богатого, ни сильного, ни слабого. Священник Иоанн Сергиев был тогда только одним из многих, незаметных тружеников св. Церкви. Это были 80-е годы прошедшего столетия.

В это время в Кронштадте был человек, обличаемый отцом Иоанном. Он возненавидел своего обличителя. А отец Иоанн только по пастырской совести оберегал свою паству от наглого развратника, вовлекавшего в свои сети молодежь. "Оставь грехи, и Бог простит тебя, — говорил отец Иоанн, — но оставь непременно, а до тех пор я не замолчу", — грозно обличал смиренный пастырь гордого вельможу. И на обличения в ответ пошли клеветы, доносы, всякие неприятности. Отец Иоанн решил все перенести, но не молчать.

Но вот Сильный пал... Вельможа оказался на скамье подсудимых, обвиненный в страшных преступлениях по службе. Весь Кронштадт знал, что отец Иоанн — важнейший свидетель обвинения, что в его руках теперь судьба злейшего его врага.

Суд... Входит отец Иоанн. Ему предлагают сказать правду без присяги — "по пастырской совести".

Начинается характеристика обвиняемого отцом Иоанном...

"Он приютил тогда-то сироту, выучил его ремеслу, — сделал его добрым гражданином... Подсудимый во время пожара сам спасал имущество бедняков, он, значит, любил их... Подсудимый много делал добра бедным, иногда жертвовал десятки рублей на благотворение"...

Председатель суда в полном недоумении делает замечание свидетелю: "Послушайте, вы должны показывать правду по своей пастырской совести, хоть и без присяги".

"Я ни одного слова не говорю против своей пастырской совести", — ответил отец Иоанн, и ни одного слова от него не могли добиться, в целях обвинения его врага... Он возлюбил врага своего, — величайшее чудо, на которое способен человек.

Это было почти началом известности отца Иоанна в Кронштадте, как пастыря, любящего отца — миротворца. Он все готов был отдать ранее; теперь все убедились, что он отдал своей пастве и свою душу, всего себя.

"Батюшка — отец Иоанн", "отец Иоанн Кронштадтский", — эти слова были дороги для всякого верующего сердца, всем были близки и понятны. И никто, никогда: ни в обществе, ни в частной беседе, не называл отца Иоанна иначе, как отцом, батюшкой. Воистину это был всероссийский отец... Это самое святое, самое почетное имя — "отец" так и должно навеки остаться за "батюшкою отцом Иоанном Кронштадтским". Так его назвал сам верующий народ церковный, сама русская Церковь звала "батюшкою", "отцом", то и по смерти в русской церкви формула молитв о нем должна выразиться в словах:

"О упокоении приснопамятного отца нашего, протоиерея Иоанна..."

"Иван Ильич"... Да кто осмелился бы так, по имени и отчеству, назвать нашего "батюшку — отца Иоанна"? Кто решился бы на такое — почти кощунство? Да, такого нецерковного человека даже никто и не понял бы... Кто такой "Иван Ильич"? Кто его знает на Руси? А почему же так случилось, что наши пастыри всячески стараются, чтобы их не звали "батюшками"? Неужели это так некрасиво, так "не принято"? Неужели против этих святых слов "отец", "батюшка" нужно принимать какие-нибудь меры, чтобы совсем забывать о своих обязанностях духовного отца и вождя? Да, учителей у нас всяких много, а отцов духовных — гораздо менее.

Но будем молиться, чтобы великий дух великого "отца Иоанна Кронштадтского" посетил пастырей наших и почил на них, — да умножится отеческая любовь их к чадам их духовным, и да будут эти ныне разрозненные чада "едино стадо", — великая всероссийская церковная семья...

Печатается по: "К. П.". 1912. N 21. С. 363—365.

И. АЛЕКСЕЕВ,
псаломщик

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ ОБ ОБЩЕЙ ИСПОВЕДИ

Наступила св. четыредесятница, и мне невольно припоминается общая исповедь, служба в Бозе почившего о. Иоанна, на которой мне неоднократно приходилось бывать.

Приехав однажды в Кронштадт, я остановился в одной из квартир для приезжих молящихся. В 4 ч вечера с соборной колокольни раздался великопостный благовест, и народ вереницами спешил в собор, дабы захватить место поближе к амвону, я с великим трудом протискался на середину храма. Началась служба. Священник, в сослужении с которым о. Иоанн служил вечерню, произносил свои возгласы выразительно и не торопясь, а любители-певчие старались от всей души и временами достигали дивной прочувствованности в исполнении. Кончилась вечерня, после которой о. Иоанн громко, резко и нервно, как бы отрывая каждое слово от своего сердца, стал произносить молитвы пред исповедью. И от этих звуков веяло чем-то святым, неземным.

Всеми и каждым чувствуется, что тут не простое чтение, а как бы живая беседа с Богом.

Но вот молитвы прочитаны. О. Иоанн, открыв царские двери и обратившись лицом к многочисленной толпе молящихся, говорит: "Кайтесь!" Подымается потрясающий крик, шум, слезы, и это продолжается минут 10-15. В то время нельзя себе представить, где находишься: на земле или на небе.

До двух и трех раз выходит о. Иоанн из алтаря и обращается к исповедникам: "Не все покаялись!" И вновь слезы и крик, сливающийся в один гул. Исповедь наконец кончилась, и началось чтение молитв на

сон грядущим, после которых все молящиеся, с утомленными лицами, направились по квартирам.

В 4 ч утра в правом приделе началась заутреня, за которой о. Иоанн сам читал канон. Вслед за утреней началась и ранняя обедня. В середине обедни, во время чтения евангелия, в окно храма выглянуло солнце, и один из косых лучей его залил светом всю внутренность алтаря. Забыть ли мне когда-нибудь в эту торжественную минуту отца Иоанна? Стоя у престола и будучи ярко освещен до пояса, он выступал, как в раме, и вся его фигура — с благоговейно сосредоточенными чертами лица, молитвенно скрещенными на груди руками, с сверкающим священническим облачением, была озарена какой-то непередаваемой, прямо неземной светозарностью. Такие минуты остаются в памяти на всю жизнь.

После обычного причастного правила о. Иоанн совместно с другими священнослужителями, вынес огромный почти ведерный потир, поставил его на приготовленную тумбочку, прочитал с исповедниками "Верую" и начал причащать. Я стоял на середине храма и ждал очереди, но не выдержал и малодушно прошептал про себя: "Господи, да ведь этому же конца никогда не будет!"

Стоящий рядом со мной истощенный мещанин в сером пальто заметил в мою сторону:

— Причастие сплошь до двух часов затягивается: в главном приделе поздняя обедня начинается и успеет отойти, а "батюшка" все еще продолжает причащать. Великих трудов носитель! — заключил со вздохом мещанин.

Наконец обедня кончилась, но народ не только не думал расходиться, но напротив, еще теснее и упорнее сплотился на своих местах, нетерпеливо поджидая выхода "батюшки". До этого желанного мгновения прошло однако добрых три четверти часа. Изредка алтарная дверь приотворялась, и мельком можно было

видеть о. Иоанна, сидящего в кресле у окна, то углубленного в чтение присланных телеграмм, то исповедующего какого-нибудь заезжего провинциала, то отдающего приказания своему помощнику, молодому белокурому псаломщику.

Пред самым амвоном, где служил отец Иоанн, был отгорожен особой решеткой небольшой свободный проход, с великими ухищрениями охраняемый у выхода двумя церковными сторожами. Я стоял сбоку у решетки и не без зависти наблюдал счастливцев, тем или иным способом протиснувшихся в заветное ограждение.

Я решил тоже немедленно проникнуть как-нибудь в заветную решетку, чтобы разглядеть поближе отца Иоанна, как вдруг вся огромная толпа, переполнявшая церковь, всколыхнулась, как один человек, и электрической искрой пробежал по рядам радостный шепот: "Батюшка!.. Батюшка!.." Действительно, одна из боковых алтарных дверей приотворилась, и на пороге показался отец Иоанн. Что тут произошло, трудно и описать. Лишь только он показался, как вся толпа неудержимой волной, тесня и давя друг друга, хлынула в его сторону, а стоявшие за заветной решеткой вмиг очутились на самом амвоне, и чуть не сбила его с ног. При содействии псаломщика и двух сторожей о. Иоанн быстро прошел по амвону к левому приделу и сделал шаг вперед, чтобы спуститься со ступеней и пройти у выходу северной стороной храма. Не тут-то было!.. В одно мгновение наполнявшая храм толпа, точно подтолкнутая какой-то стихийной силой, стремительно шарахнулась влево и,простирая вперед руки, перебивая друг друга, крича и плача, настойчиво скучилась у церковной решетки, преграждая путь своему доброму пастырю. О чем кричали, о чем молили, — ничего нельзя было разобрать, потому что все эти мольбы и крики сливались в один неясный, оглушительный и растерянный вопль. О. Иоанн,

затиснутый в угол, стоял, покорно прижавшись к стенке, и на утомленном лице его отпечатлевалась — не то мучительная тоска, не то бесконечная горечь при виде этой иступленно мятущейся у ног его жалко-беспомощной толпы. Потом вдруг вся эта волнующаяся и вопиющая стена подалась в сторону, и я увидел о. Иоанна — смертельно бледного, сосредоточенно печального, медленно шаг за шагом, как в безжалостных тисках, подвигающегося вперед, с видимым трудом высвобождающего свою руку для благословения. И чем ближе он подвигался к выходу, тем толпа становилась настойчивее, беспощаднее и крикливее... У меня просто захватило дух от этого зрелища, и я невольно полузакрыл глаза. Когда я их открыл, о. Иоанна уже не было в храме.

Я вышел из храма и направился на квартиру. Прихожу туда, и там, к великой радости, застаю отца Иоанна, служившего общие молебны. Вот тут-то Господь и удостоил меня принять благословение, которого я очень, очень долго добивался. Этот день я считаю счастливейшим в моей жизни и произведенное им на меня впечатление может умереть только вместе со мною!...

Печатается по: "К. П.". 1915. N 9. С.147—149.

Т. О.

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ

В наши печальные и тревожные дни воспоминание об отце Иоанне поистине приносит успокоение и отраду.

Мысль невольно переносится в не так далекое прошлое... Весна 1903 года. Страстная седмица. Великие дни. Я в Кронштадте: приехал с товарищами говеть. С того времени прошло уже несколько лет, но помнится хорошо и живо все, что тогда перечувствовалось и передумалось. Собор. Он весь переполнен молящимися, в буквальном смысле переполнен: море человеческих голов. И кого только нет здесь!.. Тишина. Все в напряженном ожидании. Но вот... сердце замирает, как бы перестает биться: на амвоне показывается "о н" — батюшка о. Иоанн.

Он в епитрахили; просто, понятно и необыкновенно задушевно он начинает говорить. Тишина водворяется гробовая: все стараются не проронить ни одного слова дорогого "батюшки". А он говорит о Христе, о любви Его к нам, о Его страданиях, крестной смерти за нас — о том, как Он всего Себя отдал нам. А как же мы относимся к Нему, своему Спасителю? Мы Его распинаем своими грешными делами. "Так кайтесь же, пока не поздно", — закончил свою речь о. Иоанн. Поднялась настоящая буря: люди открыли свое святая-святых, и оттуда полилось все грязное, что так волновало, что беспокоило совесть. В чем только люди не каялись!.. Подхваченные общим потоком, и мы раскрыли свою душу и стали выбрасывать оттуда всякую нечистоту... А о. Иоанн в это время молился. Подняв епитрахиль, он постепенно поворачивался то к молящимся, то к Царским вратам. Он как бы брал нашу душу к себе в епитрахиль и поднимал ее к Богу для очищения. В это время лицо его было каким-то нео-

быкновенным... Он кончил, он ушел в алтарь, а мы долго еще стояли в храме. Из храма мы вышли какими-то обновленными. На следующий день мы приобщались. На утрене канон читал сам о. Иоанн. Чтение его внятное, выразительное.

Началась литургия. Необыкновенная литургия. Мы стояли в алтаре. Собор был переполнен. Часто слышались возгласы: "Батюшка, помолись, батюшка, заступись"...

Батюшка служит особенно: его голос звучит в строгом соответствии с произносимыми словами. Он часто оборачивается к народу, он как бы берет все мольбы народа и возносит их к Господу.

Приближается святая минута: мы подходим к Чаше, мы принимаем из рук о. Иоанна Святое Тело и Святую Кровь Христа —Жизнодавца. Да будет же благословенна эта святая минута...

Литургия кончилась. Обновленные душой мы ушли в созданный отцом Иоанном Дом трудолюбия[22]. Скоро сюда прибыл и о. Иоанн. Он посетил нас; каждого благословил, каждому сказал ласковое слово... Прощаясь с нами, он отдал приказание, чтобы нас накормили получше.

Осмотрев Дом трудолюбия, побывав в любимой комнатке о. Иоанна, откуда открывается живописный вид на море, мы отправились назад...

Кто не знает о. Иоанна! В большой торговой слободе Р., Воронежской губ., живет один мелкий землевладелец К. Он был у о. Иоанна, о чем и рассказывает всегда с умилением и благоговением.

Два года подряд у него не родился хлеб, и когда он сказал об этом о. Иоанну, последний ответил: "Будет тебе в этом году дождь и урожай". Так и случилось...

Он же рассказывает, как о. Иоанн изгонял бесов из двух женщин. Молится батюшка, а они кричат на него: "Дурак". А когда он, обращаясь к ним, скажет: "Именем Господа Иисуса Христа повелеваю тебе, сатана,

выйди", — они с необыкновенной силой кричат: "Не уйду, не уйду". В третий же раз они задают вопрос: а куда идти. "В ад", — отвечает батюшка. С женщинами делается что-то необыкновенное, а затем они падают и утихают.

Был и такой случай. Приехала к батюшке одна девушка за благословением на вступление в брак, она была бедная. Батюшка ее благословил, а затем полез в карман, вынув оттуда пакет, отдал его девушке. В пакете оказалось семь тысяч рублей. Радости у девушки не было конца...

Все это лишь незначительная доля того добра, которое совершил о. Иоанн. Ведь обласканными и успокоенными от него уходили не эти лишь, а целые миллионы подобных.

Батюшка отец Иоанн скончался; но память о нем, твердо верим, никогда не умрет среди православных людей: для последних он всегда будет ярким светочем, носителем "той веры, движущей горами, что завещал Своим ученикам Христос", для них он будет пастырем, выводящим "из мрака заблужденья страдающих духовной слепотой".

Православные люди всегда будут обращаться к нему с призывом:

Сияй же нам звездою путеводной
И нас, о пастырь наш, с неправого пути,
Из тьмы сомненья безысходной,
На путь добра, на подвиг благородный
Молитвою своею обрати".

О. Чюмина.

Печатается по: "К. П.". 1916. N 49. С. 697—699.

Г. РОЖАЛИН

ВОСПОМИНАНИЯ О ПОЕЗДКЕ В КРОНШТАДТ 26 МАЯ 1906 ГОДА

Ездил в Кронштадт благодарить о. Иоанна за следующее. В начале государственных экзаменов 29 января 1906 года в СПБ Университете на юридическом факультете я отправил нашей знакомой даме в Кронштадт письмо с тремя рублями для передачи о. Иоанну, в котором просил помолиться о благополучном исходе экзаменов. 16 мая экзамены кончились. Я окончил университет и хотел съездить лично поблагодарить о. Иоанна. Оказалось, что 25 мая он уезжает уже из Кронштадта на все лето. До 25 же мая съездить не удалось. Мне было очень досадно. Вдруг 25 мая встречаю одного давнишнего почитателя о. Иоанна. Он знал почти каждый шаг батюшки, ибо к нему то и дело заходили приезжие из Кронштадта. Много раз заезжал к нему и сам батюшка. Ф. А. мне сообщил, что батюшка отложил поездку до 29 мая. Я очень обрадовался. Представлялась возможность увидеть о. Иоанна. Ф. А. советовал ехать 25 же мая на пароходе в 8 ч вечера. Вернувшись часов в пять вечера домой, я узнал, что и младшая сестра моя, окончившая в 1904 г. женские педагогические курсы (ныне Императорский Педагогический женский институт), желает ехать. Поехали удачно. К 8-ми часам поспели на пароход "Котлин", стоявший у Николаевского моста. Взяли обратные билеты во II-м классе по 40 коп. с человека. Приехали... На пристани в Кронштадте встречаем своих знакомых, вдову и барышню. Так как совсем не знали Кронштадта, то они направили нас прямо в Дом Трудолюбия, где были номера для приезжающих на самую разнообразную цену: от 30 коп. за кровать до 2-х руб. за номер. Нам отвели N 14. В 5 ч утра проснулись и

пошли к заутрене. В 6 ч приехал о. Иоанн. Я исповедовался у покойного о. Александра, ключаря Кронштадтского Андреевского собора. О. Иоанн служил чудно, неподражаемо. После херувимской в алтарь из храма стали доноситься плач, вскрикивания. И чем дальше, тем больше. Храм наполнился воплями. И так продолжалось до самого причащения. Началось причащение. Собор был хотя не полон, но все желали причаститься у о. Иоанна поскорее и боялись, что он уйдет, так как о. Иоанн часто был не в силах причастить всех желавших и передавал св. Чашу другому священнику.

Приготовив св. Дары и причастившись сам, о. Иоанн пошел в левый придел. Я стоял в алтаре главного придела у колонны. Возвращаясь оттуда, о. Иоанн посмотрел на меня и сказал: “Идите, наведите порядок! Удерживайте народ!” Мужчины вышли из алтаря и стали удерживать женщин, ибо мужчин в храме почти не было. А женщины и, конечно, больше все простонародье, волнуются, плачут, лезут через решетку. Загородили совершенно выход, так что причастившиеся не могли уходить. Шум увеличивался. Женщины были очень нервно настроены. От нетерпеливости они так теснили друг друга, что причащаться не было возможности. О. Иоанн ушел в другой придел. Все бросились туда. Потом вернулся. Все опять нахлынули к главному алтарю. Амвон от толпы отделялся высокой решеткой, но, несмотря на это, на нем нельзя было повернуться. Он весь вплоть до Царских врат был набит женщинами. Я удерживал их на амвоне, удерживал, но это мало помогало. Мужчины ушли в алтарь. Сторожа исчезли. Остался я один среди возбужденной толпы. О. Иоанн причащал мужчин в алтаре. Все двери в алтарь заперли. Меня прижали к самой железной решетке, отделяющей солею от храма. Между тем напор на решетку продолжался. Она погнулась; каза-

лось, вот-вот оторвется. Видя такую опасность, я заработал локтями, что есть силы. Кое-как выбрался. Прошел в Алтарь. Остановился в главном приделе. Думаю, хоть бы мне причаститься, ведь я исповедовался и приехал для этого в Кронштадт. Батюшка уже не причащал. Переговорил с одним из присутствовавших. Тот направил меня к священнику, потреблявшему св. Дары.

Молодой, но уже поседевший кронштадтский священник причастил меня св. Дарами, и я пошел из алтаря к садовому выходу. Там опять не пускают. Пустили только через малый правый алтарь в храм. Амвонная решетка была заперта. Пришлось перепрыгнуть.

Сестра моя страшно возмутилась всем виденным и вышла из собора с намерением сейчас же уехать в С.-Петербург. С ней была та наша знакомая дама, которая в январе 1906 г. передала мое письмо батюшке. Последняя успокаивала сестру, просила остаться. Я тоже просил. Я знал, что батюшка это тяжелое впечатление сгладит. Едва уговорили. Пошли в Дом Трудолюбия. Говорят, скоро батюшка приедет. Стали ждать. Чай пили уж после батюшки. До него ничего не ели и не пили. Однако он прибыл в наш номер не ранее 3-х часов дня. Я поблагодарил его за молитвы, сообщил, что кончил университет. Он отслужил благодарственный молебен и сказал: “Ну и впредь так хорошо будет. Будете помнить Бога, вам будет хорошо!” Потом, указывая на сестру, спросил: “Это кто?” “Это, — говорю, — сестра моя”. Затем объяснил батюшке, что “плохо слышу”. Он заметил: “И я тоже. От золотухи?” Я: “Да”. — “На которое ухо?” “На правое, — говорю, — совсем плохо, а на левое лучше”. Тут наша дама обратила его внимание на сестру.

Указала, что у ней болит горло. Он смочил горло святой водой, провел по нему рукой и сказал: “Прой-

дет! Будет горло крепкое и несокрушимое!" И действительно, горло прошло и до сих пор не болит, так что сестра очень громко читает и декламирует.

Батюшку потащили дальше, в следующие номера. Человека, не бывавшего в Кронштадте и не видевшего жизни о. Иоанна, дорожившего каждой минутой, могло удивить устройство номеров в Доме Трудолюбия. Из каждого вела дверь в соседний, так что в каждом номере было три двери: две в соседние номера и одна в коридор. Это было устроено для удобства посещения о. Иоанном приезжих. В его приезд все двери распахивались, и он быстро переходил из номера в номер. Так и от нас раскрыли двери в соседний номер, и батюшка пришел к другим приезжим. Мы немного подождали и стали пить чай. В 4 ч дня отправились на пароход, который отходил в С.-Петербург в 6 ч вечера. Весело и светло было у нас на душе. Утренние неприятности забылись. Оставалась лишь обаятельная личность о. Иоанна. Его светлый образ вытеснил все горькие переживания дня. В 8 ч вечера пароход прибыл в Петербург. После того я еще несколько раз ездил в Кронштадт к батюшке. Но первое впечатление сильнее врезалось в память.

Печатается по: "К. П.". 1913. N 29—30. С. 509—511.

А. ВОСКРЕСЕНСКИЙ

ДИВНЫЙ ПАСТЫРЬ НАРОДА РУССКОГО

Быстро-быстро мчится неумолимое время. Непрерывною чредою сменяются часы, дни, месяцы, годы. Вот уже исполнилось более пяти лет с того момента, в который чистая и боголюбивая душа величайшего пастыря народа русского — о. Иоанна Кронштадтского отошла ко Господу, Которого он возлюбил от дней самой ранней своей юности, Которому служил безраздельно всю свою долгую жизнь, дивными делами своей дивной жизни прославляя Его, служа пристанищем, отрадою, избавлением миллионам грешных и мятущихся душ, целя неисцельные болезни, отъемля всяку слезу от лица люте страждущих, изнемогающих в непосильной борьбе с лютыми, бушующими волнами разъяренного моря житейского, пловцов обессиленных вводя в небурное пристанище, к Богу. Впрочем, моему ли убогому слову дерзать говорить о необъятной духовной высоте и чудесной мощи того, имя которого высоко превознесено не только на всем громаднейшем пространстве Российской империи, от Ледовитого до Атлантического океанов, того, пред кем благоговели и в дворцах царских, и в самых убогих лачугах самой непокрытой нищеты и кто теперь вот уже целых пять лет спит сном мирным, безмятежным, покойным после трудов изумительной жизни под сводами пещерного храма Иоанновской женской петербургской обители, ко гробу которого непрерывными вереницами тянутся верующие люди, и здесь ему, как некогда живому, рассказывают о всех своих горестях, напастях, болезнях, о тяжести своих житейских бремен. И теперь, как и ранее, внимает их рассказам великий служитель Божий, пастырствование которого народом русским не порвалось с его блаженною кончиною. Счастливы

мы безмерно, что в наше время, в наши дни, Господь воздвиг нам такого величайшего пастыря, воплотившего в жизни своей все заветы Христовы. И какое бесчисленное множество чад св. Христовой Церкви если не лично телом, то духовно, мыслию устремляется в северную столицу нашего царства, привитают у дорогого гроба батюшки о. Иоанна, питая душу свою неизгладимыми о нем воспоминаниями.

Пишущий настоящие убогие строки, следуя общему примеру тех, кому дорога память о нем, близко всякое о нем воспоминание, решается поведать другим о своей встрече с приснопамятным служителем Божиим. Кто из нас не знает его; кто не устремлялся хотя мыслию в далекий Кронштадт, дабы взглянуть на великого благодатного светильника Церкви Христовой нашего времени, войти с ним в молитвенное общение, облобызать его благословляющую десницу?! По крайней мере, эти побуждения неудержимо влекли меня к нему. Но долго-долго желанию моему не суждено было осуществиться. И только в начале 1894 года судьбы Божии привели меня к о. Иоанну.

Осенью 1893 года я совершил длинное путешествие из Киева в Одессу, на Новый Афон, Воронеж, Задонск, Москву и, наконец, Петербург. Находясь в таком близком соседстве с Кронштадтом, я решил непременно быть в нем, несмотря на то что, жестоко простудившись в пути, едва держался на ногах от болезни; если окончательно не слег, то потому только, что не имел определенного места, где бы мог это сделать. В навечерие великого праздника Богоявления Господня, достигнув Сергиевой пустыни[23], с великим трудом отстоял я здесь праздничную литургию, по окончании которой, чрез великую силу, мимо Александрии, Старого и Нового Петергофа и Ораниенбаума[24] пешком плелся в Кронштадт, огни которого виднелись в 7-верстном

от последнего расстоянии. Глубоким вечером, совершенно обессиленный и болезнью и значительным переходом, достиг я наконец этого города, где, найдя ночлег в доме Трудолюбия — детище о. Иоанна, узнал, что утреню и литургию следующего дня батюшка предполагал совершить в домовом храме этого учреждения.

Когда на утро следующего дня собрались мы идти в храм, нам сказали, что о. Иоанн служит в церкви кронштадтской городской Думы, и, пока мы достигли ее, церковь была уже до невозможности переполнена молящимися. Духовная одежда сослужила мне теперь великую службу, открыв мне, хотя и не без труда, доступ к солее храма, а затем и в алтарь левого придела, откуда впервые увидел я того, к кому так давно стремились все мои мысли: о. Иоанн усердно молился пред св. престолом правого придела. Когда, выйдя в свое время на клирос, начал он чтение канона, вся церковь буквально замерла. И в его бесподобном чтении, описанном многими, слышалось такое дерзновение веры, такое духовное соприсутствие его на берегах далекого Иордана в момент пришествия Господня к Иоанну, что даже и для невнимательного богомольца, если таковой и был здесь, оставалось несомненным, что о. Иоанн всем существом своим переживал тайну величайшего смирения Владыки и Творца, от раба крещения просяща. Напрягая все свое внимание, боясь проронить хотя одно слово из знакомого канона, я сердцем чувствовал, что в этой пламеннейшей вере прославленного молитвенника — вся сила его чудодейственного могущества, восставлявшего почти мертвых от одра болезни, извлекавшего грешников и погибающих из бездны погибели, возвращавшего опустившихся людей на путь разумной и общеполезной деятельности. Когда, вслед за утренею, о. Иоанн совершал с собором других священнослужителей Божественную литургию,

он был вне мира, вне земли: он предстоял всем существом своим престолу Божию, беседовал с Ним лицом к лицу и не просил только, а в дерзновении веры требовал от Него спасения людям.

Между тем, когда о. Иоанн священнодействовал, я, по крайнему ослаблению своих физических сил, большую часть литургии принужден был сидеть на табурете. Много раз, приближаясь от св. престола к жертвеннику для изъятия частиц о живых и умерших, великий пастырь быстро проходил мимо меня. А я в это время думал и от всего сердца благодарил Господа, что Он дал мне счастие видеть того, к кому обращены очи всех верующих сынов земли Русской. Литургия закончилась. О. Иоанн, разоблачившись, в одной рясе и епитрахили, пред св. престолом читал на память благодарственные молитвы по св. причащении. Момент для приближения к нему и принятия его благословения был самый удобнейший; но странная нерешительность овладела моею душой. "Зачем,— думалось,— буду я беспокоить о. Иоанна, которому предстояло так много труда впереди? Принять его благословение? Но он от престола Божия на всех призывал Его благословение и в том числе и на мое окаянство. Но тогда зачем же был предпринят труд паломничества в Кронштадт, если ты не решаешься подойти к о. Иоанну?" — возражал другой помысл. Благодатный пастырь, как бы провидя духом происходившую во мне борьбу, вдруг оборачивается в мою сторону и кланяется. Конечно, после этого от моей нерешительности не осталось и следа, и я поспешил к батюшке. "Кто вы, откуда?" — спросил он, здороваясь. Я сказал. "Что вас побудило прибыть в Кронштадт?" — "То же, что влечет сюда сотни тысяч народа: это — давнее и искреннейшее желание видеть вас, батюшка, и просить ваших св. молитв и благословения". "Давайте помолимся вместе", — говорит о. Иоанн, опускаясь на колено пред престолом. Я сле-

дую его примеру и делаю то же с левой стороны престола. Всего несколько мгновений длилась эта молитва, но как она была сладостна! "Ну, да помогает вам Господь", — произносит великий служитель Его, благословляя и целуя мое убожество в уста и голову. В этот момент я почувствовал себя легко: слабость исчезла и как будто какая-то чудная струя влилась в мой организм, совершенно изгнавшая болезнь, а душа и сердце играли, как когда-то во дни далекого теперь и беспорочного детства в великий день Св. Пасхи!

И вот великий пастырь народа русского пять лет тому назад закончил подвиг своей земной жизни и отошел ко Господу. День его кончины, его блаженного преставления с первого же года сделался памятным для Российской Церкви, ублажающей его, как свою славу и украшение. Пять лет прошло уже, как в вечность отозвал его Господь. Пройдут десятки лет, но не ослабеют узы любви, которыми связан был с паствой почивший пастырь.

Поклон тебе до земли, священник Божий, и вечная память.

Печатается по: "К. П.". 1914. N 30. С. 469—474.

М. С. Д.

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ

Отец Иоанн... Назовешь это имя, и светло и радостно сделается на душе, а перед мысленным взором встанет, как живой, незабвенный Батюшка с улыбающимся лицом и ласковыми лучистыми глазами. Всюду вносил он с собою радость, всех утешал, всех бодрил, всех любил. Вся его жизнь была исполнением завета апостольского: "Всегда радуйтесь, непрестанно молитесь, за все благодарите, Духа не угашайте" (I Фес., 5). Казалось, что никогда не может придти время, когда не будет Батюшки, что всегда будет он утешать нас, молиться за наших больных, давать нам пример живой веры и неутомимой бодрости. Но оно пришло это время... Не стало Батюшки. Велико было наше горе. Но даже и оно как бы умирялось тихою радостью, радостью о том, что возжегся новый светильник перед престолом Всевышнего, засияла на небе новая, яркая звезда.

Много раз имела я счастие видеть о. Иоанна, быть на его службах, но особенно памятна мне первая встреча с ним. Давно это было; я была очень молода и кончала курс в одном из Петроградских институтов. В этот год я очень много слышала об о. Иоанне и часто получала из дома письма с газетными вырезками, в которых описывались случаи исцелений по молитве Батюшки. Еще не зная его, я уже почитала и любила его и страшно хотела увидеть его. Это желание мое исполнилось.

К моему выпуску приехала мама и решила съездить со мной в Кронштадт. Знакомые отговаривали нас от этой поездки, уверяя, что Батюшка давно уже на родине; начальница института не хотела меня пускать, боясь толпы, которая всегда бывала на службах о. Иоанна. Но наконец все устроилось, и мы

в вагоне. Только что успели мы сесть в свое отделение, как послышался шум и необыкновенное движение на перроне, и сидящая с нами дама объяснила нам, что это провели о. Иоанна, возвращающегося в Кронштадт. Купе Батюшки оказалось рядом с нами, но мы не могли его видеть и подойти к нему, потому что вагоны на Балтийской ж.д. устроены по-заграничному: они состоят из маленьких отделений, которые запираются, так что перейти из одного отделения в другое можно только на станциях. Я смотрела все время в окно и вдруг, к своему счастию, увидела Батюшку. Он стоял у окна и, подняв глаза к небу, молился.

Много времени прошло с тех пор, но и теперь часто вспоминая Батюшку, я вижу перед собой его одухотворенное лицо и сияющий взор, обращенный к небу. Тогда же я положительно замерла, увидав его, душа моя затрепетала, и слезы невольно полились из глаз. Никогда не видала я такой молитвы, не знала, что можно так молиться! Никогда еще и не плакала я такими сладкими слезами. Долго молился Батюшка, а мы, украдкой, смотрели, боясь помешать ему. Я слышала, что в Кронштадте бывает общая исповедь. И вот, когда я увидала Батюшку и сердцем почувствовала необыкновенную великую силу молитвы его и всю его душевную красоту, на меня напал страх пред этой исповедью. Я все думала, как я подойду к нему, и казалось мне, что он одним взглядом проникнет в душу, заставит меня громко исповедовать грехи мои, прогонит меня. На последней станции мы упросили кондуктора открыть наше отделение. Батюшка увидал нас, подошел к окну, благословил и, глядя прямо на нас, громко сказал: “Общей исповеди не будет, не будет, и причащать я не буду”. Я была поражена этими словами, этим ответом на мои мысли. В Кронштадт мы приехали поздно вечером, нам был приготовлен номер в доме Трудолюбия. Мама сейчас же отправилась к псаломщику собора просить его дать

нам возможность видеть службу Батюшки. Вернулась она очень поздно, ничего не устроив.

Рано утром отправились мы в Андреевский собор к обедне. Народу было так много, что пройти вперед не было никакой возможности. Мы остановились у свечного ящика, с грустию думаю о том, что не удастся видеть службу. Вдруг подходит псаломщик и говорит, что о. Иоанн велел провести нас на клирос за решетку. Мы протиснулись за ним через толпу и очутились за решеткой, рядом с аналоем, недалеко от Царских врат. Вот вышел Батюшка из алтаря, быстро подошел к аналою и начал читать канон. Читал он очень громко, радостно кивая головой и делая ударения на некоторых словах. Особенно громко произносил он: "Светися, светися, Новый Иерусалиме" и "Святый отче Патрикие, моли Бога о нас" (это было 19 мая, память свм. Патрикия). Кончился канон, и началась обедня. Служба была дивная, я стояла как во сне. Я думаю, что все, кому приходилось видеть эти службы, никогда не забывали их. Кончилась обедня. Вышел Батюшка с крестом и спросил: "Ну что, видели и слышали все?"

После обедни мы поспешили в дом Трудолюбия, куда должен был приехать о. Иоанн служить молебен. Сначала он служил по номерам, а потом общий молебен в зале. Вот раскрылась дверь и нашего номера. Вошел о. Иоанн, радостно и громко приветствуя: "Христос Воскресе!" Начал служить молебен. И опять от неизъяснимого чувства радости, не переставая, плакала я. Батюшка положил мне на голову руку и ласково спросил: "О чем ты, крошечка, плачешь?" Я ничего не могла ему ответить, а только взяла его руку и прижала ее к глазам. У меня тогда очень сильно и мучительно болели глаза. С тех пор так болей у меня нет, и я верю, что они прошли по молитве Батюшки.

Мы пошли в общий зал на молебен. Там собралось много народу. При входе Батюшки, по залу пронесся

какой-то общий стон. Многие плакали. Перед началом молебна о. Иоанн сказал: “Приблизьтесь к Богу, и Он к вам приблизится”. Кончился молебен, благословил всех Батюшка и пошел, сопровождаемый толпой. Всем хотелось еще раз взглянуть на него, все толпились вокруг него, около экипажа, ловили его руки, одежду. В этот же день, часа в 4, нам надо было уезжать. Поехали на пристань; там стояли три парохода. Нам сказали, что о. Иоанн тоже уезжает в этот же час к себе на родину, но на каком пароходе, никто не знал. Сели наудачу, и вдруг Батюшка подъехал сюда же! Дорогой ходили к нему в каюту. Он еще раз всех благословил и угостил вишнями.

Когда подъехали к Петрограду, то все пассажиры столпились на одной стороне палубы у мостика, желая еще раз увидать Батюшку. Пароход накренился набок, матросы отгоняли толпу, но не могли ничего сделать: никто не хотел уходить. Батюшка с трудом прошел к мостику. На пристани его уже ожидала густая толпа. Два жандарма окружили его и почти пронесли через толпу. Толкали Батюшку со всех сторон, никто не думал, что причиняет ему не только беспокойство, но даже и боль. Видно было, что Батюшке было очень тяжело. На лице его показалось страдание, а глаза поднялись к небу, ища там поддержки и помощи.

Мы вернулись домой, полные пережитых впечатлений, и долго не могли забыть этой поездки, в которой все так чудесно устраивалось и удавалось.

Печатается по: “К. П.” 1915. N 26. С 411—414.

И. М. ВИНОГРАДОВ,
капитан

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ

2 марта 1906 г., около 10 ч утра, проходил я по Бассейной улице, направляясь на службу в Главный Штаб.

Вижу, у входа в церковь Леушинского женского подворья[25] толпится во множестве народ и стоит наряд полиции. Спрашиваю — по какому случаю это все здесь?! И слышу: “Батюшка отец Иоанн Кронштадтский будет служить здесь”. Словно электрическая искра пробежала по моему телу от этого сообщения! Мне так давно хотелось и видеть и быть на богослужении знаменитого пастыря св. православной церкви нашей! Оставив в стороне службу, я быстро направился в вестибюль церковный. Здесь чин полиции, а затем монахиня предупредили меня о входном билете — “иначе, говорят, нельзя”, — но я уже на ходу отвечал им: “Билета у меня нет”, — сам стремительно поднимаясь в церковь на самый верх. К радости моей, никто меня больше не задержал, и я устроился на левом клиросе.

Началась Божественная Литургия. Служил о. Иоанн Кронштадтский в сослужении других иереев. До выхода со Святыми Дарами служба шла обычно. При каждом вдохновенном возгласе приснопамятного дорогого Батюшки чувствовался какой-то особенный молитвенный подъем, особенно-радостное, благодатное чувство религиозной настроенности! Верилось, что все эти моления, прошения и благодарения великого праведника Божия доходят до св. Престола Божия, и вместе с присутствующими богомольцами, в силу этой веры, я соединился в слезно-благодарственной к Богу молитве, при величественно-стройном пении “Иже херувимы”, — за дарование нам такого пастыря. Почти все при этом

молились, стоя на коленях. Самые великие минуты Божественной Евхаристии — Пресуществление Св. Даров — прошли в особенно радостном молитвенном чувстве. Но что произошло в храме, когда открылись царские врата и диакон возгласил: "Со страхом Божиим и верою приступите", — и потом дорогой Батюшка стал причащать народ, — трудно и описать! Большинство попадало ниц, плача, причитывая в слезных рыданиях, каясь вслух в своих грехах. То и дело слышались возгласы многих богомольцев: "Родной ты наш, родимый! Помолись о нас, помяни в святых молитвах своих!" и т. п.

В конце Литургии Батюшка поучал народ. Как гром, проникали в сердце вдохновенные слова поучения и растопляли его для христианской благодатной жизни. Никогда мне не забыть этих немногих часов совместной молитвы с великим праведником земли Русской! Бесконечно благодарил я Господа Бога за ниспосланный случай.

По окончании Литургии, когда Батюшка разоблачился, я, сняв оружие, направился южными дверями в алтарь к нему за благословением.

Дорогой Батюшка крестообразно благословил мою склоненную пред ним голову и быстро-радостно, свойственной ему скороговоркой, приветствовал меня словами: "Здравствуйте, милый". Я поцеловал его благословляющую руку.

Незабвенные, обращенные ко мне слова дорогого Батюшки: "Здравствуй, милый", пронизали всего меня особым радостным трепетом; и поныне какое-то особенное бодрящее чувство вселяют они во мне всякий раз, как вспоминаю об этом радостном событии в моей жизни. А вспоминаю я о нем с особой приятностью почти каждый день.

Печатается по: "К. П.". 1913. N 38. С.651—652.

Игумен
ГЕОРГИЙ

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ О СОВМЕСТНОМ С БАТЮШКОЙ ПУТЕШЕСТВИИ В 1903 ГОДУ

"Милость Божия буди с Вами. Здравствуйте,Глубокоуважаемая Матушка Игумения Ангелина[26]. Желаю Вам от Господа Бога всякого благополучия, душевного спасения и телесного здравия. Матушка игумения, во время пребывания нашего на Белгородском торжестве[27], я с Вами говорил о батюшке о. Иоанне и его силе молитвы, которую я лично видел, когда путешествовал с ним в 1903 году на его родину. Вот, что я могу сказать по чистой иерейской совести, что я видел лично и могу засвидетельствовать. 19 июня утром мы ехали по реке Великой Двине, Вологодской губ. Батюшка хотел отслужить литургию, но вдруг путь наш стал застилать дым, и что едем дальше, то дым все больше и больше, так что уже невозможно стало быть на палубе, и капитан заявляет нам, что дальше ехать опасно, так как не видно пути и глаза сильно ест дым. Тогда батюшка стал упрашивать капитана: "Хоть потихоньку, но поезжай дальше". И действительно, как поехали дальше, дым стал меньше, и на берегу мы увидали церковь. Батюшка перекрестился и сказал: "Вот, и слава Богу, теперь отслужим обедню". Когда мы пристали к берегу, то мне батюшка и говорит: "О. Георгий, поднимись на гору и попроси у священника разрешения отслужить". Батюшка всегда так поступал. Я поднялся на гору. Вижу — село, но народа никого нет; зашел в дом священника, поискал, — нет никого, зашел в другой домик — к просфорне, — тоже никого нет, только нашел в горшке просвиры. Я возвратился на пароход и сказал батюшке, что никого нет. Он меня опять послал и велел на колокольне дернуть за веревку колокол, что я и сделал. Подходит ко мне какой-то мужичок и удивляется, что монах звонит. Спросил меня, кто я, я ему сказал и объяснил, что

приехал батюшка и желает отслужить обедню. Этот мужичок — он оказался сторожем церкви — растерялся и не знал, что и делать от радости. И говорит: "Церковь я вам отопру, служите, но нашего батюшки нет, и в селе никого нет, все ушли на пожар". Оказалось, здесь около трех месяцев не было дождя и была сильная засуха. Мы поднялись с батюшкой в церковь, начали служить утреню. Народа — ни души, кроме тех, кто приехал с нами на пароходе. Начали обедню. Вдруг приходит местный священник, и до чего он был обрадован и благодарен такой неожиданности. Стал просить батюшку помолиться о дожде. Батюшка согласился и, обратившись к народу, сказал: "Православные, давайте вместе молиться, чтобы Господь дал дождь". Между тем к обедне начал собираться народ и церковь стала полна. Все в саже, так как они, не вовремя услыхав звон, пришли прямо с пожара и священник их вместе с ними. Во время причащения стали находить тучи, я и говорю батюшке: "Кажется, дождь собирается", — а он мне и отвечает: "Слава Богу, верно Господь услыхал молитву православных". Когда мы окончили обедню и пошли к священнику пить чай, то уже дождь порядочно стал накрапывать, но когда от священника пошли на пароход, то нас уже промочило. И вот тут-то нужно было видеть, как провожал батюшку народ: бросался в воду, хватался за пароход, пел тропари... каждый изливал свою сердечную благодарность. Три месяца не было дождя, и вдруг слышат звон, представляют, что село горит, а по молитве батюшки прекращается пожар, и дождь после этого шел целые сутки. Это я приписываю великой милости Божией по молитве дорогого батюшки. Это произошло в селе Эгриж Вологодской губ.

20 июня в 7 часов утра мы прибыли в Великий Устюг Вологодской губернии. Когда мы с батюшкой вышли на берег, то тут стояла одна лошадь, запря-

женная в телегу для товара. Мы наняли мужичка к церкви Праведного Прокопия. Когда мы ехали в собор, то торговцы шли отпирать магазины и невольно обращали внимание на нас, как на приезжих. Я заметил, что некоторые догадывались, угадывали и узнавали батюшку и отдавали приветствие. Когда мы приехали в собор, то очередной священник читал входные молитвы. Когда Батюшка с ним познакомился, то мы присоединились помолиться вместе. Батюшка, по обыкновению, совершал проскомидию, во время которой приходит в Алтарь молодой человек в гимназической форме и убедительно просит батюшку помолиться о болящем своем отце и после литургии посетить больного. Батюшка отказался и сказал: "Я и так помолюсь, но разъезжать нет времени", — спросил, как зовут отца, тот сказал, что Лев. После обедни этот молодой человек опять начал просить батюшку зайти, но батюшка опять отказался. И когда после обедни мы с батюшкой были приглашены откушать хлеб-соль к церковному старосте, то этот молодой человек опять тут с той же просьбой. И на этот раз батюшка отказался. Когда мы собирались ехать на пароходе, нам был подан приличный экипаж и провожал нас г. Исправник и Становой, а этот молодой человек бежал сзади нашего экипажа. Исправник батюшке и говорит: "Батюшка, вот дом того молодого человека, который просит Вас зайти". Тогда батюшка сказал: "Если мимо едем, то заедем, а я думал, что он хочет завести на край города, а мне время дорого". Когда он проговорил эти слова, то исправник сказал кучеру, чтобы он повернул в ворота. Когда мы пришли в дом, то у них было уже все приготовлено для водосвятного молебна и больной сидел на диване. Батюшка спросил у него о болезни. Оказалось, что лошадь сильно ушибла ему ногу, он не обратил внимания, благодаря чему болезнь дошла до такой степени, что врачи отказались лечить и рекомендова-

ли отнять ногу и ехать лечиться в Крым. Но больной таких средств не имел и просил батюшку помолиться. Еще надо заметить, что больной не мог совершенно ходить и даже на костылях с великим трудом привставал. Тогда батюшка обратился ко всем собравшимся с просьбой, чтобы все помолились за болящего Льва и начал служить водосвятный молебен. После молебна говорит: "Покажи, где болит". И когда тот показал больную ногу, то без ужаса нельзя было смотреть: совершенно одна кость да жилы, мясо все отгнило. Батюшка говорит: "Ах ты бедный, Лев, веруй в Бога и Господь тебя исцелит". Взял чайную чашку, почерпнул святой воды и давай сам ему мыть ногу, руки перепачкал в крови и гное. Потом вымыл руки и присел откушать хлеб-соль. Когда мы стали прощаться и пошли к экипажу, то больной Лев вдруг встает с дивана, костыли от себя отдалил и говорит: "Батюшка, я совершенно здоров, благодарю Бога и Вас за молитву". И он свободно проводил нас до экипажа. Жена и дети как его ни уговаривали, чтобы он не вставал, но он не только что встал, но и пошел проводить нас, а раньше 6 месяцев не мог с места двинуться. При прощании батюшка ему сказал: "Если Господь тебя исцелит, то пришли мне письмо или телеграмму". Это все произошло при многочисленном стечении народа."

Печатается по: "К. П.". 1912. N 2. С. 36—37; N 3. С. 51—52.

<Священник>
В. ИЛЬИНСКИЙ

ОКОЛО О. ИОАННА КРОНШТАДТСКОГО
(По личным впечатлениям)

О. Иоанна я видел два раза. Впервые мне пришлось видеть о. Иоанна в Киевской Духовной Академии. Одиннадцатого сентября в конце девяностых годов я, по окончании лекций, был в числе других студентов в академической библиотеке, когда узнал, что о. Иоанн находится в Киеве и собирается посетить академию. Говорили, что он должен быть в академии сейчас же. Мы, все бывшие в библиотеке студенты, поспешили сдать свои книги и вышли во двор Братского монастыря[28]. Весть о приезде о. Иоанна обошла уж всю академию и студенты отовсюду собирались группами и оживленно говорили между собою по поводу этого приезда. Однако точно никто ничего не знал. Говорили, что он приехал в Киев по приглашению генерал-губернатора графа А. П. Игнатьева[29] и что он прибыл еще накануне, но когда он будет в академии и будет ли, это достоверно никому не было известно.

Видно было, что весть о посещении академии о. Иоанном живо затронула всю студенческую массу.

Студенты не могли похвалиться своею религиозностью и вообще идеалистической настроенностью. Скорее даже напротив. Дисциплина в академии в то время была довольно строгая. Студенты более или менее аккуратно посещали утренние и вечерние молитвы, ходили ко всенощной и на обедню в положенное время и вообще более или менее точно выполняли все требования академического устава, но их внутренняя настроенность далеко не отвечала их внешним действиям. Даже постоянный чтец часов за архиерейским богослужением отличался крайней циничностью, смеялся в своей среде над всем церковным и религиозным и к своему аналою для чте-

ния часов на литургии являлся нередко после ночи, проведенной в разгульном кутеже, с заспанными глазами и с запахом перегара изо рта; во время богослужения многие студенты усаживались в церкви на полу и читали газеты или книги, а то и просто вели домашние разговоры; на библейские рассказы сочиняли всякие пародии и т. д. и т. д. Кроме того в общем они отличались крайней подозрительностью как в отношении друг к другу, так и вообще в отношении чистоты намерений и действий отдельных лиц. Глубокое противоречие между словами и делами, между теоретическими задачами и практикой воспитания, вообще — между тем, что говорят педагоги в духовной школе, и как они ведут воспитание здесь, та атмосфера раздвоения, тупого высокомерия и всякой фальши, в которой пришлось каждому из нас провести более десятка лет, притом — в период наибольшей душевной восприимчивости, все это налагало на студентов глубокий отпечаток нравственного пессимизма и нравственной слабости и вместе развивало в них узкий практицизм. Но... лев и мертвый — все же лев, и юноша искалеченный все же носит в самой крови своей задатки высокого идеализма. Под влиянием вести о приезде о. Иоанна у студентов открылись, так сказать, новые нравственные ощущения. Мы как-то сразу почувствовали, что к нам приближается что-то большое, высокое, необыкновенное, но в то же время дорогое всем нам, и от этой близости необыкновенного человека в нас самих зажигался огонек новых нравственных порывов. Все другие интересы как-то сами собой теперь отошли на задний план, стали маленькими и ненужными. Наши мысли были заняты всецело о. Иоанном, тем великим делом, которому он служит: его постоянной готовностью идти на помощь труждающимся и обремененным, его неустанной благотворительностью, наконец — его непрестанным молитвенным горением. О деятельности о. Иоанна каждый из нас мно-

го слышал и читал, но доселе о. Иоанн был для нас одною из тех больших исторических фигур, которые из своей дали представляются существами почти что абстрактными. Теперь же, в виду осязательного его приближения к нам, все мы почувствовали в себе разнообразные живые отзвуки на то, что ранее почти что не трогало или мало трогало нас. Облик прежде хотя и светлый, но в то же время бледный, бесплотный и далекий, почти что внежизненный, теперь материализовался в наших глазах, начинал сиять и влечь нас к себе своею глубокой реальностью... Душевный подъем был — несомненный, и совершился он очень быстро. Как лепестки цветка навстречу свету, раскрывались теперь наиболее интимные уголки молодых, но искалеченных сердец, и в этих уголках обнажались семена высоких мыслей и великих дел...

Однако такое состояние продолжалось недолго. Вскоре стали говорить среди студентов, что о. Иоанн не будет у нас. И этому мы также скоро поверили. Имелось налицо и вероятное объяснение. С начальством в академии в то время происходили непрерывные "недоразумения". Дошло до того, что инспектору стали бить стекла в окнах; стреляли даже в него, правда — из резинового прибора, но все же так, что пробили стекла в двойных рамах. Говорили, что о. Иоанн не захочет посетить среду, столь непочтительную к своим начальникам, и студенты один по одному перешли в столовую — на вечерний чай. Начиналось что-то вроде разочарования. "Если о. Иоанн в самом деле по этим причинам не будет у нас, значит, он не хочет или не может заглянуть в душу поглубже", — говорили студенты. Мало-помалу в нашей среде об о. Иоанне совсем перестали говорить.

Автор этих строк также отдался впечатлениям, не имеющим, пожалуй, ничего общего с о. Иоанном. В гардеробной комнате три моих товарища пели

Римского-Корсакова. "Надоели мне ноченьки". Я зашел послушать. Чисто русская грустная мелодия рисовала моему воображению и чисто русскую картину: девушку у окна за прялкой, изливающую свою скорбь о покинувшем ее друге, скорбь с обычным русским терпением, в котором слышится и самообвинение и примирение с горькою долей, притом особенное примирение, тоже, быть может, чисто русское — без раздирающих душу криков и стонов, проникнутое сознанием неизбежности страданий. Теперь я уже не помню всех слов песни, но память живо хранит заключительную фразу вместе с ее музыкальной передачей: "Я сама ли-то его, дружка, прогневала". В этой фразе сказывается целое мировоззрение и законченная бытовая картина — тяжелая, но в передаче нашего талантливого композитора высокохудожественная и захватывающая...

В скором времени мы все сидели по своим комнатам за своими обычными делами, и маленькие наши текущие интересы совсем отодвинули и заслонили собою переживания, связанные с ожиданием о. Иоанна. Мы были уверены, что его нам не придется видеть. Однако мы ошибались.

В 9 ч к нам в комнату зашел студент иеродиакон (болгарин) — почему-то всегда хорошо осведомленный касательно особенно интересующих нас в тот или другой момент вопросов общей важности — и сообщил нам, что о. Иоанн сейчас же должен быть в ректорской квартире. Мы немедленно отправились к зданию, занимаемому ректором, ныне покойным епископом Сильвестром[30].

На ступеньках крылечка здесь сидел пожилой полицейский чин, украшенный разными знаками отличия. Тут же толпились студенты, пришедшие раньше нас, — сторонних лиц почти не было. Рассказывали, что публика собралась было часов около шести, но ее уверили, что о. Иоанна не будет, и она

разошлась. (Позднее я узнал, что к подобной мистификации прибегали почти всюду, где ждали о. Иоанна, для того чтобы предупредить большое скопление народа.) Настроение у всех было сосредоточенное, более или менее напряженное. Говорили все вполголоса. Духовные студенты — иеромонахи, иереи и диаконы — выстроились по сторонам у крылечка. Наиболее освещенное (фонарем) место занимал иеромонах И., в клобуке, с длинной и густой бородою, если не вполне выглядевший анахоретом, то во всяком случае производивший довольно цельное впечатление хорошего монаха. Его фигура с лежавшей от нее длинной тенью придавала особый характер всему собранию и не оставалась бесследной для подвижной психики собравшегося здесь юношества. У всех было настроение такое, с каким обыкновенно верующие люди встречают святыню, и как-то само собою вышло, что наши мысли, все наши душевные движения снова оторвались от нашей обыденщины и обратились к чему-то внепространственному и вневременному.

Послышался вблизи топот лошадей. Мягко подкатила карета, щелкнула ручка дверцы. Мы все стали одним вниманием. Никто нам не говорил, но мы знали, что из кареты должен выйти о. Иоанн. Мы ждали, что увидим величавую фигуру или, по крайней мере, человека с величавыми манерами и медлительной речью, также зовущей в сторону от этого мира, короче, думали, что встретим святого, как он обыкновенно рисуется воображению русского человека, воспитанного на четь-минеях и аскетической литературе. Но оказалось иное.

Молча благословив несколько человек, ожидавших у самой кареты, о. Иоанн скорым шагом направился к квартире ректора среди расступившихся студентов. Дойдя до иеромонаха И., он вдруг обернулся к нему с приветствием:

— Честь имею кланяться. Вы не инспектор будете? Сказано это было твердым, звенящим голосом, отрывисто и выразительно, без всякой слащавости, столь обычной в духовной среде.

О. И. едва успел ответить "нет", как о. Иоанн, поцеловав его в руку и губы, уже бежал по ступенькам крылечка, слегка покряхтывая, живой, бодрый и веселый. Впечатление получилось неожиданное. Прежняя напряженность у нас исчезла, и мы как-то сразу почувствовали, что в нашу среду вошел человек, далеко не чуждый нам и что он вошел не из другого мира, а именно из этого, из того самого мира, в котором мы сами живем и которым мы все, заурядные люди, так интересуемся.

Некоторые из студентов прошли в ректорскую квартиру следом за о. Иоанном, большинство же осталось ждать его снаружи. Вскоре вышел инспектор и объявил, что о. Иоанн будет в академическом корпусе. Студенты собрались в зале, и сюда, действительно, через двадцать минут пришел о. Иоанн в сопровождении ректора и инспектора. Студенты встретили его пением тропаря празднику (Рождеству Богородицы). Мне удалось видеть о. Иоанна сверху, когда он только подымался по лестнице. Наш уже достаточно обремененный годами преосвященный Сильвестр поддерживал о. Иоанна под руку с левой стороны. Высокий и представительный инспектор величаво двигался справа. На половине лестницы о. Иоанн сказал преосвященному Сильвестру: "Мне надо поддерживать вас", — но как они шли дальше, мне было не видно. Одет был о. Иоанн в черную шелковую узорчатую рясу. Студенты говорили позднее, что он был "обрызган" духами, но сам я этого не заметил.

Когда окончилось пение тропаря, о. Иоанн обратился к нам с речью.

"Здравствуйте, однокашники! Я рад видеть вас, побыть хотя короткое время среди вас..." Далее он го-

ворил о православии, о царе, о Синоде, о необходимости твердо держаться заветов церкви и под. В своей речи студентов он часто называл друзьями. Говорил он громко, отчеканивая слова, торопливо, даже нервно. Он бросал слова в окружавшую его толпу с уверенностью, что они все будут собраны с большой тщательностью. В его металлическом голосе звучала настойчивость и сила убежденности. О форме речи, видимо, о. Иоанн совершенно не заботился. Для него самое главное было — высказаться. Во время речи он нервно оборачивался в разные стороны, и вообще нервность его выступала довольно заметно, но нервность эта была особого рода, казалась возбужденностью торопящегося человека, а не органической слабостью. Получалось впечатление, что он и речь свою говорил на ходу, в движении, с опасением, что ему не дадут высказать все, что нужно. Даром слова о. Иоанн однако, не обладал. Он останавливался почти после каждой фразы и часто можно было слышать в его речи: “гм”, “гм”. В конце речи о. Иоанн благодарил студентов за их доверие к нему и уважение и назвал себя счастливым, что видит нас. И это он повторил несколько раз.

После речи студенты стали подходить к нему под благословение. Благословляя, о. Иоанн произносил иногда: “именем Господним”. Благословлял он так же торопливо, как и говорил. Под благословение подошли решительно все, не исключая и заведомых религиозных скептиков.

Из зала о. Иоанн с группою окружавших его тесным кольцом студентов двинулся в квартиру инспектора, где у подъезда снаружи ждала его карета. Дорогою на лестнице один из студентов протискался к нему с просьбой помочь его больному брату.

— Он немой, — сказал студент.

— Зато вы богоглаголивы, — ответил о. Иоанн.

Вышел из академии о. Иоанн через квартиру инспектора, почти не задерживаясь в ней.

Разумеется, среди студентов о. Иоанн долго был темою оживленных разговоров. Скептицизм, однако, в конце концов одержал верх в душах студентов, и захваченное на момент религиозным движением большинство их скоро перешло к разрушительному анализу, так что в глазах очень многих светлый ореол, окружавший образ о. Иоанна, оказался рассеянным. Эти скептики указывали на то, что о. Иоанн вращается исключительно почти в высших кругах и среди богатых классов, что он привык игнорировать людей низших классов, слишком суров и резок, что в нем нет искренней сердечности, много деланности и светских манер; не нравилось многим, что у о. Иоанна целовал руку архиерей и т. д. и т. д. Были, конечно, и такие, у которых высокое впечатление от о. Иоанна оказалось стойким, но эти высказывались мало. Я, по крайней мере, не слышал, чтобы кто из них так же громко и решительно говорил за о. Иоанна, как говорили другие против него.

* * *

В другой раз мне пришлось видеть о. Иоанна в Кронштадте — года через два.

По личным обстоятельствам мне пришлось в то время быть в Петербурге и даже долго жить здесь.

В Петербурге в то время был едва ли не в апогее своей славы о. Григорий Петров[31]. Я вращался в духовной среде, и здесь о нем много говорили. О. Григорий в то время читал лекции на курсах для учителей и учительниц и, судя по тому, что я слышал от одной учительницы, — все от него были в восторге. Эта учительница привела мне, между прочим, выдержку из его прощальной речи, которой он закончил чтение своих лекций, действительно красивую. Впечатление

от этой выдержки было настолько сильное, что я теперь даже помню существенное ее содержание. Позволю себе воспривести ее здесь.

“Народный учитель в школе, — говорил о. Григорий, — это то же, что каменщик в руднике, которому приходится спускаться в глубокое подземелье и разбивать здесь своим тяжелым молотом твердые глыбы, чтобы извлечь из них небольшие блестки драгоценного металла. Тяжела его доля. Как Остап, кричит он из своего подземелья: “Слышишь, батько?” “Слышу”, — раздается сверху в ответ. На положение народного учителя теперь обращено внимание и т. д. Я передал только существенные черты главных образов. Обработка их у о. Григория была лучше моей передачи. Мне хотелось побывать и у о. Григория и у о. Иоанна, и особенно — у о. Иоанна, хотя о нем около меня говорили меньше.

Я знал, что попасть к о. Иоанну очень трудно; но один знакомый священник обещал мне содействие — написать одному из кронштадтских иереев, чтобы тот с своей стороны дал мне нужные указания на месте, в Кронштадте.

В Кронштадт я отправился на пароходе с Васильевского острова. Это было в половине мая. Дорогою я познакомился с священником, бывшим старообрядцем, из крестьян начетчиков, — личностью очень интересною по своему отношению как к старообрядчеству, так и к господствующей церкви. Оказалось, что он также ехал к о. Иоанну, и мы стали компаньонами. Вместе мы явились и к обещанному патрону — кронштадтскому священнику; но мои, или, вернее, теперь наши, расчеты оказались напрасными. Священник этот принял нас довольно любезно, но вскоре же и отпустил — совершенно ни с чем. Отчасти это было, впрочем, и в порядке вещей. Из-за рясы моего спутника выглядел истый мужичок-землероб, с типичной крестьянской речью и крестьянскими манерами; я тоже не мог вну-

шить к себе интереса; между тем батюшка жил широко, и в соседней комнате среди гостей я видел морских офицеров... Нас постеснялись показать в хорошем обществе...

Первым делом, когда мы вышли на улицу из-под негостеприимного для нас иерейского крова, мы стали искать для себя помещение. Зашли в Дом трудолюбия. Но тут слишком дорого запросили за отдельную комнату, а в общей нам не хотелось оставаться. Отсюда мы прошли к собору. Здесь одна женщина, узнав из расспросов, что мы приехали повидаться с о. Иоанном, стала усиленно звать к себе. Она обещала дать нам отдельную комнату за рубль. Такая плата была посильна для наших тощих кошельков; к тому же женщина уверила нас, что она пользуется большим расположением о. Иоанна и что о. Иоанн непременно будет у нее, как только возвратится в Кронштадт.

“Я и квартиру содержу с благословения о. Иоанна, — говорила она. — Я не здешняя — бедная вдова; сильно нуждалась после смерти мужа-офицера. Со своим горем я приехала к о. Иоанну, а он и сказал мне: "Благословляю тебя держать квартиры для моих приезжающих, и ты будешь сыта. Я так и сделала. И, слава Богу, у меня добрые люди не переводятся”.

У нашей хозяйки было несколько комнат. Нам досталась последняя свободная и самая маленькая из них. Хозяйка оказалась очень словоохотливой дамой. Она много рассказывала о прозрениях и чудесах о. Иоанна. Нам был представлен и живой пример исцеления от нервного расстройства девушки-служанки, подававшей нам самовар. Девушка эта, родом из Минской губернии, круглая сирота, очень охотно, последовательно и складно изложила нам тяжелую историю своих скитаний и своих страданий — душевных и телесных. Из рассказа ее видно было, что от своего недуга избавлялась она постепенно, да и в то время, по ее

словам, она не настолько была крепка, чтобы браться за всякую работу.

Мы заснули очень довольные тем, что случай привел нас в дом, где мы непременно увидим о. Иоанна на другой день. Однако утром его еще не было в Кронштадте. Мы побывали в Андреевском соборе и после молебна (по случаю табельного дня) отправились осматривать стоявшие на рейде военные суда. Мы попали на броненосец "Полтаву". Все здесь представляло для нас большой интерес: и распорядок жизни, и устройство отдельных помещений, и, наконец, разнообразные орудия для истребления людей и неприятельских судов. Мой спутник положительно был подавлен новизною впечатлений. Объяснения давал нам офицер, и о. Варфоломей то и дело вставлял в его речь свои замечания: "Господи, какая премудрость!", "Какая премудрость, Господи!", "До чего дошел человек! Ах ты, Боже мой! Ну и человек!" — и т. п. А когда мы спустились в машинное отделение, где перед нами были огромные поршни и шатуны, бесконечное число винтов и отдельных механических приспособлений с различными цифровыми показателями — словом — главная двигательная лаборатория судна со своею мускульной и нервной системой и с своими артериями, проводящими пар в различные части металлического организма, о. Варфоломей только вздыхал и качал головой. В его глазах светилась уже растерянность. Было заметно, что все виденное им стало теперь печалить его, хотя смертоносные цели различных приспособлений совершенно затенялись искусством тонких и сложных расчетов механики, так что при осмотре броненосца внимание останавливалось не столько на том, для чего все было сделано, сколько на том, как было сделано...

В свою квартиру мы возвратились часам к шести. О. Иоанна все еще не было. Мы снова пошли бродить по городу.

Около церковного дома, где жил о. Иоанн, двигались толпы народа. Мы узнали, что его ждут с часу на час, и мы примкнули к ожидавшим. Состав толпы был самый разнообразный: тут были и по-праздничному одетые местные рабочие, пощелкивавшие семячки, более и менее веселые и жизнерадостные; эти держали себя "как дома", хозяевами положения. Но было тут немало и приезжих лиц — в большинстве угрюмых и державшихся особняком. Были тут простые и кокетливые платочки, но были и яркие шляпки, хотя в незначительном количестве. В мужской половине преобладали картузы; котелков было совсем немного. Большинство ожидавших о. Иоанна ходило вдоль улицы, так что улица стала напоминать собою место общественных развлечений.

Около девяти часов разнесся слух, что о. Иоанн в этот день совсем не вернется в Кронштадт. Другие говорили, что он вернется к полуночи. Толпа стала редеть. О. Варфоломей тоже ушел на квартиру, но я твердо решил ждать, хотя бы до полуночи.

Ночь была светлая, "белая", по местному названию, напоминавшая ранние сумерки или время пред восходом солнца. Движение на улицах стало сокращаться, и группа ожидавших о. Иоанна растянулась теперь длинною лентой, один конец которой небольшим клубком упирал в открытые ворота его квартиры, а другой терялся вдали по направлению к пароходной пристани.

Часов около одиннадцати послышался в конце живой линии человеческих фигур какой-то неопределенный шум. Шум этот быстро рос и приближался. Наконец стал слышен отчетливый крик: едет, едет. Лента колыхалась, свертывалась, запутывалась в большие клубки, снова распрямлялась. Когда все вокруг меня пришло в беспорядочное движение и послышались возгласы: "Батюшка!... Кормилец наш!.. Вот

он!..” — я был уже за воротами, на большом дворе церковного дома. В здание было несколько ходов. У одного из них, налево, стояла группа человек в десять. Не трудно было догадаться, что через этот именно ход должен был пройти о. Иоанн, и я направился в эту сторону. Шум около дома на улице между тем как-то сразу оборвался. Сзади себя я услыхал стук колес быстро движущегося экипажа. Я остановился. Ворота были уже на запоре, однако во дворе собралось много народу. Все бросились к пролетке-одноколке, в которой сидел о. Иоанн, поддерживаемый своим домашним секретарем. Он издали раскланялся со мною и что-то говорил при этом, но что именно, я не мог разобрать. Когда он вышел из пролетки, мы поцеловались и я сказал, что прошу его уделить мне пять минут для беседы.

— Только пять минут, — ответил о. Иоанн, — потому что в эти часы я никого не принимаю.

Я пошел за ним в толпе. Когда о. Иоанн подымался по ступенькам крылечка в свою квартиру, у него стали просить благословения ожидавшие его здесь учащиеся.

— Экзамен у меня завтра. Батюшка, благословите! — говорил гимназист.

— Благословите и меня, у меня тоже экзамены, — говорила девочка в форменном платье.

— И меня благословите! И меня, — слышалось со всех сторон.

О. Иоанн что-то говорил детям, но что, я также не мог разобрать. Видно было, что у него были отношения к ним самые сердечные, а мальчика-гимназиста он о чем-то расспрашивал.

Квартира о. Иоанна помещалась во втором этаже. Первая комната, в которую я вступил, была кухня. Из нее дверь вела в столовую, небольшую комнату с обеденным столом посредине и большими киотами с иконами и зажженными лампадами в двух углах. По

стенам стояли стулья различной формы без всякой выдержки не только в стиле, но даже и в цвете. Тут же стоял крашеный шкап для одежды. Стол был покрыт белою скатертью. Из столовой еще две двери вели в две соседние комнаты, но внутренность этих комнат мне была не видна. В общем обстановка напоминала помещение небогатого сельского священника: все было просто, без каких бы то ни было претензий на комфорт, но в то же время здесь веяло теплом и уютностью.

Когда я вошел в столовую, о. Иоанн был в соседней комнате. Он вскоре оттуда вышел и предложил мне сесть. Он снял с себя на ходу свои регалии и рясу и остался в шелковом небесного цвета подряснике. Рясу он сам же повесил в шкап.

Светлый подрясник вполне отвечал вообще его светлому виду. Предо мною был человек среднего роста, довольно хорошо сложенный и очень цветущий на вид, с белым чистым лицом и ярким румянцем на щеках, которому никак нельзя было дать его семидесяти лет. Волосы на голове были не густые, короткие и с сильною проседью. Бровей у него почти не было. Небольшие голубые глаза смотрели и сосредоточенно и живо. От глаз шли к вискам лучеобразные морщины. В общем у него было большое сходство с известными его портретами. Двигался о. Иоанн быстро, но его ноги, видимо, тяжелели. Слышал он туговато. В движениях рук особенно сказывалась порывистость, но голос его по-прежнему был тверд, звучен, моложав.

Раздеваясь, он сказал мне, что был на освящении санатории в Виндаве и что там была императрица Мария Федоровна.

Разговаривая со мною, он несколько раз выходил в соседние комнаты. Выходил он и на кухню и с кем-то разговаривал здесь. Я не видел его собеседника и не слышал, о чем он говорил, но было заметно, что тот

был возбужден и по временам говорил с плачем. О. Иоанн слушал молча и только изредка вставлял свои вопросы. И это, по-видимому, успокоительно действовало на говорившего. "Ну, не в деньгах счастье, — сказал наконец о. Иоанн; ты это помни!" — и отпустил собеседника, еще ранее дав ему поручение принести лафиту. Вероятно, это был местный купец.

Свою беседу с о. Иоанном я начал сейчас же, как вошел в столовую. Говорил я спешно, чтобы не задерживать его. Выслушав меня, о. Иоанн распорядился, чтобы приготовили самовар.

— Мы с батюшкой чайку напьемся, — добавил он.

Сам он говорил мало: или только спрашивал или вставлял короткие замечания в мои слова.

Служанка между тем подала самовар. Чай о. Иоанн сам принес из соседней комнаты, в бумажной обертке, и сам же заварил. Разливал чай тоже сам. Перед чаем распорядился подать хересу. Когда принесли бутылку, он отослал ее назад.

— Мы еще не обеднели, — сказал он шутливо и приказал подать какую-то другую. Когда подали новую бутылку, он налил две небольших рюмки.

— Пей! Это укрепляет, — сказал он, чокнувшись своею рюмкой о другую рюмку.

— Мне доктора запрещают пить, — сказал я, не столько, впрочем, для того, чтобы отказаться, сколько затем, чтобы выслушать его мнение.

— А я разрешаю, — сказал он решительно.

И действительно, я едва ли когда испытывал более хорошее действие от вина, как этот раз.

Два стакана чаю о. Иоанн выслал кому-то в соседнюю комнату. За чаем он спросил меня, где я остановился. Я сказал. — "Почему не в Доме трудолюбия?" — "Там дорогие комнаты."

— Вам должны и так дать номер. Скажите от моего имени, чтобы вам дали номер". (Таким добрым предложением я постеснялся воспользоваться, тем более,

что надеялся видеть его на другой день и на той квартире, которую занимал.)

Я пробыл у о. Иоанна около 40 минут. При уходе он предложил служить с ним утром литургию. Я сказал, что не был на вечерне и вообще не готовился. "Это ничего", — сказал он.

Еще когда я сидел у о. Иоанна, я слышал по временам стук в наружную дверь его квартиры. Выходя от него, заметил у дверей на лестнице несколько мужчин и женщин из простонародья. Видимо, они следовали словам Евангелия: толцыте и отверзется.

В квартире меня ожидали с большим нетерпением. О том, что мне удалось добиться у о. Иоанна приема, здесь уже знали и, как только я вошел в комнату, меня сейчас же осыпали вопросами.

Что батюшка говорил? Как принял? Как себя чувствует? и т. д. и т. д.

На другой день народ собрался в церкви в ожидании о. Иоанна еще до звона к утрени; но о. Иоанн приехал в церковь, когда служба уже началась, часов около шести. Во время утрени он часто выходил в соседний придел молиться. Выходил и на клирос. Из алтаря не было видно его, но когда он показывался народу, это можно было заметить по тому волнению, какое сразу подымалось по временам среди молящихся. По временам слышались истерические выкрики: "Батюшка, дорогой, батюшка!" Одна женщина так громко кричала, что ее вывели из церкви. Канон о. Иоанн читал сам. Входную перед литургией служащие иереи (нас было пятеро) читали без о. Иоанна.

Служил о. Иоанн своеобразно. Возгласы произносил, по-видимому, с крайним напряжением всего организма; слова не растягивал, но и не сливал, а произносил каждое слово отрывисто и отдельно. Два раза, заметил я, он во время литургии вытер свои глаза платком. Произносил и свои молитвы. Движения его также были свободны и естественны и по обыкнове-

его также были свободны и естественны и по обыкновению порывисты. На все окружающее, по-видимому, он мало обращал внимания. Причащал он сам. Двум отказал в причастии — без всяких объяснений. Одна была девушка, почти что девочка — лет пятнадцати-шестнадцати. Когда о. Иоанн сказал, что не станет ее причащать, она растерянно осмотрелась вокруг себя, сошла с амвона, потом снова стала в ряды идущих к причастию. После отпуста о. Иоанн обратился к причастникам с поздравлением. "Имею честь поздравить вас с принятием Святых Таин", — сказал он и к этим словам присоединил несколько наставлений.

Когда окончилась литургия, к о. Иоанну стали подходить с разными просьбами — кто о молитве, а кто — о материальной помощи. С нами служил приезжий откуда-то молодой дьякон, больной и плохо одетый. О. Иоанн дал ему что-то около 80 рублей. О помощи просил еще какой-то светский человек; он много и со слезами говорил о своей больной жене. О. Иоанн дал ему 28 рублей. Мой компаньон о. Варфоломей получил на свою новостроящуюся церковь сто рублей. Деньги о. Иоанн доставал из кармана своего подрясника, где они лежали в нераспечатанных еще конвертах. Благотворил он охотно и без какого бы то ни было душевного смущения. Тут же в алтаре он диктовал своему секретарю ответы на телеграммы, полученныее в весьма большом количестве.

Вокруг о. Иоанна в общем все были в приподнятом душевном состоянии, кто переживал радость возрождающейся надежды, кто — облегчение теперь же удовлетворенной нужды, а кто переживал просто благоговейное чувство при виде нравственной мощи человека, к которому устремлены взоры тысяч и тысяч людей с самыми разнородными и глубоко волнующими ожиданиями. Но хотя о. Иоанн был центральною фигурою и в алтаре и в храме вообще, все наполнял собою и был предметом исключительного

внимания всех молящихся, так что все другие были незаметны при нем; при всем том отнюдь нельзя было чувствовать, чтобы он, единственно большой в среде других, кого-либо стеснял, пригнетал, подавлял. В его отношениях к другим не было заметно и в малейшей степени величия, сознающего свое достоинство и потому всегда если не высокомерного, то во всяком случае покровительственно-снисходительного. О нем нельзя даже сказать, что он был как отец в кругу близких ему членов семьи. Скорее тут шло бы другое сравнение — он был как старший и ответственный руководитель среди работников, занятых большим и важным делом. В нем не было заметно ни малейшей сентиментальности, столько обычной у людей недостаточно глубоких, хотя и нравственно-высоких. Работа, дело — вот атмосфера, которая, казалось, была наиболее сродна ему и которую он, казалось, всюду хотел бы создавать вокруг себя, — работа не в смысле, конечно, материальной производительности, а в смысле проявления лучших сторон нашей нравственной природы.

Наблюдения за деятельностью о. Иоанна после службы еще более убедили меня в этом.

По выходе из церкви он только на несколько минут заехал к себе на квартиру, а затем сейчас же отправился служить молебны по домам и причащать больных. В этот день я видел его в Доме трудолюбия. Здесь он служил молебны в каждом номере. Кое-где присаживался к столу, наливал себе чаю и угощал чаем хозяев номера. Подаваемый им чай принимался как святыня и сейчас же выпивался, судя по лицам, с глубокою верою в его особенную силу.

Стол с чаем и закусками я видел почти во всех номерах. Оставался о. Иоанн в номерах не более 5—10 минут. В коридорах и особенно на лестницах его окружали настолько плотно, что, казалось, люди сами его водили и носили, а он был совершенно лишен свободы

движений. Иногда он делал усилия, чтобы освободиться от неловкого положения; в этих случаях он приподымал голову, но его лицо всегда неизменно светилось радостным возбуждением. Служение молебнов в Доме трудолюбия он закончил к трем часам. Если считать, что он встал в пять часов, к утрени, то выходило, что он в этот еще далеко не окончившийся день провел на ногах десять часов подряд. При всем том я не заметил в его лице никаких признаков усталости или просто — чувства тяготы.

Из Дома трудолюбия о. Иоанн отправился на пароходную пристань и здесь сел на пароход, идущий в Петербург. Он занял отдельную каюту и не выходил из нее до самой остановки парохода. На нашей квартире, кстати сказать, он совсем не был.

В Петербурге на берегу его также ждала большая толпа народу и, как только он ступил на землю, сейчас же, по обыкновению, охватила его тесным кольцом. Провожавший отца Иоанна полицейский чин был оттерт, и о. Иоанну пришлось прокладывать себе дорогу к карете собственными усилиями. И это было нелегко для него. Его не только давили люди своими телами, иные, быть может, поневоле стесняя его движения; но другие, особенно женщины, хватались за полы его рясы, цеплялись за рукава и, таким образом, намеренно удерживали его на месте. Я видел развевающиеся над головами окружавших его лиц то правый, то левый рукав его рясы. Это он вырывался из цепких рук излишне восторженных почитателей и — особенно — почитательниц. Можно было думать, что на небольшом пространстве, отделявшем пароход от кареты, он более устал, чем за десять часов служения, бесед и благотворительности.

Когда о. Иоанн сел наконец в карету и поехал, толпа и тут некоторое время двигалась следом за ним; а одна женщина бежала за каретой, когда лошади увозили о. Иоанна уже полной рысью. Мне хорошо была видна

с парохода ее фигура. Высокая, с вытянутыми вперед руками, она бежала длинными шагами. Платье на ней далеко отдавалось назад. Платок также развевался сзади ее. Вся ее внешность выражала стремительный порыв. Трудно было решить — чего тут больше — болезненной ли истеричности, когда человек теряет способность правильно расценивать впечатления, тяжелых ли душевных мук, оставшихся неисцеленными, или, быть может, глубоких нравственных запросов, для которых наконец найдена точка опоры? Над женщиной смеялись, но мне [это] казалось типичным выражением состояния, переживаемого сотнями тысяч и миллионами людей нашего времени, нравственно растерянных, страдающих и ищущих то с надеждой, а то и без всякой надежды, с одной мукою отчаяния...

С о. Варсонофием я распрощался тут же на пристани. Еще в Кронштадте он убеждал меня перейти к старообрядцам. При прощаньи свои советы он повторял особенно настойчиво, рисуя перед мною заманчивые на его взгляд перспективы. Позднее он даже присылал ко мне и старообрядца для переговоров.

Теперь о. Варсонофий уже покойник, как совершенно случайно узнал я из одного миссионерского органа, где были помещены хвалебные отзывы о его глубокой преданности православию...

* * *

Мне довелось видеть о. Иоанна и третий раз, но уже мертвым, в гробу, или точнее — пришлось видеть траурную колесницу с его останками — у Вознесенского моста на дороге от Балтийского вокзала в Иоанновский монастырь. Народ с пением "Святый Боже" шел многотысячной толпой впереди колесницы и сзади ее, густо заполняя всю улицу и растянувшись на большое пространство. Я стоял на одном месте. Проходящие мимо меня ряды только заканчивали пение

начальных слов Трисвятого, как подходящие новые ряды начинали пение тех же слов. Так на том пространстве, где я стоял, бесконечное число раз повторялось: "святый, святый, святый". Зрелище было очень внушительное. Высокая колесница блестела серебром. Духовенство также было одето в белые ризы. Развевались блестящие хоругви. Таким образом о. Иоанн и в могилу сходил таким же светлым, как появлялся живым среди людей.

Печатается по: "Странник". 1909. Т. I. Ч. I. С. 145—169.

О. ИОАНН КРОНШТАДТСКИЙ В ВОСПОМИНАНИЯХ СЕМИНАРИСТА

Как любили и как чтили покойного о. Иоанна Кронштадтского в Вологодской семинарии, видно из воспоминаний одного из старых вологодских семинаристов, недавно появившихся в печати.

— В одно утро, — рассказывает он, — я был приятно встревожен вестью о приезде в наш город о. Иоанна.

Семинаристы передавали, что о. Иоанн служил литургию у Спаса.

Бросивши учебники с их "ощущениями", "представлениями" и "чувствованиями", мы, группа семинаристов, отправились в собор. Шла уже литургия. Богомольцев в храме видимо-невидимо.

Я прошел в алтарь, встал в укромное местечко и стал с благоговейным чувством-интересом наблюдать служение "батюшки о. Иоанна". С ним служил целый сонм градских иереев.

Архиерей вологодский стоял по правую сторону от престола, не участвуя в служении.

Настроение было у всех высокое, молитвенное. Служил о. Иоанн восторженно; движения его были порывисты, как бы резкие, например, он так быстро кадил, что человеку, не знающему его, можно было принять такое каждение за небрежное. Возгласы его мне не запомнились; кажется, что их произносил тоже быстро.

Молящиеся подошли к самым царским вратам, и часто оттуда слышны были мольбы: "Помолитесь за нас, батюшка". О. Иоанн иногда слегка оборачивал голову и кивал ею в ту сторону, откуда слышались эти голоса.

Проповеди он не говорил. Когда кончилась литургия, о. Иоанн, обратившись к иереям, служившим с ним, раскланиваясь, сказал: "Спасибо, отцы, за служение", — и потом быстро начал разоблачаться. Из храма

вместе с преосвященным он вышел боковыми дверями и таким образом почти незаметно для богомольцев уехал. В семинарию мы шли нравственно удовлетворенные, потому что глаза наши видели великого человека в момент высшего подъема его духа.

Около полудня семинаристам стало известно, что о. Иоанн посетит семинарию. Радости нашей не было границ. Вскоре инспекция стала приглашать нас в семинарский храм для встречи о. Иоанна. Здесь собралась вся училищная семья во главе с ректором. Через несколько минут нетерпеливого ожидания подъехала карета к крыльцу храма, и оттуда с юношеским проворством выскочил о. Иоанн и прошел прямо в алтарь.

Здесь он надел на себя епитрахиль и через заранее открытые царские врата вышел на солею. Обратившись к нам со словами: “Теперь троицкая неделя, а потому помолимся Святой Троице”, — он начал молитву.

Образ о. Иоанна во время этой молитвы неизгладимыми чертами врезался в мою память. Он сразу же, с первых же слов, весь ушел в жаркую беседу со Святой Троицей, так, а не иначе, надо назвать эту молитву. Переживания о. Иоанна во время этой молитвы были настолько захватывающи и глубоки, что он делал одни поясные поклоны, как бы забывая совершать крестное знамение; начавши молитву пред царскими вратами, он постепенно подвигался вперед и кончил молитву уже перед престолом.

В своем слове он приглашал всех нас к мирной жизни. В особенности мне запомнилось то место из его речи, где он указывал причины волнений в России.

О. Иоанн говорил: “Россия велика, могуча и богата, запад завидует нам и посылает своих агентов для возбуждения беспорядков”. Если сопоставить эти слова о. Иоанна с фактами недалекого прошлого, то нужно сказать, что они были пророчески верными[32].

После проповеди он вышел из храма боковыми алтарными дверями. Множество народу собралось около храма в ожидании выхода "батюшки". Как только он показался на улице, моментально окружили его, прося благословения. Руку его прямо выхватывали. Кучер еле мог тронуть лошадей. Многие гнались за каретой, стараясь теперь еще получить благословляющую руку. В числе таких был и пишущий эти строки. Облобызав руку о. Иоанна и проводив его глазами, я вернулся под мрачные своды бурсы, но было светло на душе.

Печатается по: "К. П.". 1916. N 27—28. С.419—420.

Епископ
ПИМЕН[33]

МАЛЕНЬКИЕ ВОСПОМИНАНИЯ О ПРАВЕДНОМ МУЖЕ

Едва брезжущее утро ноябрьского дня 1895 года. Но Новгородская Семинария полна движения. Движение это не обычное, ежедневное, а какое-то более оживленное, скорее праздничное. Нас, семинаристов, подняли раньше обыкновенного, чтобы участвовать в приеме ожидавшегося в Новгороде знаменитого Кронштадтского Пастыря. И холодно, и жутко... Ведь мы еще с вечера в своем втором классе толковали, что о. Иоанн узнает настроение человека и иногда внезапно его обличает. Вот нас собрали в актовый зал и установили, как на молитву. Зимняя заря разгорается, и ее отблеск сообщает багровый свет и стенам зала и приставленному к его передней стене иконостасу. Все юноши притихли, их более чем четырехсотголовая толпа напряженно ждет...

Но вот в коридоре послышались быстрые шаги, и через задние двери зала вошел в него еще не старый на вид протоиерей, румяный с блестящими живыми глазами, в сопровождении ректора и помощника инспектора-священника. Дойдя до средины зала, вошедший батюшка своим живым резким голосом обратился к нам: "Здравствуйте, друзья мои! Очень рад, что Бог привел мне свидеться с Вами в этом св. храме!" "Это церковь? — спросил он сопровождавших его, указывая на иконостас. Получив в ответ от ректора, что это только актовый зал, о. Иоанн сказал: "Все равно. Охота мне с Вами, друзья мои, помолиться. Молитва приближает нас к Богу, и нам тогда легче становится исполнить заповедь Божию: "Будьте святы!" Так вот, я и прочту Вам молитву, молитву священническую, а Вы со мною помолитесь". Дорогой гость надел епитрахиль

и, ставши пред иконостасом, начал читать незнакомую мне молитву. Чтение это было необычно. О. Иоанн стоял прямо и громко, резко произносил слова молитвы. Получалось впечатление полного дерзновения молитвенника, ибо он не просил, а требовал себе и своим слушателям освящения, здравия и спасения. Между тем в зал прибывали и посторонние люди, и послышался громкий плач ребенка. “Вынесите ребенка”, — резко прервал батюшка чтение молитвы, и ребенок был вынесен. Тогда батюшка прочитал всю молитву снова и после этого стал принимать ко кресту всех из находившихся в зале. Большая вереница людей прошла передо мною. Все они лобызали крест в руке о. Иоанна и самую руку, а он изредка произносил фразы “Страшен Господь Бог”, “Молитесь, дети” и т. п. Я засмотрелся на батюшку. Он показался для меня страшным, и я не посмел подойти к нему...

Второй раз видел я о. Иоанна осенью 1903 года. Я только что постригся в монашество. Для меня начинался год особого значения, последний год академической жизни и первый год монашества. Много было всяких дум и чувств в душе из-за происшедшей перемены в моей жизни. В общем, было тяжело: немоществовала душа, немощным оказывалось и тело. И вот, как бы в утешение мне, Господь посылает свидание с приснопамятным Кронштадтским Пастырем.

Был день письменных испытаний для новопоступавших в Академию юношей. Они уже собрались в актовый зал Академии. И я в своем номере приступал к чтению одной, данной мне моим руководителем в монашеской жизни, книги. Вдруг зовут меня к Ректору (преосвященному Платону[34], ныне Экзарху Грузии), и от него я узнаю, что скоро в Академию приедет Кронштадтский батюшка. Около получаса прошло в ожидании дорогого гостя. Вот послышался отдаленный гул. Выйдя за академическую калитку на Александровскую площадь, я увидел на экипаже едущим

о. Иоанна, а за ним бегущую громадную толпу народа. Вот он у ворот Братского монастыря. Полиция с трудом сдерживает напор народа, пропуская батюшку на двор Братского монастыря. Быстрыми шагами идет он к парадному крыльцу Академии. Здесь встречает его Преосвященный Ректор и, поздоровавшись с дорогим гостем, представляет ему и меня с такими словами: "Вот, о. протоиерей, новый монах, о. Пимен. Да все что-то болеет. Благословите его, чтобы он был здоров". Ласково взглянул на меня о. Иоанн, обнял, благословил и поцеловал меня, не говоря ни слова. Молчание было многознаменательное, ободряющее. Потом дорогой гость последовал туда, где экзаменовавшиеся писали свои сочинения. После пропетой всеми молитвы "Царю небесный", о. Иоанн обратился к юношам с речью, в которой приветствовал их с началом экзаменов и желал им поступления в Духовную Академию. Чрезвычайно трогательно о. Иоанн обрисовал в своей речи свои академические годы. "С благоговением я поступил в Академию и принялся за изучение богословских наук. Учился я неважно, потому что нужно было поддерживать своими трудами мать и сестер. Но все же я много вынес из Академии, чтобы и себя напитать и других питать словом истины. Учитесь и вы, молодые друзья мои, и дай Бог вам успеха в Академии". Благословив каждого из своих слушателей, дорогой гость отбыл из Академии. Его посещение оставило во всех нас радостное настроение. Это было лучшее начало учебного года и, для меня лично, — лучшее начало моей монашеской жизни.

Печатается по: "К. П.". 1916. N 36. С.503—504.

В. И. ПОПОВ

СОВМЕСТНОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ С О. ИОАННОМ ИЛЬИЧЕМ СЕРГИЕВЫМ (КРОНШТАДТСКИМ) ОТ г. АРХАНГЕЛЬСКА ДО МОСКВЫ В АВГУСТЕ 1890 ГОДА

(Воспоминания и впечатления)

"В память вечную будет праведник".

Ваше Преосвященство, милостивые государи и милостивые государыни!

С благосклонного разрешения "Общества в память о. Иоанна Кронштадтского"[35], в день его блаженной кончины, имею честь предложить Вашему просвещенному вниманию воспоминания и впечатления, глубоко во мне вкоренившиеся, от совместного путешествия с отцом Иоанном от г. Архангельска до Москвы. Я исхожу из того соображения, что всякое доброе слово, посвященное памяти таких светлых и — скажу прямо — великих личностей, таких церковно-общественных деятелей, каким был незабвенный (и, без сомнения, дорогой для всех вас, его почитателей, в таком множестве здесь собравшихся) покойный "Всероссийский" пастырь о. Иоанн, имеет немаловажное общеназидательное значение. Оживляя в наших душах чудный образ праведника, воспоминания о нем усугубляют нашу любовь к нему, духовно сближают нас с ним, способствуют подъему нашей душевной бодрости и радости "о Господе", давшем православному народу русскому, "народу-Богоносцу", такого удивительного благотворителя, утешителя, молитвенника и целителя душ и телес, такого ревнителя веры и благочестия, каким был поистине "Богоносец" незабвенный "батюшка". Ведь недаром же Господь и кончину-то ему послал в день вос-

поминания Церковию подвижника веры священномученика — святителя Игнатия-Богоносца. И послал Господь народу русскому этого, скажем, религиозного гения, этого истинного народного просветителя, принесшего ему великую духовную пользу (о чем, впоследствии, конечно, отметит нелицеприятная история), весьма благовременно, так сказать, в противовес влиянию другого гения — "великого писателя русской земли" (как часто его называют) — гр. Л. Н. Толстого, принесшего своими не менее великими религиозными заблуждениями такой же и духовный вред нашей интеллигенции и, в особенности, нашей учащейся молодежи... Наконец, скажем, человек, истинный подвижник в самом, так сказать, пекле нашего грешного и суетного мира, человек, отрекшийся от своей личной жизни в пользу народа, человек, в своей горячей любви к ближним дошедший до полного самоотвержения, с широким русским сердцем, огненною ревностию ко славе Божией и бьющей ключом любовию к несчастным, больным, душевно и телесно страдающим, человек, почти не знавший покоя ни днем, ни ночью, трудившийся до изнеможения, с другой стороны — человек, еще при жизни прославленный Богом даром чудес, вполне сознательно, без гордости, но с полным достоинством заявлявший (как это, например, было им сказано в одном из поучений в нашем архангельском кафедральном соборе), что "им совершены многие чудеса, из коих одни известны, а другие еще неизвестны", — человек, пред духовным взором которого развертывался мир чистых духов (как добрых, так и злых), человек, для которого в чудные моменты духовного восторга и, думается, восхищения в небесные сферы переставал существовать окружающий его мир, такой, говорю, человек воистину достоин и общецерковной похвалы, вечной благодарной памяти и подражания. Ибо "память праведного с похвалами", по выражению церковной песни. И если мое слабое слово, место которому с такою лю-

безною предупредительностью предоставило в этот вечер торжественного собрания Общество, связанное с именем приснопамятного дорогого батюшки о. Иоанна, если это слово, как дар признательности к доброму и ласковому пастырю Церкви, хотя сколько-нибудь посодействует возвышению духа, к подъему духовной бодрости достопочтенного собрания, то я буду счастлив считать цель свою достигнутой...

Итак, во исполнение завещания св. ап. Павла: "Поминайте наставников ваших, которые проповедовали вам слово Божие, и, взирая на кончину их жизни, подражайте вере их" (Евр. 13, 7), позвольте, милостивые государи и милостивые государыни, после этого несколько длинного вступления, перейти к предмету моей речи.

Невесело возвращался я в Петроградскую Духовную Академию с каникул в августе 1890 г. через г.Вологду: слышно было, что воды в реке Сухоне совсем мало и, значит, предстоял утомительный, да и дорогой для студента путь от г.Устюга до Вологды на лошадях (около 450 верст). Но, вот, к великой своей радости, узнаю, что на том же небольшом пассажирском пароходе, какие тогда ходили по р. С. Двине, на который я сел, едет, возвращаясь из своего обычного ежегодного путешествия на родину (с. Суру, Пинежского уезда), дорогой батюшка о. Иоанн. Узнав, кто я, и расспросив о моем родителе, оказавшемся однокашником о. Иоанна по Архангельской Духовной Семинарии, батюшка с любовию и так свойственною ему приветливостью пригласил меня сопутствовать ему вместе с прочими, сопровождающими его лицами (племянником И. В. Фиделиным и др. некоторыми почитателями), приняв на полное свое иждивение. Понятно само собою, что я с великой радостью согласился на зов любвеобильного батюшки. И не нужно много говорить о том, насколько приятно и счастливо было это совместное путешествие с о. Иоанном... Ведь

всем имевшим общение с ним известно, все испытали, какое огромное влияние оказывает батюшка своею удивительною личностью. Уже один внешний вид его, с его детски-веселым лицом, с каким-то чисто-детским румянцем, его необычайная живость и подвижность, его внутренняя (духовная) "радость о Господе", ключом прорывающаяся во вне, его простота и непосредственная искренность — уже один этот облик его, свидетельствующий о богатстве его душевного истинно-христианского настроения, производит обаятельное впечатление на окружающих его и, как говорится, "льнущих" к нему людей всякого возраста и положения. Быстро и незаметно прошло наше путешествие по р. Северной Двине до г. Устюга. Батюшка разделял общую со всеми своими спутниками компанию — за обедом и чаепитиями, внося радостное и бодрящее всех настроение. Иногда он вступал в разговор с пароходными служащими, сидя на верхней палубе или прогуливаясь по ней. Но чаще он стоял или сидел на палубе, углубившись (как можно было наблюдать) или в созерцание окружающей природы, или — всего более — в самого себя... Становилось очевидным, что батюшка весь погрузился в свой духовный внутренний мир, что он находится не в сонном или апатичном состоянии, а напротив того, в состоянии каком-то особенном, в состоянии духовного бодрствования и подъема, переживает какие-то особенные глубокие чувства, словом, в состоянии "умной" и "духовной" молитвы: об этом явно свидетельствовали изредка вырывавшиеся из его уст вздохи, а равно и удивительная игра его физиономии, светящаяся иногда поразительною, какою-то как бы неземною радостью... В этом-то вот внутреннем состоянии, так свойственного ему молитвенного настроения и духовного созерцания, — скажем не обинуяся, в этом общении с Богом, в сопребывании в молитве с Самим Духом Божиим (см. Рим. 8, 26—27), — о. Иоанн, как

можно полагать, и набирался той бодрости духа и поразительной энергии, которая так часто проявлялась в его чрезвычайно порывистых внешних действиях. Здесь-то и находил, быть может, как бы некую замену невольного и неизбежного во время своих путешествий лишения причащения Св. Таин Христовых, какое его несколько огорчало. Здесь-то, во внутреннем святилище своего духа, он, очевидно, и старался найти (и, несомненно, и находил) общение с Господом Иисусом Христом, свою истинную жизнь во Христе. Нередко о. Иоанн уединялся и в свою каюту, занимаясь чтением св. Евангелия (что, впрочем, делал иногда и сидя на палубе) и святоотеческих творений (особенно своего любимого св. И. Златоуста) и, конечно, вне сомнения, уединенною молитвой.

Через двое суток пути по С. Двине мы пристали к древнему, так поражающему путника обилием своих храмов Божиих, г. Устюгу. Огромная толпа народа, предуведомленная о прибытии дорогого гостя, с восторгом встретила батюшку, — все наперерыв спешили получить благословение от него. Остановившись на ночлег в доме одного из известных в г. Устюге исконных местных купцов, о. Иоанн, первее всего, отслужил, по просьбе хозяина, водосвятный молебен в его доме. Затем он посетил главные соборы Устюга, поклонившись св. мощам праведных Прокопия и Иоанна и в течение всего времени, проведенного в Устюге (сутки), беспрерывно разъезжал по городу, будучи засыпан предложениями — или отслужить молебен на дому, или посетить больных и помолиться за них.

Опасения наши оправдались: река Сухона настолько обмелела в том году, что пароходство совершенно прекратилось, и мы вынуждены были ехать до Вологды на лошадях. Путь предстоял довольно долгий (не менее 2450 верст). Благодаря вниманию администрации, все станции заранее были предуве-

домлены о проезде о. Иоанна и лошади к нашему прибытию на станцию были уже заготовлены, по распоряжению ехавшего впереди урядника. Кроме того, для о. Иоанна был подан удобный и спокойный (на рессорах) экипаж. Тройка добрых лошадей быстро покатила нас по хорошей трактовой дороге. Батюшка был настолько любезен, что позвал меня ехать вместе с ним в своем экипаже. Местность в первой половине пути от Устюга до Вологды часто замечательно красива (особенно около т. н. "Опок"), холмистая и гористая. О. Иоанн искренно восхищался открывавшейся иногда величественной перспективой. Помнится, на одной станции, пока запрягали лошадей, батюшка отошел на место, откуда развертывался прекрасный вид на расстилающуюся глубоко внизу зеленеющую долину с извилистой речкой, а на противоположной стороне долины, на высоком холме, красиво выделялась своей белизной среди зелени леса каменная приходская церковь. О. Иоанн залюбовался видом и в восхищении воскликнул: "Как хорошо! Какая благодать Господня!" Незаметно шло время. Ночевали два раза. Обычно мы — мужчины — спали в одной комнате и, хотя было и значительно прохладно, тем не менее спали при открытых окнах, что, как известно, весьма часто практиковал о. Иоанн, придавая большое значение пребыванию на чистом воздухе. Располагались на сене, которым, по приказанию о. Иоанна, усыпали весь пол. Но недолго удавалось нам поспать... Часа в 3 утра неутомимый батюшка уже будит нас своим резким металлическим голосом: "Эй, вы, путешественники, вставайте! Ехать пора!"

На одной из станций (кажется, 4-й от Устюга) произошло событие, которое особенно неизгладимо врезалось в мою душу и которое, милостивые государи и милостивые государыни, я ставлю, так сказать, центром своих воспоминаний и впечатлений от этой совместной поездки с покойным батюшкой о. Иоан-

ном Кронштадтским. Уже были запряжены лошади, как вдруг в комнату двое дюжих мужичков вводят под руки, с трудом сдерживая, женщину, на вид лет 35—40, одетую в старый полушубок. Женщина была скорчена, согнута почти дугою и дико поводила белками глаз. Страшно мрачное и болезненное состояние с очевидностью было написано на ее физиономии. И вот, лишь только ее с великим усилием, при помощи еще двух сопровождавших, подвели к о. Иоанну, как она, в буквальном смысле слова, начала лаять по-собачьи, чрезвычайно быстро и так пронзительно, что едва выносило ухо. Что же о. Иоанн? Он сразу же положил левую руку на ее голову, а правою начал осенять ее крестным знамением и читать медленно, но и отчетливо, молитву: "Да воскреснет Бог и расточатся врази Его".

Однако нечеловеческий вопль-лай больной усиливался; соответственно этому усиливался и резко звучащий голос о. Иоанна. Мы стояли — что называется — ни живы ни мертвы; становилось жутко и казалось, что волосы поднимаются на голове.

Лицо батюшки было грозно-вдохновенно и выражало в то же время непреклонную силу воли. Капли пота обильно покрывали его чело... Чувствовалось и сознавалось, что тут, в эти 2—3 минуты шла напряженнейшая, хотя и невидимая борьба, борьба добра и зла, борьба двух постоянно противящихся друг другу сил, борьба весьма трудная... Но, благодарение Богу, нечеловеческий вопль болящей стал постепенно стихать и — о, радость! о, счастье! — больная женщина глубоко вздохнула, вдруг как будто что-то вырвалось из ее уст, она сразу выпрямилась, лицо ее мгновенно изменилось — просветлело, и она с радостным плачем бросилась к ногам дивного целителя, истово крестясь и благодаря Господа.

Так совершилось воочию всех нас, спутников о. Иоанна, это, вне всякого сомнения, чудо милости

Божией, благодатным орудием которой был досточтимый батюшка-праведник. Событие это удивительно напоминает евангельский рассказ об исцелении Иисусом Христом скорченной женщины, над которой умилосердился Господь, ибо она, по словам Самого Его, была "связана сатаной уже 18 лет" (Лк. 13, 11—13). Эта же женщина, как говорили ее близкие, болела в течение 7 лет.

По отъезде со станции, во время пути, я вступил в разговор с о. Иоанном по поводу сейчас изложенного чудесного исцеления несчастной больной женщины.

Сердцеведец-батюшка сказал, что болезнь женщины-крестьянки — "от лукавого", что она "порченая", ибо действительно могут быть и бывают люди, до такой степени нравственно испорченные, до такой степени злые, гордые, ненавистники и мстительные, что они, так сказать, предались всецело диаволу и, бесспорно, при его содействии, могут наводить на людей, которым они страстно желают причинить зло (или, вообще, какое-либо несчастие, например, болезнь), наводить зловредную диавольскую силу.

Таким образом, по убеждению о. Иоанна, подобный же народный взгляд — не есть одно лишь только суеверие (хотя, конечно, это иногда и бывает — по причине невежества простого народа), но имеет совершенно реальную, фактическую основу.

Разумеется, это бывает там, где, с другой стороны, подготовлена для воздействия диавольской силы благоприятная почва — душевное и телесное расслабление, как результат порочной жизни. "Почему же влияние бесов так сильно сказывается преимущественно в среде простого народа?" — спросил я батюшку. "Это — по попущению Божию, — ответил он, — и имеет свое значение для испытания веры и благочестия нашего народа: диавол ведь особенно зол по отношению к религиозным людям; для образованных

же, которые весьма часто и не признают воздействия темной бесовской силы, подобное воздействие со стороны этой силы, так сказать, ни к чему, бесполезно: ибо они (т. е. неверующие) и так уже в ее руках..."

Во время этой поездки на лошадях о. Иоанн нередко доставал из своего кармана Евангелие, с которым он, как видно, никогда не расставался, и читал его, а после чтения предавался размышлениям (о чем можно было судить по его необыкновенно подвижной физиономии). Иногда он, впрочем, и дремал, но очень небольшое время (мин. 10-15). Опасаясь прерывать его размышления и молитву, я обычно не начинал первый разговора. Отмечу только еще один разговор, характеризующий взгляд о. Иоанна на молитвенное общение с умершими нашими родными. По мнению о. Иоанна, мы не только должны молиться за отшедших отцов, братьев и сестер наших вообще, а тем более близких наших (т. е. родных), но если они, эти наши близкие, старались жить благочестиво и умерли, как подобает добрым христианам, то мы можем призывать в своих молитвах и их самих, чтобы и они попросили нам у Бога милость, в особенности когда мы имеем в себе твердую уверенность, что они находятся в блаженных обителях Отца Небесного.

Кончилось и наше двухсуточное путешествие на лошадях. Тихим теплым вечером, было уже довольно темно, подъезжали мы к Вологде.

Здесь, очевидно, уже поджидали дорогого гостя: множество народа шло и даже бежало со всех сторон навстречу батюшке; иные выходили из домов с зажженными свечами и факелами, что придавало встрече особенно торжественный характер и производило сильное впечатление; более же стремительные кидались к о. Иоанну, хватались за колеса экипажа (рискуя за это поплатиться), вскакивали на подножку, чтобы принять благословение. Отовсюду неслись радостные приветствия и просьбы: "Батюшка, благо-

слови! батюшка, помолись!" О. Иоанн почти беспрерывно снимал свою шляпу, отвечая на приветствия с особенною, свойственною ему, лаской. Все мы, путники, проехали на загородную дачу вологодского купца Волкова (кажется, бывшего в то время городским головой), где хозяева приняли нас с истинно-русским, широким гостеприимством. Само собой разумеется, что о. Иоанн на другой день служил литургию и почти ни минуты не знал покоя, разъезжая с утра до поздней ночи по приглашениям — отслужить молебен и помолиться.

Отмечу здесь (если только не запамятовал) один факт, свидетельствующий об истинно-евангельской благотворительности о. Иоанна. Какая-то бедно одетая женщина со слезами просила у него помощи. Батюшка сейчас же достает из кармана подрясника большой пакет и подает его женщине. Через минуту женщина подбегает к о. Иоанну и взволнованно говорит ему: "Батюшка, вы, верно, ошиблись: ведь тут тысяча рублей!"

— Ну, что ж такое, — отвечает ей о. Иоанн, — твое счастье. Иди, благодари Господа.

Поистине, значит, у о. Иоанна, по Евангелию, по словам Иисуса Христа, — "правая рука не знала, что делала левая"...

В Вологде, насколько мне помнится, пробыли 1 1/2 суток. На вокзале Вологодско-Ярославской железной дороги встретил нас и принял под свое попечение инспектор Вологодско-Ярославской Московской железной дороги Михаил Димитриевич Селиванов 2-й, предусмотревший, кажется, решительно все удобства, какие только могут быть предоставлены в поездке по железной дороге. Для отца Иоанна был прицеплен министерский вагон-салон (в котором все мы сходились на обед и чаепитие), а для нас — примыкающий к нему вагон первого класса со служебным инспекторским отделением. В г. Данилове заботами добрейшего Михаила Димитриевича со станции всем нам был по-

дан обед. Обед этот оказался настолько роскошен, что о. Иоанн обратился после него к Михаилу Димитриевичу с легким упреком...

И нужно было видеть, как это огорчило Михаила Дмитриевича... Уж он приложил все свое старание, чтобы на славу угостить редкого гостя — и что же получилось в результате? Не мало стоило нам усилий, чтобы успокоить милейшего старца... Но, конечно, не одним только необычайным хлебосольством и такою же простотою и обходительностью с нами отличался (давно уже покойный) Михаил Димитриевич. Мне особенно желательно отметить его удивительное религиозное настроение, искренность его веры и религиозного чувства, наконец — его необычайное почтение, даже какое-то прямо благоговение, пред личностью о. Иоанна. С каким, бывало, сердечным трепетом и умилением подходил Михаил Дмитриевич под благословение к о. Иоанну! Он как-то весь съеживался и прятался за нас... "Что это вы, Михиал Дмитриевич, — спросим его, — боитесь, что ли, батюшки-то?" "Да как же, — отвечает Михаил Дмитриевич, — как же мне, недостойному грешнику, не бояться подходить к праведнику! А что, если он, видя прозорливым своим оком мое греховное сердце, не благословит меня?" Вот, милостивые государи и милостивые государыни, вот она — истинно русская простота и христианское смирение! Думается, что лица подобного (религиозного) настроения чрезвычайно редкостны, быть может, даже исключительны среди нашей интеллигенции. Пошли ему Бог небесных благ за вся его благая!

Необыкновенно восторженные проводы были устроены батюшке в Ярославле на вокзале при отъезде в Москву. Весь перрон настолько был запружен народом, что о. Иоанну, казалось, не было прямо физической возможности протиснуться в вагон. Однако он, так сказать, ринулся в гущу народную... Но и та, в свою

очередь, ринулась на него, хватая за края одежды, целуя его руки и одежду и жадно ища благословения.

Нас обуял страх за батюшку, что его замнут, задавят насмерть... К счастью, он был приподнят стиснувшей его толпой и так над всею толпой, на ее плечах, и был благополучно пронесен до вагона. Бледный, почти задыхавшийся от изнеможения, батюшка, как сноп, повалился на диван... И невольно подумалось тогда: как иногда бывает тяжела для человека и вполне заслуженная слава!..

В Ярославле неугомонный в своей заботливости Михаил Дмитриевич достал для нас до Москвы роскошный, по своему устройству и обстановке, великокняжеский вагон, в котором все мы с полнейшим удобством и разместились. Утром на другой день прибыли в Москву, откуда о. Иоанн направился на юг (в Харьков), а мы, погостив у Михаила Дмитриевича, выехали в Петроград.

Так окончилось это знаменательное и весьма радостное для меня путешествие с дорогим батюшкой о. Иоанном, оставившее во мне неизгладимые впечатления.

Милостивые государи и милостивые государыни! Если мое слабое слово, так внимательно выслушанное вами, хотя несколько оживило в ваших душах светлый образ всероссийского пастыря, молитвенника и целителя, то я могу считать цель свою достигнутой и с радостью приношу его на пользу Обществу, посвященному имени всем нам дорогого батюшки о. Иоанна Кронштадтского. Да будет же навсегда незабвенна память досточтимого покойного истинного пастыря Христова стада! И будем твердо верить, что, Бог даст, недалеко то время, когда и на другой окраине нашей столицы — на р. Карповке Господь прославит другого праведника (первый — благоверный кн. Александр Невский) — нетлением и чудесами.

О, если бы нам, свидетелям его благочестивой жизни, его подвигов, этого дня дождаться! С какою великою радостью воззвали бы мы к нему: Святый отче Иоанне, моли Бога о нас! Буди же сие, Господи, буди!! Пока же не перестанем взывать молитвенно от всего сердца: “Вечная, вечная память батюшке-милостивцу о. Иоанну Кронштадтскому!”

Позвольте, милостивые государи и милостивые государыни, закончить свою речь следующим приветом о. Иоанну:

“В память вечную праведник будет!
Песнь святая не мимо идет;
Никогда о нем мир не забудет,
Никогда он в сердцах не умрет:
Обмелеет пучина морская,
Превратятся в песок города,
В необъятности неба мерцая,
Догорит и потухнет звезда;
Изоржавеет памятник славы,
Водруженный гордыней земли,
Чьи дела и ученья лукавы,
Прогремевши, погибнуть в пыли...
Только праведник, Богом избранный,
Недоступен стихиям времен:
Благодатью небес осиянный,
В вечном царстве блаженствует он”.

Печатается по: “К. П.”. 1916. N 35. С. 487—495; N 36. С. 505—506.

А. НАРЦИЗОВА

ВОСПОМИНАНИЕ ОБ ОСВЯЩЕНИИ ХРАМА В СЕЛЕ СУРЕ В 1891 ГОДУ

В нынешнем, 1916 году, в июне, исполняется 25 лет со дня освящения храма в далекой Суре, родине нашего дорогого приснопамятного Батюшки о. Иоанна Кронштадтского. Немного уже осталось в живых из нас, очевидцев и участников этого великого и достопримечательного для глухого и дикого севера, события. Но оно так живо и подробно запечатлелось в моей памяти, что само как-то просится под перо, чтобы поделиться этими воспоминаниями с почитателями нашего дивного молитвенника и основателя Сурского храма, дорогого Батюшки о. Иоанна.

Еще в начале июня в тот год Батюшка прибыл в Суру для наблюдения за окончательными приготовлениями к освящению храма.

21 июня он с иконами и хоругвями выехал в Веркольский монастырь (в 60-ти верстах от Суры, куда накануне прибыл Архангельский епископ Александр[36], на присланным за ним пароходике "Верколец".

Все население монастыря, во главе с о. архимандритом, увидя приближающейся пароход с иконами и хоругвями, тоже с крестным ходом выступило навстречу. Оба крестные хода, один с высокой горы, на которой живописно расположен монастырь, другой с парохода, соединившись на берегу и помолившись, при колокольном звоне, стали подниматься в гору. В святых воротах крестный ход был встречен архиереем, и все проследовали в собор, где был совершен краткий молебен.

23 июня празднуется память праведного Артемия, мощи коего находятся в этом монастыре. Накануне ко всенощной раку со святыми мощами вынесли на средину храма. На литию и величание выходили архи-

ерей, о. Иоанн и целый сонм духовенства, съехавшегося со всех сторон. Умилительное и не виданное никогда мною зрелище представилось мне, когда к величанию, в 10-м часу вечера, во главе с епископом и о. Иоанном, духовенство в белых облачениях окружило раку и двумя лентами протянулось в алтарь; церковь вся была залита огнями, а сверху в окна полярное солнышко ярко освещало всю эту дивную картину.

После Евангелия архиерей, начав читать акафист, передал его потом о. Иоанну. Батюшка как-то особенно, вдохновенно, взглянул на раку, поднял глаза к небу, и на мгновение его лицо, как молния, осветилось внутренним светом. С первых же слов у него градом покатились слезы... Читая акафист и время от времени устремляя глаза на раку, он как бы к живому обращался к праведному отроку Артемию, о жизни которого так трогательно говорится в акафисте.

Уже за полночь мы все вернулись в свои помещения. Но едва ли кто спал в эту светлую, как полдень, ночь. В 6 ч утра стали собираться в церковь.

Со всех сторон шли и ехали густые толпы празднично одетых северян, много их наехало из Кольского округа. После торжественной литургии, подняли раку со св. мощами и крестным ходом обошли кругом монастыря; над морем голов высоко несли св. мощи, покрытые серебристым покровом.

Кругом широко раскинулись по холмам леса и луга, покрытые недавно распустившейся зеленью. Внизу блестела серебристой лентой красавица Пинега, а сверху так и заливало своими яркими лучами всю эту чудную, не поддающуюся описанию, картину, на редкость жаркое для севера солнышко.

Дорогой Батюшка все время без смены вместе с народом нес раку.

После богослужения радушный хозяин о. архимандрит всех пригласил на трапезу, после которой Ба-

тюшка, собрав свой крестный ход и нас, на том же пароходике вернулся в Суру.

Тут начались окончательные приготовления к освящению храма и приему многочисленных гостей. Новая церковь, Батюшкина слава и мечта, как белый лебедь, величественно высилась над Сурой. Внутренность ее чудной, легкой архитектуры, вроде Задонского собора, где покоятся мощи св. Тихона.

Когда я первый раз вступила в эту церковь, мне невольно пришли на память слова песнопения: "Чертог Твой вижду, Спасе мой, украшенный, и одежды не имам, да вниду в онь..." Так в ней все располагает как-то особенно к молитвенному настроению: особенно хорош иконостас, белый с позолотой и иконами светлой, чудной живописи. Он легко и изящно высится прямо в купол. Немало было Батюшке хлопот и с колоколами. Их около 20-ти. Особенно 3 главные, говорят (сама я ничего не слышу), замечательно звучные. Первый весом 258 пудов. На нем красуется надпись: "Вечер, заутра и полудне повем, и возвещу, и услышат глас Мой..." Как любитель и знаток колокольного звона, Батюшка из Веркольского монастыря привез сюда звонаря, редкого по искусству подбирать звон, полуслепого Ивана Ивановича. С любовью Батюшка ухаживал за этим маленьким старичком и неоднократно взбирался с ним на колокольню при перевешиваньи колоколов для гармонии звуков. Зато их старания увенчались полным успехом. Гармонично музыкальный звон Сурских колоколов, как мне передавали знатоки, мог бы сделать честь любой петроградской церкви.

О приеме и помещении ожидаемых многочисленных гостей Батюшка тоже немало позаботился: в министерском училище устроили столовую, в одной половине сделали громадную плиту с котлами для варки пищи, а в другой приемную; уставили ее столами и, за отсутствием стульев, длинными лавками. Все стены

изящно убрали гирляндами, щитами и флагами из пестрых бумажных платков, которые потом роздали сурянкам. Так же красиво было декорировано училище и снаружи. Только что выстроенный дом для священника был отведен для архиерея и губернатора и, насколько возможно было, оборудован всем необходимым. (Сам Батюшка жил в доме своей сестры, Дарии Ильиничны, в маленькой светелке на чердаке против училища.)

Всем нам было хлопот, как говорится, полон рот. Душой всех ручных работ была молоденькая голубоглазая Анюта, дочь любимой сестры Батюшки, Дарии Ильиничны (ныне тоже уже покойной). Характерный тип красавицы северянки, рослая, здоровая, с льняными волосами и ясными, как у самого Батюшки, глазами, она везде поспевала: и в церкви помогала приводить в порядок и шить, что нужно для освящения, и в столовой убирала стены затейливыми украшениями, еще лучше и проворнее нас, горожан, хотя раньше, живя безвыездно в Суре, ничего подобного и не видывала. Всюду и всем она помогала и везде вносила какое-то оживление и радость и сразу сделалась нашей общей любимицей. Да и дорогой Батюшка с какой отеческой любовью следил за ее неутомимостью!

Наконец все приготовления были окончены, только кругом церкви и ограды оставались целые груды мусора и остатков досок, через которые не легко было пробираться. Но Соломонова мудрость Батюшки и тут высказалась: за день до освящения, вечером, батюшка сказал, чтобы на другой день утром все сурские дети, кто пожелает, приходили к нему на работу, за которую он их наградит. На другой день, еще до заутрени, чуть не сотня детишек собралась около церкви.

Выйдя к ним, Батюшка ласково поздоровался и просто объяснил деткам, что и им надо тоже потрудиться, по мере сил, для нового храма, и велел им весь мусор и доски переносить в указанное место. Потом

он благословил их общим благословением. Получив благословение, детишки бросились врассыпную по всей ограде. И тут-то началась буквально муравьиная хлопотня: кто в охапке, кто в подоле рубашонки тащили мусор и щебень, с видимым усердием забирая побольше и перегоняя друг друга. Забавно было смотреть, как 3—4 карапуза, взгромоздив на свои головенки конец доски, важно шествовали с ней и аккуратно складывали в стопки. К вечеру не только около церкви, но и кругом ограды все было гладко убрано, выметено и при этом тщательно, и песочком посыпано. И вся армия юных работников, растрепанных, но с довольными рожицами, выстроилась перед трудами рук своих. Дорогой Батюшка подошел к ограде и, всплеснув руками, весело сказал: "Вот не ожидал! Молодцы, спасибо вам!" Он щедро оделил их деньгами и лакомством, и вся детвора в восторге разбежалась по домам.

26 июня прибыл архиерей с духовенством и певчими и полная баржа богомольцев. В 6 ч всенощной началось торжество освящения правого придела во имя преп. Иоанна Рыльского[37], а на следующее утро по необъятному простору торжественно прокатился чудный звон сурских колоколов. Со всех сторон толпы народа спешили на зов церкви, и чуть не вся Сура собралась сюда. Когда все духовенство, с архиереем во главе, облачилось, началось омовение престола. Кто не знает этого глубоко умилительного и трогательного обряда, когда престол одевают, как невесту, в ризы белыя? После омовения престола в старую церковь двинулся крестный ход за св. мощами, а затем проследовал кругом нового храма. Батюшка о. Иоанн нес престольную икону преп. Иоанна Рыльского. Он был бледен, но спокоен. Когда крестный ход вернулся на паперть, то перед закрытым белой завесой входом, куда заранее вошли певчие, архиерей положил на приготовленном столе антиминс со св. мощами и, троекрат-

но окадив их при пении 26 псалма, возгласил: “Возмите врата князи ваша, и возмитеся врата вечная, и внидет Царь Славы!” А певчие из церкви, как бы из другого мира, вопросили: “Кто есть сей Царь Славы?” Владыко при словах: “Господь сил, Той есть Царь Славы!” высоко поднял св. Дискос, осенив им крестообразно храм. В этот момент завеса раскрылась, и все при пении: “Господь сил Той есть Царь Славы!” — как мудрые девы, с зажженными свечами, вошли в храм. Господи, как было светло и радостно!

Взглянула я на о. Иоанна, а у него неземная радость светилась во всем его облике.

Затем началась первая литургия, совершенная соборне. В конце ее петроградский священник о. М. Каллинников (ныне покойный) произнес горячую проповедь.Во 2-м часу кончилось богослужение, и дорогой Батюшка всех пригласил на трапезу, которая прошла светло, радостно и одушевленно. Но надо было хотя час дать покой телу, так как в 6 ч, по призыву колокола, все поспешили ко всеношной.

28 июня было освящение левого придела во имя св. великомученицы Параскевы, и совершенно так же, как и правого придела, но еще с большим наплывом богомольцев, среди которых я заметила не мало самоедов[38] в их характерных костюмах.

Самоеды глубоко чтут святителя Николая, как охранителя их оленей, и даже, как мне рассказывали в Архангельске, некоторые из них, еще непросвещенные в то время св. крещением и молящиеся в лесных тундрах своим богам болванам, — увидя там же в лесах часовню с иконой не св. Николая, непременно постараются разорить ее; но если над дверями часовни помещена икона именно св. Николая Чудотворца (они его изображение отчетливо распознают), то не только не тронут, но еще и жертву принесут, в виде какого-нибудь пестрого лоскутка. Потому-то по лесам Архангельского Крайнего Севера все часовни посвя-

щены св. Николаю Чудотворцу. Недаром там даже и поговорка сложилась: "От колы до верколы 32 (т. е. часовни, посвященной ему) Николы!" Теперь самоеды, узнав, что в Суре освящается храм во имя св. Николая, поспешили явиться на невиданное никогда ими это торжество. После литургии,за которой проповедь говорил протоиерей Архангельского собора о. Ф. Павловский, Батюшка радушно пригласил всех к себе на обед и, как хозяин, усердно угощал. Всем было тепло, радостно под крылышком такого благодатного и сердечного хозяина, и, видимо, всем были дороги эти незабвенные счастливые часы. Тут вскоре приехал Архангельский губернатор, кн. Оболенский со своей свитой, а в 6 ч мы снова, но уже в последний раз, собрались на торжественную всенощную пред освящением главного престола во имя св. Николая Чудотворца. Все три всенощные совершались перед амвоном освящаемого престола, на столе, на котором находилась освящаемая утварь. На литию и величание выходили архиерей, о. Иоанн и масса духовенства, еще более отовсюду съехавшегося. И эта последняя всенощная отличалась особенной торжественностью: не только в церкви, но и кругом было море голов, и не верилось, что мы находимся в глухом уголке далекого севера.

После всенощной солнышко еще ярко светило, и я пошла по берегу р. Суры; а там группа самоедов, расположившись на ночлег, мирно трапезовала. Подойдя ближе, я не мало была удивлена, увидя, что они едят сырую рыбу, густо ее посоливши.

В эту яркую, как день, ночь, в Суре, кажется, тоже никто и спать не ложился: толпы народа ходили всюду. В 4 ч утра 29 июня дорогой Батюшка уже был на ногах. Он побывал в училище, где уже были приготовлены 5 столов, зашел в кухню, где всю ночь шла стряпня, все осмотрел и благословил, чтобы ни в чем не было недостатка (и удивительно: всего хватило в

изобилии!). Потом, пройдя в церковь, он сам стал ставить свечи перед иконами, не зажигая их. В 7 ч могучий удар колокола широкой волной разлился по всем окрестностям Суры, возвещая о наступающем торжестве. Все встрепенулись, и толпы народа рекой потекли к храму. Главный алтарь обширных размеров, и потому большая часть духовенства принимала участие в омовении и облачении престола. После крестного хода кругом церкви, когда с зажженными свечами вошли в церковь, она вся была залита огнями и блистала как невеста преукрашенная! По миропомазании крестообразно стен храма, началась литургия, совершенная всем духовенством. Была истинная Пасха!

После причастного проповедь произнес епископ Александр; говорят, самую простую и глубоконазидательную, понятную народу.

За ним выступил со своим словом дорогой храмоздатель. Кончилось церковное торжество. Дорогой Батюшка, как солнышко, сиял радостию, что наконец-то Господь осуществил его многолетнюю мечту — создание храма. И мы все радовались его радостью, поздравляя друг друга. Воистину, как светлая Пасха, был этот незабвенный день для всех нас. Через час, мы все собрались на последнюю трапезу к Батюшке.

Перед обедом сурский сотский от лица сурян поднес о. Иоанну хлеб-соль на деревянном, изящно вырезанном блюде с надписью: "Храмоздателю благодарные Суряне". Батюшка ласково принял и поцеловал хлеб. Вслед за этим был прочитан благодарственный адрес от учителя и учеников Министерской школы за ее благоустройство, и тут же одним из достаточных сурских крестьян тоже был поднесен Батюшке хлеб-соль на красивом серебряном блюде.

После этого все сели за стол. Первый тост за Государя и Царский Дом был принят дружным "ура!" как присутствующими за столом, так и всем народом, за-

прудившим всю улицу перед училищем, и всеми было троекратно исполнен гимн: "Боже, Царя храни!". Вслед за этим тостом архиерей поднял здравицу за храмоздателя, о. Иоанна. В ответ на это, как в доме, так и на улице, громом раскатилось "многая лета!" Все горячо поздравляли Батюшку, а он со слезами радости принимал эти поздравления.

Тут произнес сердечную речь преподаватель Архангельского Духовного училища Е. О. Корелин. Растроганный до слез Батюшка горячо обнял и поцеловал Корелина, благодаря его за выраженные им чувства.

Много было и других тостов и речей. После трапезы все радостно, счастливые всем пережитым, поднялись из-за стола и стали прощаться.

О.Иоанн вышел на крыльцо, чтобы идти к себе. Тут развернулась картина, не поддающаяся никакому описанию: несметная масса народа, увидя о. Иоанна, опустилась перед ним на колени, благодаря его за построение храма. Целовали его руки, ноги, рясу, плакали, благословляли и почти на руках донесли его до дому.

В этот же день архиерей, губернатор со свитой и все почти гости уехали из Суры. А мы с Батюшкой остались еще на несколько дней. Ему хотелось отслужить литургии во всех приделах и в тишине отдохнуть. С утра до вечера, как в Пасху, могучей волной разливался колокольный звон, от которого Батюшка был в восторге и ездил во все стороны, подальше от Суры, наслаждаясь звучной музыкой чудного звона. Ежедневно мы у него обедали и чай пили, и все время он был радостный, разговорчивый, сам нас водил на противоположный от храмов конец Суры, там, в сыпучем песке, указывая на немногие остатки полусгнивших бревен, просто заявил: вот тут я родился! Поклонилась я месту, где в благодатную ночь на 19 октября 1829 года зажглась современная нам звезда земли Русской, и с годами все выше и выше, ярче и ярче стала подни-

маться и светить. И теперь далеко за пределами Руси ее видно. И всем она светит живой верой в Бога, и всех она греет искренней горячей любовью к людям... Эти думы не покидали меня в Суре, и я ежедневно ходила на то место, собирая там щепочки, как вещественные свидетели рождения светильника Божия, и до днесь храню их вместе с водой, освященной самим о. Иоанном и свежей, как налитой только сейчас.

Еще Батюшка нас возил на Поклонную гору, в 2-х верстах от Суры, за речкой Сурой; это его любимое место молитвы и отдохновения. У обрыва горы, покрытой лесом, сразу открывается вся Сура; прямо внизу речка Сура лентой вьется, влево красавица Пинега, а дальше и в ширь на необъятном просторе — холмы, леса и луга, на сколько глаз хватит.

В таком благодатном обществе и прогулках с дорогим Батюшкой незаметно пролетели 5 дней. 4 июля дорогой Батюшка последний раз служил в новом храме литургию, водосвятный молебен и панихиду и после обеда простился с Сурой. Как не хотелось расставаться с этим благословенным уголком, где нам жилось так тепло и счастливо под благостным крылышком дорогого Батюшки! Вся Сура от мала до велика провожала своего благодетеля, многие плакали, особенно плакала его сестра Дарья Ильинична, прощаясь с своим великим Брателком, как она его тогда называла. При колокольном звоне пароход тихо стал отдаляться от Суры, и вскоре оказался перед крутым поворотом р. Пинеги, за которым Сура должна была сразу скрыться; Батюшка, все время стоя на палубе, снял шляпу, и с глазами, полными слез, горячо помолился на храмы и глубоко поклонился. Потом, обратившись к нам, сказал: “Помню, когда я девятилетним ребенком шел в первый раз пешком из Архангельского духовного училища к себе на родину, то на этом повороте, когда вся Сура разом открылась перед глазами, я со слезами радости упал на колени и

усердно благодарил Бога, что Он привел меня на родину". 6 июля приехали в Архангельск, где Батюшка отдал визиты всем посетившим Суру должностным лицам.

Так кончилось это светлорадостное торжество освящения Сурского храма, и мы вместе с дорогим Батюшкой могли от всей души сказать: "Господи, желание сердца нашего дал еси нам" (Пс. 20, 3)!

Печатается по: "К. П.". 1916. N 23. С. 365—368; N 24. С. 378—382.

Диакон
М. ПАВЛОВСКИЙ

ВОСПОМИНАНИЕ ИЗ ПРОШЛОГО

В бытность мою псаломщиком в с. Марьине, Новгородского уезда, Господь удостоил меня, грешного, участвовать при Богослужении на закладке церкви, 3 июня 1903 года, в местечке "Ушаки", с дорогим Батюшкой о. Иоанном Кронштадтским.

В одноверстном расстоянии от станции Ушаки, Николаевской железной дороги, длинной лентой по обе стороны Николаевского шоссе, расположилась огромная деревня "Ушаки", вблизи которой в восточной стороне находится большое имение некоего г. Шретера, с огромным торфяным заводом, на котором работает очень много православных людей. Кроме этих поселений, еще много православного народа живет на самой ст. Ушаки, все так называемый служащий класс; много народу и в огромном имении некоей г. Кокоревой и в ее многочисленных дачах, в особенности в летний дачный сезон. Все эти насельники, в обилии получая всевозможные житейские удовольствия и развлечения, лишены были самого главного удовольствия и утешения — возможности посещать храм Божий и наслаждаться совершаемым в нем Богослужением. Как ни клевещут современные гореумники, враги св. православной Церкви, на ничтожество православной веры и на упадок религии в нашем православном народе[39], религиозная потребность в насельниках Ушаковского уголка с каждым годом все росла и росла, и, наконец, было возбуждено ходатайство о постройке каменного храма в деревне Ушаки. За это св. дело, соединенное с многими трудами, взялся энергичный общественный деятель, в то время Новгородский уездный предводитель дворянства, любанский помещик А. В. Болотов.

Едва было получено разрешение строить храм Божий, нашлись и благодетели св. делу, которые охотно понесли посильные жертвы на храм Божий. Здесь была лепта и Батюшки о. Иоанна Кронштадтского (конечно, как и всегда, для посторонних, по-евангельски, тайная). Особенно щедрым дателем был вышеупомянутый помещик г. Шретер, несмотря на то, что сам он лютеранского вероисповедания. И вот, день 3 июня 1903 г. был назначен днем закладки церкви в честь "Покрова Пресвятыя Богородицы".

Александр Владимирович сам, как истинный христианин, уважал покойного Батюшку о. Иоанна Кронштадтского, и, зная, какую любовь и уважение питает к нему православный русский народ, и желая предоставить сельским обывателям духовное удовольствие видеть Батюшку и получить от него благословение, он лично отправился упрашивать его принять участие в торжестве закладки храма Божия, на что Батюшка дал свое согласие. Настал для всего края желанный день. Казалось, что и природа как будто оживилась и стала веселей в этот знаменательный для ушаковцев день. Июньское солнце с раннего утра так и пекло; на небе не было ни облачка; в природе царствовала удивительная тишина.

Вместе с восходом солнечных лучей народ со всех концов волной двигался к месту закладки. Из окружающих сел: Любани, Пельгоры, Бабина и Марьина стали появляться на торжество крестные ходы. Над местом закладки храма была сооружена на случай ненастной погоды огромная сень и устроены из живых цветов и зелени арки и др. украшения. К 10 ч утра крестные ходы, принимавшие участие в торжестве, все собрались. Народу, по приблизительному подсчету, собралось 8—10 тысяч. Поезд из С.-Петербурга, в котором приехал Батюшка, прибыл ровно в 11 ч утра. Народ буквально осаждал станционный вокзал со всех сторон. Наконец подъехал и желанный поезд. Едва Ба-

тюшка о. Иоанн вышел из вагона, как эта толпа, собравшаяся из разных мест, не взирая на проходивший поезд, готовый раздавить ее, густой волной бросилась к платформе вокзала, прося у Батюшки благословения. То, что было в то время около вокзала, и представить трудно. Больших трудов стоило прибывшему духовенству с г. Болотовым, председателем строительного комитета, посадить о. Иоанна в экипаж. Толпа совершенно загородила проезд. Воздух наполнился всевозможными возгласами и шумом. Из толпы слышались возгласы: “Дорогой наш Батюшка! Кормилец наш! Радость наша! Благослови нас!” и т. п. Слезы буквально лились рекой у этих искателей, жаждущих духовного утешения и благословения. И дивное дело! Сердце так и забилось от духовного восторга при виде Батюшки, точно оно хотело вырваться из грешного тела и присоединиться к этому, всецело духовному, живущему в Боге человеку. Кажется, не могло найтись такого грубого, черствого, закаленного грехами сердца, которое не умилилось бы и не содрогнулось бы при виде этой трогательной картины. Экипаж, в котором сидел Батюшка, буквально несли на руках. А как он, наш молитвенник и отец, чувствовал себя при виде всего окружающего? Да он, как и всегда, весь был охвачен молитвой и истово посылал этой жаждущей толпе свое пастырское благословение. И одноверстное расстояние до места закладки ехали почти час времени, притом на очень хорошей паре лошадей. С трудом затем сняли Батюшку с экипажа, так как толпа до невозможности осаждала его; казалось, что и одежду-то всю на Батюшке изорвут на клочки. И вот чудо! Несмотря на просьбы начальствующей администрации — блюстителей порядка — не беспокоить Батюшку просьбой благословить, невольно так и тянуло хоть приблизиться к Батюшке и прикоснуться к его одежде. Это было же-

ланием всех, не исключая и священников. Началось Богослужение. Точно гром, разрезал воздух мощный голос ныне тоже покойного о. протодиакона С.-Петербургского Исаакиевского собора — Малинина. В обычное время, к стыду нашему, голоса при Богослужении подобных отцов диаконов являются предметом всеобщего внимания, но здесь этот огромный голос не произвел особенного впечатления. Все были углублены в службу Батюшки о. Иоанна, которая во всех отношениях была необыкновенной: он во время службы прямо-таки беседовал с Богом и властно увлекал всех присутствовавших, даже тех, что пришли из любопытства, вникать в каждое Богослужебное слово. Кончилось Богослужение. Совершили обряд самой закладки. Батюшка произнес несколько слов по поводу торжества, но их, к великому сожалению, в виду сильного шума толпы, не многие услышали. Из высокопоставленных лиц на торжестве присутствовали: Министр путей сообщения князь Хилков[40], Новгородский губернатор граф Медем[41], Новгородский губернский предводитель дворянства князь Голицын[42] и мн. др.

По окончании всего торжества, по просьбе А. В. Болотова, все участники его отправились в близ лежащий садик около имения г. Шретера, где под открытым небом была приготовлена скромная трапеза и чай. По дороге шествия в садик с Батюшкой опять та же картина: с трудом его опять посадили в экипаж и доставили потрапезовать. После трапезы певчими, по желанию Батюшки, было исполнено несколько нотных религиозных песнопений (концертов), которые он слушал с большим вниманием и удовольствием. После этого Батюшка, благословив всех присутствовавших, отправился на вокзал, для отбытия в С.-Петербург и Кронштадт. До вокзала его провожали все присутствовавшие на

торжестве. Ровно в 5 ч Батюшка, сопровождаемый своим псаломщиком Киселевым, уехал. С грустью все мы стояли на платформе и смотрели на быстро удалявшийся поезд. Никогда, никогда не забуду я виденного! Вечная память тебе, приснопамятный дорогой Батюшка, наш теплый молитвенник у престола Божия.

Печатается по: "К. П.". 1913. N 34. С.587—590.

К. САЛТЫКОВ

М. Е. САЛТЫКОВ (ЩЕДРИН) И О. ИОАНН КРОНШТАДТСКИЙ[43]

(Из воспоминаний сына писателя)

Было это незадолго до кончины отца, месяца за два не больше. Мать моя, видя, что здоровье его не поправляется, убедила папу в том, что следует пригласить о. Иоанна. Отец согласился, и тогда мама начала хлопотать о том, чтобы отец Иоанн посетил нас. Задача была не из легких, так как все часы пребывания Кронштадтского протоиерея в столице были заранее расписаны. Возила о. Иоанна по городу какая-то дама, у которой и принималась запись на его визиты. Дама эта, узнав о том, что о. Иоанна желает видеть мой отец, сделала для нас исключение и назначила его визит к нам в первый же его приезд в Петербург.

И вот в назначенный день Кронштадтский протоиерей действительно прибыл к нам.

Это был небольшого роста священник, с добрыми, но вместе с тем пронизывающими насквозь собеседника глазами, с небольшой черной бородой, через которую просвечивала седина.

Одет был батюшка в черную атласную рясу. Вошел он к нам приветливо, как будто он посещал нас не впервые, осведомился о том, где находится болящий, и узнав, что в кабинете, прошел туда, обнял отца, а затем наедине с ним довольно долго беседовал.

О чем — отец никогда нам этого не говорил. Затем батюшка попросил поставить посередине гостиной столик с иконой, поставил папу на колени и начал читать молитву.

Читал он ее невнятно, порывисто, особенно ударяя на некоторые слова, как бы споря с кем-то невидимым нам.

Это чтение производило какое-то жуткое впечатление на нас, тоже благоговейно опустившихся на колени.

Наконец о. Иоанн закончил свою молитву, и дав отцу приложиться к св. Кресту, пригласил и всех бывших в квартире сделать то же самое.

Благословил он всех, маме сказал, что она добра, мне то же самое,сестре не помню что, но тоже хорошее.

Одну лишь кухарку не допустил о. Иоанн поцеловать святой Крест, сказав ей, что она этого не достойна.

Впоследствии оказалось, что она была воровкой. Затем мы пригласили о. Иоанна пить чай в столовую, и здесь произошел интересный инцидент. Отец боялся, что если С. П. Боткин[44] узнает о том, что его посетил о. Иоанн, то он, Боткин, обидится и больше не станет навещать его.

Вследствие этого был отдан курьезный приказ швейцару: в том случае, если Сергей Петрович приедет, сказать ему, что отца дома нет.

Курьезен был этот приказ уже по тому одному, что папа никуда не выезжал, так как ему тем же Боткиным было запрещено выходить на воздух зимой.

Кроме того, мы не учли того обстоятельства, что раз к кому-нибудь заезжал о. Иоанн, то весть об этом моментально облетала всю округу и около кареты его собиралась громадная толпа народа, ожидавшего его благословения.

Так оно случилось и на этот раз. Едва весть о визите к нам батюшки разнеслась по околотку, как вся часть Литейного пр., на которой мы жили, оказалась запруженной народом. С. П. Боткин как раз в это самое время задумал навестить отца и не мало удивился и даже, как он нам рассказывал после, побоялся, не умер ли папа, когда увидел перед домом такую толпу народа.

Осведомившись у первого же встречного человека о причине такого скопления толпы, он, конечно, узнал, в чем дело, и понял, что батюшка наверное у нас,

а потому, не слушая запутанных объяснений швейцара, прямо пошел наверх и, так как двери квартиры заперты не были, вошел в прихожую, снял шубу и появился в столовой.

Трудно описать то смущение, которое овладело всеми нами, когда в дверях появилась высокая, плотная фигура С. П.

Воцарилось неловкое молчание. Один о. Иоанн был, видимо, приятно удивлен, увидев профессора. Он встал и с доброй улыбкой обнял Боткина.

— Ай, ай, ваше превосходительство, — укоризненно начал по адресу папы Сергей Петрович, — как вам не стыдно скрывать от меня моего друга, о. Иоанна... Ведь мы оба врачи, только я врачую тело, а он душу...

Конечно, после этой фразы неловкость, овладевшая всеми, исчезла, и между взрослыми началась непринужденная, даже веселая беседа.

Уезжая, батюшка поцеловал отца в уста. Как нам потом объяснили, поступал он всегда так, когда видел, что помощь его бесполезна. Это было его последнее напутствие больного туда, откуда, увы, никто не возвращается.

Печатается по: "Новое время". 1914. 28 апр. С.6.

Н. Т.

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ

В первый раз увидел я отца Иоанна у тетушки, графини Тизенгаузен. Старушка жила в антресолях Зимнего дворца со своей племянницей Ниной Пиллер, которая была безнадежно больна. Помолиться об ее выздоровлении и был приглашен о. Иоанн, который произвел на меня сильное впечатление. Он обратился к больной, а затем и к присутствующим с речью, убеждая всецело положиться на волю Божию и отдаться с покорностью Его благому Провидению. После этого он пригласил всех помолиться о больной и начал читать импровизированную и прочувствованную молитву, тронувшую всех до слез. Плакала больная, плакали присутствовавшие, плакал и сам о. Иоанн. После молитвы он благословил больную, обещал о ней еще молиться, когда будет служить литургию и ободрил всех ее близких. Всем он советовал молиться, но не ждать чуда и не видеть в христианской кончине чего-нибудь ужасного, а каждому быть всегда готовым к смерти, только бы это была смерть праведная.

Вскоре после этого, недели через три, больная умерла, и о. Иоанн служил о ней панихиду, причем всех снова растрогал своим добрым пастырским словом. Кто хоть раз видел вблизи Кронштадтского пастыря, тот никогда не забудет его кроткого взора и его мягкого, теплого голоса, когда он произносил слова утешения. От него веяло миром душевным и чувствовалась особая благодатная сила в его речах. Он производил неотразимое впечатление, и я помню, как один мой родственник, увлекавшийся лордом Рэдстоком и модными в то время лжеучениями штундистского характера[45], встретив в нашем доме о. Иоанна, бросился целовать его руки, и одного взгляда

о. Иоанна оказалось достаточным, чтобы он остановил свое увлечение и выразил желание отправиться в Кронштадт исповедаться и причаститься Св. Таин, к которым не приступал больше десяти лет. После этого он стал искренно верующим человеком и перестал чуждаться Церкви и ее служителей.

Чем более росла слава о. Иоанна, тем труднее становился к нему доступ. Помню, во время болезни моей матери я тщетно писал и телеграфировал о. Иоанну, и мой призыв до него не доходил. Тогда я собрался к близко знавшему его генералу Богдановичу, отцу моего товарища по корпусу, и тот написал мне телеграмму, заставив подписать: “Паж Двора Его Величества”, и, действительно, на этот раз телеграмма дошла. В ответ на нее о. Иоанн приехал сам и помолился о нашей дорогой больной, умиравшей от неизлечимого недуга.

Ездил я, будучи пажом, к отцу Иоанну в Кронштадт вместе с одним товарищем. Когда мы садились в Ораниенбауме на пароход, оказалось, что с тем же пароходом возвращается к себе о. Иоанн, к которому мы тотчас же и подошли и имели счастие всю дорогу с ним беседовать и поучаться его наставлениями.

Когда пароход пристал к Кронштадту, оказалось, о. Иоанна уже там ждали. На улице, прилегающей к пристани, в два ряда стояли шпалерами нищие, человек около двухсот. О. Иоанн, выйдя на берег, подошел к ним и начал оделять их милостыней. При этом нам посчастливилось быть очевидцами прозорливости о. Иоанна. Кто-то около нас из пассажиров, молодой интеллигент довольно развязного типа, шепнул своему соседу студенту вполголоса, указывая на о. Иоанна, раздающего деньги на другом конце улицы: “Поощрение тунеядства!” Когда о. Иоанн окончил раздачу, то вернулся к пристани, где еще стояли те молодые люди, дожидаясь извозчика, и произнес, обращаясь к ним: “Все мы должны быть милостивыми к нищим, ибо сказано в Писании: блажен, кто призирает на

нищаго и убогаго, в день лют избавит его Господь (пс. XI), но мы, священники, обязаны еще более заботиться о бедных, так как там же сказано, тебе оставлен есть нищий!" И, проговорив эти слова, он отошел, оставив молодых людей в большом смущении.

Перед домом о. Иоанна стояла толпа, через которую нельзя было протискаться. Поэтому мы не решились туда проникнуть, тем более, что имели уже счастие видеть о. Иоанна и беседовать с ним, и направились в Андреевский собор, где тоже уже была масса народа, так как ожидали, что о. Иоанн туда придет служить вечерню. Через несколько времени прибыл о. Иоанн,и народ бросился к нему с такой силой, что не стой тут наряд полиции, батюшку бы смяли. После вечерни о. Иоанн долгое время благословлял народ, причем мы были свидетелями таких сцен: подходит прилично одетый господин и сообщает о. Иоанну, что он разорился и ему грозят позор и тюрьма, так как он растратил чужие деньги. В это время какая-то плохо одетая женщина в платке передает батюшке через головы других какой-то белый узелок. О. Иоанн берет узелок и, не взглянув на него, передает прилично одетому господину. Женщина вскрикивает: "Батюшка, тут три тысячи!" О. Иоанн к ней обращается со словами: "Ведь ты жертвуешь Богу? Господь принимает твой дар, и твои деньги спасут человека". А человек с узелком в руках уже стоит на коленях перед иконой Спасителя и сквозь слезы повторяет: "Три тысячи, три тысячи! Как раз та сумма, которую я должен!" После вечерни о. Иоанн принял нас у себя, благословил и, наскоро напутствовав, так как его ждали многие, обещал за нас молиться. Остаться до другого дня мы не могли, так как должны были вернуться в Красносельский лагерь в тот же вечер, и потому уехали из Кронштадта, унося в душе самые светлые воспоминания.

После этого я часто встречался с отцом Иоанном, когда я жил в Москве, а он туда приезжал и бывал у князя Долгорукова. Князь оказывал Кронштадтскому пастырю знаки большого внимания и уважения, каждый раз оставляя его у себя обедать, причем, зная, как дорожит временем о. Иоанн, предоставлял ему в его распоряжение свой экипаж и просил не стесняться и уходить тотчас же по окончании обеда, если ему некогда. Один раз князь поручил мне, в то время молодому офицеру, проводить о. Иоанна на Николаевский вокзал и распорядиться, чтобы открыли парадные комнаты. У вокзала стояла несметная толпа, так что экипажу пришлось ехать шагом, и при выходе из кареты мне едва удалось о. Иоанна провести до дверей парадных покоев, до того нас стиснула толпа. Так как опасались, что такая же давка будет на перроне, где толпа окружила вагоны первого класса, начальник станции распорядился провести о. Иоанна потихоньку через колею и усадить его в вагон с противоположной стороны. Для отвода глаз перед вагоном на перроне стояли шпалерами жандармы, как бы ожидающие его прихода, и публика их обступила. В самый момент отхода поезда жандармы разошлись, а перед изумленной публикой в окне вагона поднялась штора и появилось лицо любимого пастыря, который, ласково улыбаясь, благословил присутствующих. Князь очень смеялся, когда я ему докладывал, каким образом нам удалось усадить в вагон о. Иоанна.

Что опасность давки была не шуточная — показывает то, что в предыдущий отъезд о. Иоанна из Москвы вокзальная публика до такой степени смяла его, что погнула его золотой наперсный крест.

О. Иоанн, бывая в Москве, посещал и командующего войсками генерала Костанду, и один раз, приехав туда на второй неделе Пасхи, похристовался со всеми присутствующими, так как, по его словам, Пасха не прошла, а приветствовать друг друга словами:

“Христос Воскресе!” — можно не только всю Пасху, но и круглый год.

Один раз мне посчастливилось ехать с о. Иоанном из Петрограда в Москву со скорым поездом в одном вагоне. Узнав, что в купе рядом с моим путешествует о. протоиерей Сергиев, я постучался к нему, и он любезно пригласил меня войти и дозволил провести в своем назидательном сообществе несколько незабвенных для моей памяти часов. На следующее утро, подъезжая к Москве, о. Иоанн пригласил меня в свое купе,и мы продолжали вчерашний разговор, который закончился только тогда, когда поезд въехал под стеклянный навес Николаевского вокзала первопрестольной столицы. Последними словами, обращенными ко мне любвеобильного Кронштадтского пастыря, было обещание вспоминать меня молитвенно за литургией и увещание — я в то время уже был священником, как можно чаще совершать литургии и взаимно молиться за него.

Встретился я еще один раз с отцом Иоанном в Крыму, куда он приезжал осенью 1894 года, вызванный к болезненному одру Царя-Миротворца, и удостоился быть приглашенным им к сослужению в Ялтинском соборе.

Сначала о. Иоанн служил утреню, причем сам читал тропари канона, и по окончании утрени произнес проповедь. После литургии о. Иоанн по обыкновению, несмотря на сослужение диакона, потреблял Св. Дары, а затем совершил молебен о здравии Государя Императора Александра III[46].

Скромность о. Иоанна была поразительная. Он никогда не заботился лично о себе, никогда не старался выдвинуться вперед, никогда не приписывал получаемых милостей Божиих своим молитвам, а всегда говорил, что исцеление дается Богом по вере самого страждущего и по молитвам всех с ним молившихся, а не его одного. Чем более он высказывал христианского смирения и старания стушеваться, тем более Гос-

подь выдвигал Своего праведника, прославлял его. Помню такой случай. Когда он первый раз явился к князю Владимиру Андреевичу Долгорукову[47], его еще никто не знал из генерал-губернаторской прислуги: его провели в переднюю и там оставили ждать. Никто его не замечал; чиновники проходили мимо него в приемную, не обращая внимания, и никто о нем и не думал доложить князю, и сам он о себе не напоминал, скромно стоя в уголке, в рясе и камилавке. В таком виде я его застал в передней и сейчас же сказал о нем дежурному чиновнику, который поспешил доложить о нем князю, и князь его немедленно велел привести к себе. С этих пор князь постоянно приглашал его к себе и выказывал знаки уважения; помню, раз в присутствии архиепископа Амвросия[48] князь подошел к о. Иоанну под благословение, и тот не отказался ему его дать, хотя не принято, чтобы священники благословляли в присутствии архиерея.

Отношения о. Иоанна к людям, которые к нему обращались за помощью, были трогательны: он страдал со страждущими и плакал с плачущими, но строго и гневно обличал упорных еретиков и сектантов, вроде Льва Толстого и его последователей. За это последние его ненавидели тою непримиримою ненавистью, какою сатана ненавидит ангелов света. А между тем батюшка Иоанн Кронштадтский вовсе не мог быть назван узким фанатиком, так как благотворил одинаково и православным, и иноверцам, причем мне известен такой случай как раз в Крыму, когда о. Иоанн посоветовал одному позвавшему его больному — поляку, который долго не был у исповеди, исповедаться и причаститься Св. Таин у своего священника, и когда тот исполнил совет батюшки, то выздоровел.

Я знаю, что о. Иоанн благотворил даже евреям, и знал евреев, которые его высоко уважали и почитали святым.

За границей слава о. Иоанна возросла с тех пор, как Ванутелли[49] написал о нем в своей книге о России, причем сравнил его с тезоименитым ему жившим в эпоху Наполеона Арским приходским священником Иоанном Вианней[50], причисленным католическою церковью к лику святых. Лев XIII[51] тоже очень интересовался личностью о. Иоанна и много меня расспрашивал о нем. Точно также интересовались им и французское духовенство, и английское (протестантское), и мне в бытность мою за границей и в Париже, и в Лондоне, и в Америке постоянно приходилось говорить о Кронштадтском пастыре как об идеале священника.

Один раз я, по просьбе пассажиров, прочел об о. Иоанне целую лекцию на пароходе в Тихом океане, и его имя нередко фигурировало в моих проповедях среди иноверцев.

Должен, к сожалению, сказать, что даже в России встречались люди, относившиеся к о. Иоанну отрицательно. Так, один почитаемый иеромонах одного подгородного монастыря, который я намеренно не называю, выразился в разговоре об Иоанне Кронштадтском: "Он у нас не в ходу". Мне кажется, это говорила известного рода монашеская ревность, что такой подвижник не принадлежал к монашеству, а украшал собой ряды белого духовенства.

Мне часто приходилось выступать в защиту о. Иоанна, особенно когда его упрекали как раз в таких вещах, которых он всего более избегал. Ему ставили в упрек его дорогие бархатные рясы, которых он никогда себе не заказывал, а носил потому, что ему их дарили почитатели, чтобы их не обидеть — раз, а во-вторых, потому что сыновне помнил преподанный ему покойным митрополитом Исидором[52] урок, когда он явился к нему в простой шерстяной рясе. "Неужели, — сказал митрополит, — вы и во дворец показываетесь в такой рясе?" На ответ, что это его лучшая вы-

ходная ряса, митрополит заметил о. Иоанну, что являться в таких простых одеждах к высоким особам показывает признак недостаточного уважения. Как раз после этого о. Иоанну подарили новую рясу, и он стал ее носить, когда ему приходилось посещать высокопоставленных особ.

Точно так же о. Иоанн не мог считаться ответственным и за то, что его тесным кольцом окружали и опекали его почитательницы, почитание которых выразилось впоследствии в уродливой форме особого обожания сектантского характера[53]. В сущности это было то же чувство, которое окружает каждого уважаемого в приходе священника, но доведенное до апогея ввиду обаятельности самой личности о. Иоанна и его все возраставшей популярности. Ни один монарх в мире не получал столько писем и приношений, как о. Иоанн: эти кипы писем и телеграмм сортировались окружавшими о. Иоанна, и только наиболее важные, по их мнению, передавались Батюшке. Здесь, конечно, были злоупотребления, но сам о. Иоанн тут был не при чем, так как не мог лично, при массе дел, перечитывать в день по несколько сот писем[54]. Впоследствии он завел себе секретаря, и тогда дело пошло глаже, и злоупотребления прекратились.

В заключении скажу, что я видел о. Иоанна в последний раз уже после моего возвращения из-за границы незадолго перед его праведной и мирной кончиной. Он отнесся ко мне так же сочувственно и доброжелательно, как и прежде, подарил мне на память свою "Жизнь во Христе" и благословил мои труды, которые я ему почтительнейше поднес. О. Иоанн всегда был моим идеалом доброго пастыря, и, когда я служил на приходе, то так же, как и многие мои товарищи в то время по служению, такие же почитатели о. Иоанна, как и я, мы старались ему подражать и всегда ставили его перед собой образцом всех пастырских добродетелей и нередко в затруднительных случаях

спрашивали себя, как бы о. Иоанн поступил в данном случае, и старались поступать так же.

О. Иоанн покинул нас, но память о нем и пример его жив между нами, и мы можем с уверенностью надеяться, что душа этого доброго пастыря и ныне предстательствует за нас пред престолом Всевышнего и молитвы его о нас, грешных и скорбных, стали еще более действенны, чем они были при его жизни.

Печатается по: "К. П.". 1916. N 38. С.538—542; N 39. С. 551—553.

О. ТИХОМИРОВА

ВСТРЕЧА С ОТЦОМ ИОАННОМ ИЛЬИЧЕМ СЕРГИЕВЫМ

Единственная моя встреча с отцом Иоанном Ильичем Сергиевым была в 1906 году в Петрограде, куда мы, незадолго перед этим, переселились из Москвы. Эта встреча состоялась в одной близко знакомой отцу Иоанну и нам семье. Приезжая в Петроград, батюшка, как называли о. Иоанна его почитатели, часто посещал семью Билибиных.

Узнав о моем желании повидать отца Иоанна, В. Л. Билибина в один из его приездов к ним, прислала сына сообщить мне, что батюшка у них и, если я желаю видеть его и при этом помолиться, чтобы я спешила к ним в дом. Семья Билибиных жила настолько близко от нас, что через несколько минут я была уже у них.

Еще на лестнице, поднимаясь к ним в третий этаж, нельзя было не заметить, что пустые обыкновенно площадки этой лестницы были на этот раз заняты публикой, видимо кого-то или чего-то желавшей. В передней квартиры Билибиных было также много народу. Встретивший меня хозяин дома Н. И. Билибин не без труда даже прошел со мною через эту толпу и ближайшую к входной двери комнату в гостиную, где встретила нас хозяйка.

В глубине этой комнаты, на диване, сидел отец Иоанн и читал газету; мы подошли ближе, и минуту спустя хозяин представил меня отцу Иоанну, преподавшему мне при этом свое благословение.

Сказав несколько слов по поводу событий того времени и поскорбев[55], отец Иоанн умолк. Этой минутой общего молчания воспользовалась В. Л. Билибина и просила батюшку помолиться. Отец Иоанн сейчас же ответил согласием, встал и, обратив свой взор на ико-

ну, стал молиться. Какие молитвы читал отец Иоанн, я сказать не могу, но уже через минуту все мы здесь, в этой комнате бывшие, как один человек, опустились на колена и усердно молились вслед за отцом Иоанном, так сильно действовала на всех присутствующих его молитва.

По окончании молитвы, продолжавшейся недолго, В. Л. Билибина пригласила нас в столовую. При этом, обернувшись назад, я увидела, что вся гостиная (кроме нас, приглашенных) была полна народом; как и когда пришел сюда этот народ, я совершенно не заметила; так тихо, так благоговейно вошли, стояли и молились все бывшие здесь.

В столовой, куда мы пришли, меня посадили за стол напротив отца Иоанна, и я могла наблюдать хорошо все происходившее во время завтрака.

Помимо семьи Билибиных, которые за стол не садились, здесь были кроме меня еще и другие посторонние лица, принимавшие участие в этом завтраке. Внимание всех, конечно, было обращено на отца Иоанна; все слушали его или, вернее, хотели его слушать, но говорить ему, однако, пришлось мало. Поминутно к нему обращались с вопросами; хозяева старательно его угощали и настаивали, чтобы батюшка скушал или хотя бы попробовал стоявшие на столе блюда.

Отец Иоанн согласился взять пирога, который ему и положил на тарелку хозяин дома. Едва только отец Иоанн отрезал и положил себе в рот первый кусок, как сейчас же со всех сторон раздались голоса, просившие уделить и им кусочек. Вслед за этим, почти сейчас же, тарелка с пирогом отца Иоанна была совершенно бесцеремонно взята у него кем-то из присутствовавших. Заметив это, Н. И. Билибин поспешил предложить другой кусок пирога, от которого отец Иоанн, однако, отказался и взял стакан чая, поданный ему В. Л. Билибиной. Хозяин предлагал еще чего-то и за-

тем, взяв со стола бутылку с вином, налил полрюмки и поставил перед отцом Иоанном.

В эту минуту я доедала, что было у меня на тарелке, и, как только я проглотила последний кусок, Батюшка взял бутылку с вином и обратился ко мне.

— Хочу выпить за ваше здоровье, — сказал отец Иоанн и пристально посмотрел на меня; я поспешила взять стоявшую против моего прибора пустую рюмку, в которую Батюшка и налил мне немного вина.

— Будьте здоровы, — сказал отец Иоанн и, чокнувшись со мною, выпил глоток вина.

В. Л. Билибина обратила внимание Батюшки на фрукты и просила взять чего-нибудь. Отец Иоанн благословил стоявшие в большой вазе, среди стола, фрукты, причем одну ягоду винограда положил себе в рот и затем сейчас же встал из-за стола.

Отец Иоанн, преподав благословение всем подходившим к нему, простился и уехал. Хотя из столовой и вела дверь прямо в переднюю, однако идти к выходу Батюшке пришлось довольно долго. Масса народу, стоявшего в передней и по лестнице, долго еще поочередно подходила к отцу Иоанну, прося благословения.

Обождав немного, я простилась с радушными хозяевами и отправилась к себе домой. У подъезда квартиры Билибиных я застала еще много публики, которая только что проводила отца Иоанна.

Вот это свидание с отцом Иоанном Ильичем и было моим первым и последним.

В начале лета мы переселились в Царское Село. Мое постоянное недомоганье, начавшееся в Петрограде, к этому времени еще более усилилось и наконец перешло в тяжелую болезнь, уложившую меня в постель на многие месяцы. Доктор (профессор Я.), пользовавший меня, сказал моему мужу, что положение мое, если и не безнадежное, во всяком случае очень серьезное. По целым неделям я ничего не могла есть; слабость у

меня была такая, что я сама не могла даже поправить на себе одеяла или взять что-нибудь со столика, стоявшего у моей постели. Все время стояла высокая температура, между 38 и 40, и мне уже казалось, что я не могу выздороветь. Потом, как я узнала это впоследствии, и не я одна это думала.

Вот, наконец, мне стало и совсем нехорошо; к вечеру температура становилась очень высокой, сама я при этом впадала в какое-то сонное, полусознательное состояние. Хотя меня и навещали очень многие из близких знакомых, однако ко мне уже никто, кроме доктора моего, не допускался. День ото дня мне становилось хуже. Вдруг мне вспомнилось мое свидание с отцом Иоанном, и при этом явилось желание просить его молитвы, что я и сказала моему мужу. Одобрив эту мысль, муж мой сейчас же написал об этом нашей общей с отцом Иоанном знакомой, В. Л. Билибиной.

Спустя несколько дней, не имея еще ответа на посланное В. Л. Билибиной письмо, я проснулась утром с чувством, что вот сейчас я умру, настолько было плохо мое самочувствие.

Минуту спустя я и решилась сказать это моему мужу. Сейчас же после этого была измерена у меня температура, которая оказалась близкой к нормальной. Вскоре прибыл проф. Я. и, взглянув на показанный ему градусник, был настолько удивлен быстрым падением бывшей накануне очень высокой температуры, что просил вторично ее измерить; при этом он долго держал мою руку и считал пульс.

Убедившись, что температура действительно очень упала и была почти нормальная, проф. Я. сказал мне, что такое быстрое падение высокой температуры и вызвало столь тяжелое мое самочувствие.

Хотя к вечеру температура у меня и поднялась опять, но уже не столь высоко и на следующий день опять была близко к норме. Ясно было, что подтвердил потом и проф. Я., что такое быстрое падение сто-

явшей долгое время высокой температуры было не что иное, как перелом в моей болезни.

И вот, каково же было мое удивление, когда затем было получено письмо В. Л. Билибиной, в котором она сообщала моему мужу, что Батюшка молился о моем выздоровлении. Время молитвы за меня отца Иоанна совпало вполне с переломом, происшедшим в моей болезни.

С этого времени и началось, хотя и медленное, мое выздоровление.

Печатается по: "К. П.". 1916. N 40. С. 568—571.

Священник
Д. ПРОНСКИЙ

ПРОЗОРЛИВОСТЬ БАТЮШКИ

Трудно передать, какую глубокую потерю понесла Россия со смертию великого милостивца и молитвенника о. Иоанна Кронштадтского. Кому только не помог он своим молитвенным дерзновением пред Богом? Кому не благотворил он щедрою рукою в наш черствый век? Наша милостыня скупа и часто неразборчива. Но благотворительность о. Иоанна соединялась с его изумительною прозорливостью и нередко помогала нужде, сокрытой от людского взора, без просьбы о помощи. Знаю о то́м не только по слухам.

Считаю грехом умолчать о знаменательном факте подобной благотворительности о. Иоанна и в отношении ко мне.

В апреле месяце 1895 года я, бывши соборным псаломщиком города Касимова, с достаточной суммой денег направился в Кронштадт для испрошения благословения о. Иоанна на брак и по другим запросам души. Дни пребывания своего в Кронштадте (23, 24 и 25 апреля), когда мне воочию пришлось видеть обаятельное священнослужение о. Иоанна, его ласковые проницательные взоры, его популярность в народе, считаю незабвенно счастливым временем своей жизни.

В номерах Дома трудолюбия, где я остановился, было в ту пору громадное стечение поклонников. Но ни 23-го, ни 24-го числа о. Иоанн по недосугу не был в этих номерах. К вечеру 24-го мой денежный запас непредвиденно истощился; у меня по подсчету совершенно не оставалось денег на обратный проезд из Кронштадта. Просить в отдаленном городе, да еще не-

знакомых людей, я считал стыдом; с безотвязною мыслию о безденежье и заснул.

25-го апреля о. Иоанн обычно соборне служил раннюю литургию в Андреевском соборе, а я, как и в предыдущие дни, имел счастье стоять в алтаре; и, свидетельствую своим священством, не только не просил, но и в мыслях не имел беспокоить о. Иоанна помочь на дорогу. По окончании обедни о. Иоанн, разоблачившись, стал уже спускаться по лестнице потаенного алтарного хода, а мы все (нас стояло в алтаре человек 25) благоговейными взорами провожали его. Вдруг он, как будто что-то забывши, быстро воротился по лестнице и, минуя всех, подошел ко мне, недостойному, стоявшему далее всех от лестницы и неуловимо быстро вручил мне закрытый пакет со словами: "Вот тебе на дорогу". Я обомлел от неожиданности и едва успел поцеловать его благодеющую руку. С волнением вскрыл пакет, по уходе о. Иоанна. И что же? В нем 20 рублей; сумма — вполне достаточная для моего выбытия из Кронштадта.

Об этом дивном факте я тут же счел долгом поведать почтенному священнику Дома трудолюбия о. Андрею Васильевичу Шильдскому.

В этот же день о. Иоанн посетил Дом трудолюбия, молился и в моем номере, удостоил меня своего благословения и краткой беседы, и я с радостным сердцем отбыл к месту служения.

Пусть вольнодумцы продолжают издеваться над Праведником и назовут приведенный факт случайностью. Верующие и облагодетельствованные о. Иоанном не забудут его светлой души.

В конце 1909-го и начале 1910 года я был в Петербурге при смертельно болевшей и лежавшей в клинике Рейна жене и смею уверить, ни у одной святыни в столице не бывал так часто, как при гробнице о. Иоанна на Карповке, и всегда выходил оттуда с обновленною душою.

2 февраля 1910 года я служил на Карповке раннюю литургию, а по ней и панихиду по о. Иоанну, при чудном пении местного хора и большом наплыве богомольцев.

В этот же день здесь приобщалась Св. Таин и моя, ходившая как тень, а теперь здравствующая жена.

В память вечную будет Праведник!

Печатается по: "К. П.". 1914. N 5. С.78—79.

Ф. ИГНАТОВ

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ ОБ ОТЦЕ ИОАННЕ КРОНШТАДТСКОМ

1908 года 20 декабря умер достоуважаемый Кронштадтский пастырь, отец Иоанн Ильич Сергиев. Прошло уже пять лет с того времени. А со дня последнего моего свидания с ним протекло уже 13 лет. Но я помню его и теперь. Живо представляю его лицо, слышу его голос и хочу поделиться с читателями своими о нем воспоминаниями.

Мне лично три раза пришлось быть у отца Иоанна в Кронштадте; видеть его, беседовать с ним и удивляться его неутомимости.

В первый раз я ездил к нему в 1895 году. В то время я был сильно болен. Никакие средства медицины не помогали мне. Нервная болезнь моя все усиливалась, и впоследствии я уже стал страшиться за свой рассудок.

В то время о. Иоанн своими добрыми делами везде был известен. О нем все говорили. И многие страждущие и неизлечимо больные со всех концов и России, и других стран вселенной стремились к доброму пастырю и у него находили себе и отраду, и врачевание. Я тоже решился отправиться к нему.

Встреча с о. Иоанном для меня была прямо поразительна. Он на моих глазах исцелил двух бесноватых; и, как ласковый отец, гладил по голове плачущих, утешал и обнадеживал скорбящих и в то же время помогал нуждающимся — материально. Одной рукой получал сам, а другой отдавал тут же неимущим.

Все теснились около него, жали его, давили ему ноги. Но не сознавали, что причиняли ему неприятность.

Все теснившиеся думали только о своих скорбях и ждали от него себе помощи и утешения. И добрый пастырь, минутами как бы суровый на вид, относился ко

всем участливо. Было очень заметно, как он, смотря на окружающих его скорбящих, сам скорбел за них и в душе молился Богу об их прощении, утешении и исцелении. Среди шума и разговора обращавшихся к нему слышались его возгласы:

"Надейся на Господа. Он поможет тебе!" или: "О, несчастный! — кайся во грехах своих, но не унывай! Бог простит, Он милостив!"

В числе других я тоже приблизился к нему. Я рассказал ему про свои страдания и просил его помолиться за меня Творцу и с надеждой ждал от него утешения. Я смотрел на него с любовию, радуясь, что стою около него. Я видел в нем (не глазами только, но сердцем своим) не обыкновенного смертного, но человека, живущего для неба, истинного служителя Божия. Он ничего не приписывал своим трудам, но говорил всем: "Творец вас исцелит! Он милостив... А я по обязанности своей молюсь, — я священник Бога..." Отец Иоанн положил свою руку на мою голову и произнес: "Бог тебя помилует! Молись Ему и приобщайся святых Тела и Крови Его каждый пост!"

Прошло с тех пор довольно много времени, и я, по милости Божией, — жив. А недуг мой прекратился вскоре после первой встречи с о. Иоанном. Я верю, что его молитвы и совет исцелили меня.

При второй моей встрече с ним, когда я просил его совета по поводу жизни своей, он между прочим сказал: "Зло очень сильно на земле, и злой дух одинаково везде ополчается на людей, а тем более на тех, которые стремятся служить правде". Мы в то время были с ним наедине, и как отрадно было слушать его беседу.

В конце этой беседы он поразил меня своей прозорливостью. Он вдруг при прощаньи со мной говорит мне: "А что, брат, не дать ли тебе немного денег?.." И при этих словах опустил свою руку в карман подрясника...

Перед встречей с ним я думал и беспокоился в душе о том, что у меня действительно было мало денег на обратный путь. Но при встрече я ни словом не намекнул ему об этом. Притом же я был прилично одет. И из разговора нашего он видел, что я человек не нуждающийся... "Боже мой! — — воскликнул в душе я в то время. Этот человек истинно святой! Он даже видит сокровенные мысли мои!"

— Дорогой батюшка! — воскликнул я. — Я верю, что Господь по вашим молитвам даст мне благополучно и без нужды доехать до своего места жительства!

— Веришь?! — сказал тогда о. Иоанн. — Так поезжай с Богом!

И я, простившись с ним и получив его благословение, поехал. И денег мне на дорогу хватило в точности. Еще в одну из поездок моих к нему я совершенно убедился в его прозорливости. И его слова ко мне: "А разве дальний не может быть ближним?" — памятны мне до сего времени.

Незабвен ты для меня, дорогой пастырь! И хотя я далеко от тебя, но ты близок моему сердцу!

Я скорблю и теперь о твоей кончине, как о потере близкого, дорогого мне человека! Я скорблю еще и о том, что во время "брожения умов" и разных клевет на тебя я допустил себя усомниться в твоем благочестии!..

В скорби своей я переношусь теперь своими мыслями к месту твоего вечного успокоения от трудов и прошу тебя: прости, добрый отец, мое малодушие и сомнение! Несомненно, что все дурное распространявшееся про тебя — гнусная клевета и вымысел людей, ненавидящих все святое, с целью — подорвать веру в тебя любящего тебя народа.

За несколько дней пред смертью своей ты сказал одному посетившему тебя корреспонденту: "Я приготовился к смерти и рад, что расстаюсь с этой жизнью... Надеюсь, что после моей смерти все разъяснится. И

увидят тогда все, что я чист от той грязи, которою меня обливали при жизни..."

К числу многих видящих тебя и теперь пишущих о твоей любви и правде присоединяюсь и я. С целью посрамить клеветников твоих я пишу свое воспоминание о тебе и подтверждаю при сем, что грязь к таким чистым людям, как ты, никоим образом пристать не может!

Печатается по: "К. П.". 1914. N 10. С.164—166.

Протоиерей
А. ХОТОВИЦКИЙ[56],

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ

Вы были добры предложить мне поделиться с читателями "Кронштадтского Пастыря" воспоминаниями о назабвенном нашем батюшке — кронштадтском пастыре.

И радуюсь этой счастливой возможности, и чувствую, как слабо для такой задачи мое перо...

Как раз несколько дней тому назад привелось мне быть в одном собрании и получить вместе с другими слушателями духовное утешение от доклада известного профессора-богослова прот. А. Смирнова. Он говорил на тему "Радость веры". Вся душа докладчика, а с ним и тех, кто внимал его чудной речи, была на стороне понимания христианства как подвига радости, света, тепла, а не горя, страданий, мрачного самоистязания. От жизни и слов Спасителя и Его первых учеников о. Смирнов шаг за шагом приближался к нашим временам и преподносил слушателям живые, всем нам близкие лица русских духовных светочей. Упомянут был св. Феодосий Печерский[57], упомянут преподобный старец Серафим[58] — "счастье мое, радость моя!", — старец Амвросий Оптинский[59]... И слушателей согревали сердечные воспоминания об этих, радость и счастье несших ближним и в радости совершавших свой подвиг угодниках...

А в это время, во все время беседы о. профессора, неотступно витал пред мысленными очами моими светлейший и радостнейший лик воплотившего в своей жизни эту "радость веры" и благовествовавшего всем эту "радость веры" и жизнью и словами своими нашего незабвенного батюшки о. Иоанна. Весь лучезарный, радостный и радостотворный, весь обвеянный сиянием своего Небесного Учителя,

Которому служил он здесь, поистине радость нес он всем вокруг!

Про Учителя говорили с ропотом и негодованием: “Он принимает грешников и ест с ними” (Лк. 15, 2), и батюшка о. Иоанн не боялся такого негодования. Он смело шел к грешникам, ел с ними, не гнушался смрада духовного и нищеты телесной, какими иногда почти совершенно погашена бывала в этих людях искра Божия, и ласковым словом, общением, приветливостью, радостью, возжигал эту искру в пламень горячего раскаяния, огненной веры, и костер греховных страстей вдруг преображался в костер, пожиравший все худое в сердце человека и озарявший путь ему к добру, вечному Свету и Правде...

Сколько таких бедняков — убогих духовно и материально — извлечено о. Иоанном из-под греховных руин, которыми, казалось бы, уж навсегда погребены они были!.. Эти люди еще живы. Они могут свидетельствовать сами о сем.

Сохранился рассказ, что однажды в праздник, наряженный в лучшую свою светлую одежду, шел с друзьями своими на пир знаменитый скульптор-художник Микельанджело. Проходили они мимо одного двора, и вдруг Микельанджело бросился туда и стал извлекать из-под грязи и сора небольшую мраморную глыбу...

— Куда ты? Что с тобой? Зачем тебе это?... — удерживали скульптора пораженные друзья.

— Мне нужна она, — отвечал Анджело, продолжая отрывать мрамор...

— Да ты весь испачкаешься... Смотри, ты уже изорвал свой наряд... Пойдем...

— Нет, нет... Я вижу в ней ангела... Я должен извлечь его на свет Божий...

И он отнес к себе этот кусок камня, мусор и грязь не укрыли от его взгляда сокровища, и вскоре белоснежный ангел, высеченный из заброшенного камня,

украсил собрание других произведений великого гения.

Так умел извлекать ангела и о. Иоанн из недр таких людей, которые другим казались отребьями мира. Изъеденные грязью страстей и пороков, они под духовными руками любвеобильного, радостью и братством обвеянного батюшки раскрывали душу свою, и ангел добра, уже скованный было мраком и цепями человеческого греха, возрождался, чтобы никогда уже не покидать этих воскресших духовно людей...

Вот что записано было мною в дневнике под свежим впечатлением полученной по телеграфу, в бытность мою тогда в С. Америке, печальной вести о кончине о. Иоанна.

ОСИРОТЕЛА РУСЬ! Не стало величайшего молитвенника земли Русской о. Иоанна Кронштадтского! Осиротела Русь... Осиротели те миллионы простых, полных верою сердец, для которых о. Иоанн был самым близким, дорогим родным, для которых одно сознание того, что Господь украсил Русь таким святым праведным мужем, было лучшей отрадой, скрашивавшей жизнь самых убогих людей...

Почил о. Иоанн... Чье существо не дрогнуло при этой вести? Не прогнала ли она улыбку с самого беспечного лица, не заставила ли она смолкнуть непринужденную, веселую беседу даже таких людей, которые лишь понаслышке знали об о. Иоанне, но не знали его?.. Не наполнила ли она таинственным глубоким горем душу каждого из тех, кому Промысл Божий дал счастье приглядываться к жизни, к личности, к работе о. Иоанна? Не повергла ли она почти в безысходную тоску тех, кто знал — и число таковых кто может исчести? — что в минуту беды и печали у тебя есть в мире человек, который примет твою исповедь горя, утешит твою печаль, осушит слезу и вольет в существо твое успокоение, хотя бы ты

был за тысячи миль от него, хотя бы ты не был связан с ним узами кровного родства, узами близкого знакомства, хотя бы тебя делило от него даже исповедание...

Этой смерти, этому переходу праведного старца от жизни земной к жизни вечной не могла не быть присуща таинственность. Этот муж не мог умереть, как умирают другие. Смерть — в том обычном понятии, какое усвоено нами — не могла отнять от верующих о. Иоанна. Не мирится мысль, что он даже телом своим более не с нами. Жизнерадостный, лучезарный о. Иоанн, не живет ли он в нашем сердце и сейчас именно как живой?.. Нет, не покинул он Русь, не покинул своих "деточек" дорогой, незабвенный "батюшка"!..

Говорят, при святом гробе его не было речей... Ах, да что же было говорить в такую минуту? Надгробное рыдание было этим прощальным словом, — надгробное рыдание миллионов осиротевших русских людей. Есть, вероятно, на Руси глухие углы, куда и до сих пор не проникла еще печальная весть о кончине батюшки о. Иоанна. Но не найдется такого уголка, где бы, проникнув, она, эта печальная весть, не привлекла бы русского человека к рыданию, не сложила бы устами его молитву за упокой почившего, не засветила бы руками его свечечки пред св. образом о новопреставленном рабе Божии протоиерее Иоанне...

И много ли ведения надо иметь, чтобы с уверенностью описать, что творилось в десятках тысяч наших городов, местечек, сел и деревень, в величественных кафедралах и убогих церковках в ту минуту, когда потрясенный ужасною новостью священник объявлял взволнованным голосом пастве своей, что нет уже более в живых батюшки о. Иоанна. Он умер! Да радуется бессмертная душа твоя, о. Иоанне! Не вотще было твое житие. Не вотще труд твой. И верим, словно крыль-

ями ангельскими, молитвой народной вознесен будет дух твой к престолу Вышнего и сопричтен к ликам святых. И твоя новая жизнь будет продолжением того же святого служения добром и состраданием твоему ближнему.

Да. Еще при жизни о. Иоанна верила Русь, что он святой. И никакие нападки неверующей кощунственной клики, старавшейся вытравить в душе народной веру в о. Иоанна, демонски ополчавшейся против его доброго влияния на народ, пятнавшей его жизнь, не щадившей его святой седины, оплевывавшей его молитвенное общение с людьми, — никакие нападки, верим, никогда не убьют живущего в сердце народном убеждения, что святым батюшка о. Иоанн и отошел к Господу и что Церковь вскоре даст Руси утешение призывать в молитвах своих, как небожителя, того, кого Господь при жизни еще одарил высоким даром чудотворений, и кто явил себя примером чистоты, любви, милосердия, смирения, правдолюбия и разумения словес евангельских.

Еже буди, буди! Кто имел счастье хоть раз в жизни повидать батюшку о. Иоанна, тот забыть его не может. Кто слышал совершение им молитвословий и Евхаристийного Таинства, у того и преклонная старость не изгладит памяти о высоком вдохновенном слове и о духовном горении Кронштадтского пастыря. Кто имел личное с ним общение, для того воспоминание о таком общении будет вечным утешением, лучшей радостью, испытанной человеком в этой, полной суеты, зла, неправды, вражды и ненавистничества жизни...

Бог судил мне иметь эту радость: не только видеть и слышать батюшку, но и войти в ту многочисленнейшую семью счастливцев, которые были обласканы личным его вниманием, любовью и советом. И конечно, не с чувством суетной похвальбы, а с чувством бес-

конечной благодарности святому молитвеннику земли русской и в желании вплести и свой лепесток в нагробный венок почившего старца позволяю себе я поделиться некоторыми своими воспоминаниями о почившем.

Как сейчас, помню его вдохновенное русское доброе лицо, как будто всегда озаренное улыбкою, не терявшее красоты даже в минуты грозного выступления против врагов Христа. Помню его замечательные глаза, буквально испускавшие лучи и проникавшие в глубины сердца, его отрывистую речь, его громкое, властное, убежденное чтение... О. Иоанна впервые пришлось мне видеть в стенах Санкт-Петербургской Духовной Академии, лет 18 тому назад. Не могу забыть, как трепетно ожидала наша студенческая семья высокого гостя. Сам воспитанник той же Духовной Академии[60], о. Иоанн время от времени приезжал сюда навестить церковь, побеседовать с молодежью. Мы наполняли нижний вестибюль, когда показался в дверях о. Иоанн. Боже мой, какой еще моложавый он священник! "Здравствуйте, друзья!" — приветствовал он нас.

Гурьбой, тесно окружив дорогого батюшку, стали мы провожать его по всем классным комнатам, по жилым помещениям, засыпали его вопросами, просили благословения... Многие из дому, из далеких концов матушки Руси, попривозили с собой поручения повидать батюшку и спросить его совета по тем или иным вопросам. В некоторых комнатах о. Иоанн останавливался, спрашивал, нет ли его земляков, архангельцев, вспоминал, где и как он сам помещался в бытность студентом академии, и наконец прошел в церковь, откуда после пришлось его провожать по иным лестницам, чрез академический сад к глухой калитке, за которой ожидал его другой экипаж, так как вечно провожавшая и мгновенно собиравшаяся всегда в местах пребывания о. Иоанна толпа уже запрудила

парадный подъезд и делала невозможным даже для наших могучих академических сторожей очистить проход для посетителей.

В Кронштадте, однако, за время пребывания в Академии, мне побывать не привелось, и в состав депутаций студенческих, ежегодно отправлявшихся 19 октября приветствовать именинника о. Иоанна, я ни разу не попал.

Но то, чего мне не случилось сделать в бытность, так сказать, бок-о-бок с Кронштадтом, когда я был отделен от него только часовым переездом, то суждено было сделать в ту пору, когда от Кронштадта и от батюшки о. Иоанна отделял меня огромный Атлантический океан.

В 1900 г. я прибыл из Америки в Россию для сбора пожертвований на построение первого русского храма в Нью-Йорке на место прежней убогой, в наемном помещении, домовой церковки. К кому обратиться за благословением? Кем возглавить сбор? Миллионы русских людей не начинали никакого важного дела, не узнав о том, что посоветует им батюшка Кронштадтский. А это дело святое, трудное... Уже в сборную мою книгу записано было сочувственное слово нашего государя: “Жертвую от себя 5000 рублей на это важное и необходимое дело”. Назначен уже был день отъезда в Москву, где я предполагал начать сбор. Ужели так и не удастся повидать о. Иоанна?.. И вот, рискуя не застать батюшку в Кронштадте, отправился я на Ораниенбаумский вокзал с тем, чтобы оттуда ехать в Кронштадт. На вокзале было тихо, спокойно, но вдруг начала набираться публика, стало замечаться как будто ожидание чего-то, и кто-то шепнул, что, вероятно, сейчас прибудет батюшка. Как быть?.. Я знал, что о. Иоанну отводят купе или вагон, и, значит, не удастся с ним повидаться до самого его дома. Однако на всякий случай купил билет I класса и поспешил в поезд. Через несколько минут в тот же вагон скорой походкой во-

шел о. Иоанн. Я бросился навстречу и просил благословить меня. Стриженый, молодой еще тогда, я в верхней рясе напоминал больше послушника или только что рукоположенного диакона и был поражен, когда, благословив меня, о. Иоанн, при лобзании мною его руки, поцеловал и мою. Я почти выдернул свою руку по чувству недостоинства, но о. Иоанн строго сказал: "Зачем отнимаешь?.. Ведь священник?" Это было первое его слово, которое помогло мне назваться, а затем, проведя меня в свое купе, батюшка дал мне возможность высказаться, указать цель моего прибытия в Россию и Кронштадт и свидания с о. Иоанном. Полчаса незабвенный батюшка беседовал, интересуясь Америкой, нашей миссией, церковным и школьным делом, моей семьей и родными. Я был свидетелем, как, только что поезд тронулся — в окно купе ворвался целый ураган записочек, писем, комочков бумаги и пр. Часть он тут же читал, часть отложил в пачку.

Среди пути некоторые из пассажиров ухитрялись пробраться к батюшке и лично докладывали ему просьбы. Надо было видеть, как энергично и настойчиво убеждал своих почитателей о. Иоанн, что он не пророк, знать многого не может, как досадливо отстранял он всякие заискивания! Но тут же я видел и то, как внимательно относился о. Иоанн к тем свидетельствам о силе его молитвы, какие ему приходилось выслушивать. Он ни разу не возражал против таких свидетельств, напротив, высказывал радость, что Господь так милостив к нему — немощному, и настаивал на необходимости сильно молиться. Какая ошибка была бы видеть в этом горделивое сознание им своей праведности! Не высший ли это урок, как надо всем, особенно священнослужителям, носителям благодати Божией, ценить Божии дары и не

небречь о дарованиях, возложенных на них рукою святительскою!

В Ораниенбауме о. Иоанн взял меня к себе в сани, и мы буквально полетели по морю, по глыбам льда, по полыньям. Очень трудно было только тронуться с места, так как народ сплошной стеной загородил дорогу, многие повисли на оглоблях, хватались за полозья, рискуя попасть под лошадей, сорваться и пр.

В Кронштадт прибыли уже ночью. Батюшка отвез меня в созданный им Дом трудолюбия и сдал на попечение тамошней администрации со словами: "Берегите миссионера, он из далекой Америки!"

На утро я был в церкви. Здесь о. Иоанн признал меня, взял мою сборную книгу и на заглавном листе написал:

"Господи, благослови книгу сию сборную и дело, на которое она дана, благословением вседейственным и всещедрым, и привлекай сердца верных рабов Твоих к иерею-миссионеру, да расположатся все в его пользу, или, вернее, в пользу дела Божия. Кронштадтский Протоиерей Иоанн Сергиев. Жертвую двести рублей. 27 марта 1900 года".

Эта сумма была не большею его обычных жертв, выданных им на тысячи маленьких церквей и школ, на тысячи добрых дел, но я и не рассчитывал на пожертвование, и не просил. Но с книгой этой я прошел всю Русь святую, и везде эта надпись открывала сердца людские, везде упоминание о благословении о. Иоанна на это святое дело раскрывало кошельки, и таким образом о. Иоанн был в строгом смысле создателем и нашего храма-собора в Нью-Йорке, как бы устроителем массы и иных добрых дел и начинаний и в России, и за пределами отечества.

Я торопился с отъездом и потому оставил Андреевский собор ранее о. Иоанна. Вернувшись в Дом трудолюбия, я увидел в своей комнате прекрасный шелко-

вый подрясник на пуху, с золотыми пуговицами: это о. Иоанн распорядился, оказывается, одеть меня потеплее, чтобы не простудиться в пути. Такая доброта и заботливость о чужом человеке, каких у него перебывали тысячи! Этот подрясник я храню, как святыню, и до сего часа.

Печатается по: "К. П." 1917. N 8. С. 114—117; N 9--11. С. 132—136.

А. Ф. КОНИ[61]

ОБ И. КРОНШТАДТСКОМ

В первый раз я его увидел в 1887 году у моих приятелей Андреевских... по случаю рождения их сына.

Я увидел в зале, перед традиционным столиком с образом, среднего роста священника с довольно длинными русыми, редковатыми волосами, с худощавым, но румяным лицом и светлыми, точно прозрачными глазами, которые быстро бросали не на чем не останавливавшиеся взгляды вокруг. Острый нос его и бесцветная линия рта не придавали его лицу никакого выражения, но голос его был звучен и приятен, а движения быстры, непрестанны и порывисты. Служение его было совершенно необычное: он постоянно искажал ритуал молебна, а когда стал читать Евангелие, то голос принял резкий и повелительный тон, а священные слова стали повторяться с каким-то истерическим выкриком. Такое служение возбуждало не благоговение, но какое-то странное беспокойство, какое-то тревожное чувство, которое сообщалось от одних к другим...

Окончив молебен, он благословил младенца, отпил из рюмки мадеры, сказал хозяину, что голова у него больше болеть не будет (Андреевский страдал мигренями), взял грушу и поданный ему пакет с 25-ю рублями и направился к выходу. Все стали подходить под благословение, которое он раздавал охотно, скользя по всем каким-то устремленным вдаль взором. Но вот к нему подошла какая-то женщина и наклонилась, чтобы получить благословение. Он быстро взглянул на нее и не благословил. Мимо меня он прошел, раздавая благословения направо и налево, и уже был у выходных дверей передней, когда вдруг обернулся, сделал два шага назад, раздвинул толпившихся передо мною людей и сказал: “Ах, голубчик”, — взял меня обеими

руками за голову, поцеловал в глаза и, слегка оттолкнув от себя, повернулся и ушел, отдав первому встречному на лестнице пакет с 25 рублями.

Этот поцелуй и все оригинальное в личности и службе отца Иоанна произвели на меня невольное, но сильное впечатление. Я должен сознаться, что целый день чувствовал себя в несколько приподнятом и нервном настроении.

В 1891 году в Петербург приехала моя хорошая знакомая, ученица и ассистент Шарко[62], Глафира Алексеевна Абрикосова. Она привезла с собою сестру свою Катю, 17 лет, страдавшую, вероятно на почве истерии, крайним заиканием. Никто из русских врачей-невропатологов — и ни Маньян[63], ни Шарко — не могли помочь бедной страдалице. Сестра решилась свести ее к отцу Иоанну, прожила с ней 2 дня в неприглядной обстановке меблированных комнат, содержимых разными темными личностями, так сильно ронявшими чистую репутацию Кронштадтского пастыря, и присутствовала вместе с нею на общем покаянии или всенародной исповеди, произведшей на нее — опытного психиатра — впечатление внезапного массового душевного заболевания.

Отец Иоанн посетил девушку, молился с ней и над ней и сказал, что она будет здорова. И действительно, через несколько дней, уже в Москве, однажды утром она встала совершенно здоровой, счастливой и жизнерадостной.

В 1890 или 1891 гг. я был приглашен на празднование 25-летия Славянского благотворительного общества[64]. И, приехав несколько рано, занял одно из почетных мест на эстраде. Вскоре прибыл отец Иоанн, который поздоровался с председателем, графом Н. П. Игнатьевым[65], и, увидев меня, быстро проследовал через всю эстраду ко мне и снова поцеловал меня и благословил, назвав “голубчиком”. “Вы давно знакомы с Анатолием Федоровичем?” — спросил Игнатьев. “Нет-с, мы не знакомы, а кто они такие?" — от-

вечал Иоанн. "Это сенатор Кони, наш известный юрист", — сказал Игнатьев. Отец Иоанн сделал строгое и серьезное лицо, несколько церемонно мне поклонился, протянул руку и сказал: "Очень рад познакомиться".

Последний раз я его видел в 1895 году на торжественном открытии благотворительного общества судебного ведомства. В числе почетных членов был и отец Иоанн. После завтрака, уходя, благословил каждого из нас, но передо мной остановился, положил мне одну руку на плечо, а палец другой приставил к моему лбу и сказал: "О, это знаменитый, этого Бог особо одарил". "У нас здесь есть и другие знаменитости, отец Иоанн, — сказал, завистливо кривя рот, Муравьев[66], — вот, например, профессор Таганцев[67]". "Ну да, конечно, и другие", — отвечал, направляясь к дверям, отец Иоанн и удалился.

Неприглядная полемика с о. Янышевым[68] по поводу слов умиравшего Александра III, ложный слух о бегстве отца Иоанна из Кронштадта во время матросского бунта и употребление правительством и Синодом недалекого в политическом отношении старца, как орудие монархической пропаганды и участника недостойного похода против Толстого[69], затемнили образ простодушного, непосредственного служителя заветов Христа.

Строгий лик смерти, принявший его в свои равные для всех объятия, рассеивает эти искусственные наслоения и дает почувствовать то величие в простоте почившего, который умел не на словах, а на деле, не ради себя, но ради других "всякое ныне житейское отложить попечение".

24 декабря 1908 г.

ЦГИАСпб. ф. 2219, оп. 1, д. 72, л. 1-3. Воспоминания Анатолия Федоровича Кони об И.И. Сергиеве (Кронштадтском).

Епископ
ГАВРИИЛ[70]

ВОСПОМИНАНИЯ. ЗНАМЕНАТЕЛЬНЫЙ СОН

В нашей жизни бывают такие встречи, беседы, знакомства, дружба, которые не забываются до гробовой доски. Для меня одним из самых светлых и дорогих воспоминаний является знакомство с незабвенным батюшкой о. Иоанном Кронштадтским.

Как сейчас помню первую встречу с ним. Это было в июне 1890 года в Петербурге, в доме одного благочестивого семейства. О. Иоанн служил водосвятный молебен и, совершив его, окроплял нас, богомольцев, св. водою, сорвав несколько листиков с комнатных цветов. В его молитве и во всей фигуре чувствовалась необычайная простота, искренность, задушевность, но вместе с тем и что-то проникновенное, духоносное, покорявшее сердца молившихся с ним. Поистине о Боге великом он пел — и хвала Его непритворна была.

Я долго не мог забыть этой молитвы, и мое давнишнее желание поступить в духовную школу теперь закрепилось окончательно. Незабвенна для меня и литургия в воскресенье 8 ноября 1892 года, в храме Общества религиозно-нравственного просвещения (в Петербурге). Я был на III курсе духовной академии. Служил литургию архиепископ Финляндский Антоний[71] в сослужении о. Иоанна и собора священнослужителей. Всегда радостный, сияющий, как красное солнышко, с приятным румянцем на щеках, вошел о. Иоанн в алтарь и стал облачаться. Я помогал ему. Улучив минуту, я решил просить его благословения на заветное мое желание и сказал: "Батюшка, благословите меня постричься в монашество!" "Да благословит Бог", — сказал о. Иоанн и положил мне руку на голову. Я был несказанно рад и через три месяца, на годовом

академическом празднике, в феврале 1893 года, который посетил о. Иоанн, я уже был в иноческом одеянии.

Батюшка любил академию, в которой сам воспитывался, любил нас, студентов, и жертвовал на студенческие нужды. Мы много раз бывали у него в Кронштадте, и имевшие из нас священный сан всегда сослужили ему за литургией. И сколько было здесь назидания и умиления! Пламенная молитва батюшки, многочисленный собор сослужащих ему, тысячная толпа богомольцев, пришедших от севера, и запада, и моря, и востока, общая потрясающая исповедь, причащение 3-4 тысяч человек, продолжавшееся 3-4 часа, такие картины народной веры и молитвы никогда не забудутся! О, как счастливы все, созерцавшие это, и сосредоточие всего — о. Иоанн.

Из студенческих поездок в Кронштадт мне особенно памятна поездка на масляницe 1894 года, когда мы были на IV курсе академии. Батюшка принял нас тогда как-то особенно ласково, сердечно, приказал отвести нам помещение в Доме трудолюбия и устроить трапезу, а после литургии сам явился к нам, задушевно беседовал со всеми, расспрашивая о нуждах, щедро наделяя одних деньгами, других утешая наставлениями и советами. "А ты кому пишешь кандидатку (кандидатское сочинение)?" — обратился он ко мне. "Проф. Глубоковскому по новозаветной грамматике и синтаксису, — сказал я, — да боюсь, батюшка, большие требования предъявлены к теме и надо много читать иностранных пособий". "Не бойся, — решительно сказал о. Иоанн. — Бог в помощь!"

По окончании академии я ездил к батюшке в Кронштадт ежегодно в вакационное время, преимущественно в Успенский пост.

Из этих поездок лишь памятна поездка 9 августа 1899 г. После утрени в Андреевском соборе батюшка предложил мне поехать с ним в Петербург на пароходе "Любезный" для служения литургии. Дул северный

ветер. На заливе стояла легкая зыбь. О. Иоанн остался на верхней палубе. "Северяк-земляк!" — сказал он, сделав движение головой в сторону ветра. На пароходе, небольшом по размерам, никого не было, кроме капитана и 2—3-х человек прислуги. Я имел великое счастье провести время наедине в общении с великим молитвенником и наслаждаться его беседой. Батюшка весь отдался воспоминаниям детства и юности, говорил о своем учении в Архангельской семинарии, о своих товарищах по семинарии, о пастырском служении, "Христос — наша сладость!" — повторял он проникновенно.

Незабвенные минуты любви праведника! И теперь, как живой, встает он предо мной с светлым взглядом и лицом, как бы освещенным изнутри, с своей чарующей, умиляющей речью. И его глаза — о, эти светло-голубые яркой нежности глаза! Сколько в них светилось ласковости, любви и обаятельности! В эту поездку батюшка подарил мне Новый Завет, твердо и отчетливо сделав в нем надписание: "При встрече в Андреевском соборе и на пароходе "Любезный".

Гляжу я теперь на этот бесценный дар и благодарю Бога. В последний раз я был у батюшки за год до его кончины. Как забыть это свидание! Батюшка служил, по обычаю, раннюю литургию в Андреевском соборе с сонмом духовенства. Вот диакон окончил заупокойную ектению. Батюшке надо говорить возглас, а он совершенно неожиданно отошел молча в левую сторону от престола. Произошла пауза. Смотрю — батюшка делает мне знак головой, и я тогда говорю заупокойный возглас: "Яко Ты еси воскресение и живот и покой усопших раб Твоих"... И что же? Увы, это было для меня последнее свидание с батюшкой, последнее сослужение с ним литургии: чрез год пришлось уже возносить заупокойное моление о нем.

Но знаменательнее следующее обстоятельство, о чем я и хочу поведать, ибо о делах Божиих объявлять похвально (Тов. 12, 7).

В октябре 1908 года в Житомире открывалось, по определению Св. Синода, Училище Пастырства.

Будучи назначен начальником этого училища, я очень горевал, что не имел возможности повидаться с батюшкой и испросить его молитв и благословения на новое учреждение. К тому же день ото дня приходили печальные известия о болезни Божия старца.

И было так грустно, грустно... О, как хотелось хотя бы на минутку побывать в Кронштадте. И я не терял надежды, думая на святках увидеть батюшку, и с этими мыслями засыпал и вставал...

И вот 20 декабря, около 8 часов утра, пред пробуждением, я слышу во сне ясно и отчетливо голос о. Иоанна, так хорошо знакомый мне: "Я буду у вас!"

Встаю и удивляюсь. А 21 декабря приходит известие: о. Иоанн 20 декабря, в 7 час. 40 мин. утра, в Бозе почил.

К чему же сон? — думаю я и решаю: игра природы! Через 3 недели после этого я еду по делам Училища Пастырства в Петербург к Архиепископу Антонию[72]. Являюсь к нему (16 января 1909 г.), а он приветствует меня: "Поздравляю вас!" "С чем?" — спрашиваю. "Вчера Св. Синод в экстренном заседании, по случаю Высочайшего рескрипта на имя митрополита Антония, определил: "Только что учрежденное Училище Пастырства в г. Житомире наименовать училищем в память отца Иоанна Кронштадтского".

Тогда-то я вспомнил свой сон 20 декабря, последнее свидание с батюшкой, литургию и заупокойный возглас...

Мне все стало ясно и до очевидности понятно слово Господне: "У Бога все живы" и апостольское: "Лю-

бовь никогда не перестает*; для нее нет ни времени, ни пространства". Почивший в Боге живет жизнью вечною, которую он начинает на земле. Любящий Бога здесь, на земле, любит нас, своих братьев, и там, за гробом, любит еще более совершенною расширенною любовью и вещает нам о ней.

О, старче Божий, пастырь добрый, блаженный отец наш Иоанн, поддержи и утешь любящих братий твоих, как ты поддерживал и утешал их в земной жизни твоей!

Печатается по: "К. П.". 1914. N 4. С.58—61.

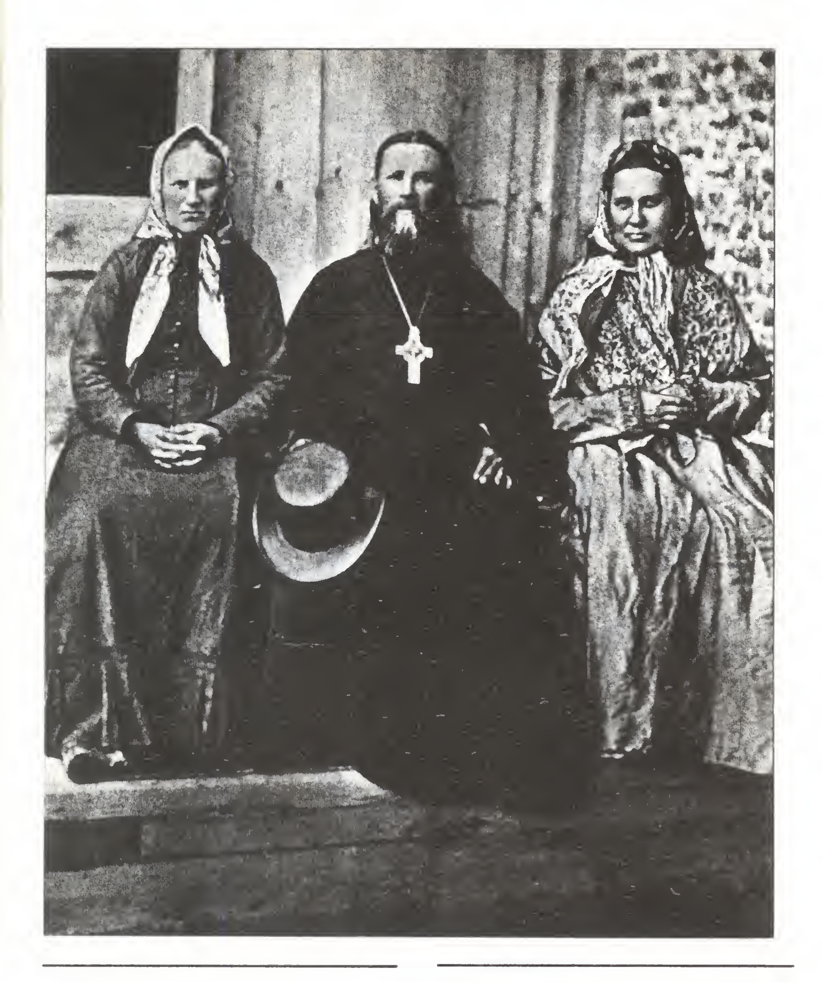
* 1 Кор. 16, 16. — *Прим. ред.*

**ОТЕЦ
ИОАНН
КРОНШТАДТСКИЙ**

ОТЕЦ ИОАНН КРОНШТАДТСКИЙ

ЗДАНИЕ БЫВШЕЙ САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМИИ, КОТОРУЮ В 1855 г. ЗАКОНЧИЛ о. ИОАНН КРОНШТАДТСКИЙ (*современное состояние*)

О. ИОАНН КРОНШТАДТСКИЙ И ЕГО СЕСТРЫ: АННА ИЛЬИНИЧНА *(слева)* **И ДАРЬЯ ИЛЬИНИЧНА**

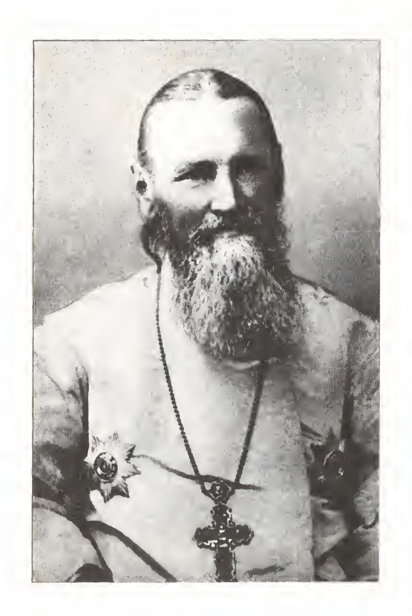
ЕЛИЗАВЕТА КОНСТАНТИНОВНА СЕРГИЕВА (УРОЖДЕННАЯ НЕСВИЦКАЯ) — СУПРУГА о. ИОАННА

ОТЕЦ ИОАНН КРОНШТАДТСКИЙ

ОТЕЦ ИОАНН КРОНШТАДТСКИЙ С КРЕСТНИКОМ

ОТЕЦ ИОАНН КРОНШТАДТСКИЙ

АНДРЕЕВСКИЙ СОБОР В КРОНШТАДТЕ — МЕСТО 53-ЛЕТНЕГО СЛУЖЕНИЯ О. ИОАННА.

ОТЕЦ ИОАНН КРОНШТАДТСКИЙ СРЕДИ ПОЧИТАТЕЛЕЙ (*пятый слева:* **ОТЕЦ ИОАНН,** *четвертый слева:* **о. ФИЛОСОФ ОРНАТСКИЙ,** *третий слева:* **В. В.СТАСОВ,** *четвертая справа:* **СУПРУГА о. ИОАННА)**

ВЫСТАВКА В ПАМЯТЬ СВ. ПРАВЕДНОГО о. ИОАННА КРОНШТАДТСКОГО В ХРАМЕ ИОАННА ПРЕДТЕЧИ
(Каменноостровский пр., 7)

ОТЕЦ ИОАНН КРОНШТАДТСКИЙ

ИОАННОВСКИЙ ЖЕНСКИЙ МОНАСТЫРЬ В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ
(современный вид)

ОТЕЦ ИОАНН КРОНШТАДТСКИЙ

МЕСТО ПОКЛОНЕНИЯ СВЯТОМУ ПРАВЕДНОМУ о. ИОАННУ КРОНШТАДТСКОМУ У СТЕН ИОАННОВСКОГО МОНАСТЫРЯ

Священник
И. АЛЬБОВ

ДОСТОПАМЯТНЫЕ ДНИ МОЕЙ ЖИЗНИ
(Из воспоминаний о похоронах о. Иоанна Кронштадтского)

Смерть! Где твое жало?
*Ад! Где твоя победа?**

С какою неотразимою силою и яркостью сказалась правда этих пророческих слов в кончине и погребении приснопамятного пастыря о. Иоанна Кронштадтского. Кто имел счастие быть у его гроба в день его погребения, для того тайна христианской смерти как бы наглядно разрешалась уже в таинство воскресения. Глубоко понятными становились слова: "Лестница к небеси гроб бывает"...

Вот уже три года прошло со дня кончины о.Иоанна, а впечатления от его гроба с неотразимою яркостию живут в душе и хочется поделиться ими. Тем более хочется поделиться, что я попал на погребение о. Иоанна совсем неожиданно, "каким-то чудом", выражаясь народным языком.

Дело было так. За три дня до кончины о. Иоанна я вижу сон, необыкновенно яркий по силе переживания и отчетливости впечатления. Мы в алтаре с о. Иоанном, и он обильно причащает меня из св. чаши Св. Кровию так, как обычно епископ причащает священников за литургией. И при этом так нежно, так любовно обходится со мной, говорит мне такие чудные слова утешения, что я проснулся весь под впечатлением этого сна и стал думать, что значит сон. Он был совсем неожиданным. О. Иоанна я не видал перед этим уже несколько лет. Об ухудшении его болезни я

* Ос., 13, 14; 1 Кор. 15, 55. — *Прим. ред.*

ничего не знал. Правда, лет 10--8 назад мне приходилось 2—3 раза служить с о. Иоанном литургию. Однажды он был у меня и обедал... Но это было так давно. Почему же теперь этот необыкновенно яркий сон? “Верно о. Иоанн вспомнил почему-нибудь обо мне”, — подумал я и успокоился.

На третий день узнаю, что о. Иоанн скончался. В день перевезения тела его в Петербург я твердо решил пойти попрощаться с добрым пастырем, т. е. зайти в церковь Иоанновского монастыря на несколько минут, положить поклон у его гроба и отдать последнее целование почившему. Я даже не взял с собою риз, думая, что там будут служить только по назначению или по особому приглашению.

Еду. Каменноостровский проспект полон народу. И чем ближе к Карповке, тем толпа гуще. Также полны были и все улицы, по которым шла процессия с телом о.Иоанна от Балтийского вокзала до Иоанновского монастыря. И целыми часами народ стоял на улице под мокрым снегом, в благоговейном молчании, ожидая любимого пастыря. Зато надобно было видеть удивление, искаженные злобою отдельные лица некоторых едущих в трамвае людей, наблюдающих эти огромные толпы народа. Это, очевидно, те, кто думал, что слава о. Иоанна похоронена их злостными клеветными словами.

Еду дальше. У поворота на Карповку, где находится монастырь, сильный наряд полиции, и никого не пропускают без билета. Подхожу к толпе городовых и говорю:

— Пропустите меня.

Тотчас пропускают. Иду далее. Вторая застава из полиции. Говорят:

— Позвольте билет.

— У меня нет билета.

— О! Так невозможно, невозможно. Никого не велено пропускать без билета.

— Я священник, — отвечаю я, — вот посмотрите: на мне священнический крест.

— Все равно, батюшка, не можем, не можем... Идите назад и просите пристава.

— Да ведь меня уже там пропустили, — говорю.

— Ну, Бог с вами, идите.

Теперь я шел уже беспрепятственно еще через две заставы. Вхожу в храм. На лестницах сидят монахини и послушницы монастыря, начиная с самых младших, по две на каждой ступеньке и с печальными лицами дожидаются "своего" батюшку.

Наконец я в алтаре. Ждем часа 2—3 и около 9 часов вечера печальная процессия приближается, и крестный ход входит в храм. Все мы, ожидавшие в храме, стоим с горящими свечами в руках. Вносят гроб с телом отца Иоанна, и церковь оглашается громкими рыданиями сестер обители.

Начинается всенощная — парастас. Служит преосвященный архангельский Михей[73]. Поют монахини.

Мне очень захотелось принять участие в богослужении. Но нет ризы. Монастырские все разобраны. Но вот один батюшка, пришедший с крестным ходом, не будет выходить на литию и уступил мне свои ризы.

Выходим на литию. Преосвященный Михей и человек 20 священников, все добровольно пришедшие.

Но что это за служба? Песни печальные, а настроение благоговейно-праздничное. Есть что-то напоминающее светлую заутреню. И чем дальше идет служба, тем это праздничное настроение все растет и поднимается. Какая-то благодатная сила исходит от гроба и наполняет сердца присутствующих неземною радостию, словно окрыляет их, возвышает, освобождает от чего-то.

Чувствуется, осязательно чувствуется, что в гробе лежит праведник. Побывши у его гроба, нельзя было сомневаться в этом. Из гроба его исходило какое-то духовное благоухание, и именно духовное, не вещест-

венное, не воспринимаемое обонянием, но ощущаемое духом...

Теперь я уже не мог уйти до конца службы. Я опять вышел в облачении на середину храма на "Непорочны". Знакомое уже благодатное чувство переполняет душу, и сначала я молился за усопшего, затем является потребность молиться у его гроба за других. Я стал мысленно поминать близких и знакомых, живых и усопших, особенно больных лиц, просивших помолиться за них, и являлась уверенность, что его молитвами примет Бог моления наши.

Кончилась эта чудная служба. Духовенство пошло прикладываться к усопшему, и опять это чувство благодатной силы.

Кончилась всенощная в первом часу ночи. Не хотелось уходить из храма. Хотелось остаться там на всю ночь. И многие остались.

Выхожу. Громадная многотысячная толпа народа ждет очереди, когда ее пропустят в храм проститься с о. Иоанном. Всю ночь народ наполнял храм по очереди. Всю ночь служились панихиды. Затем ранняя, затем поздняя литургия...

Всенощная была так хороша, что я решил непременно попасть на литургию и отпевание и выпросил у матушки игумении билет.

— Только два билета осталось, — сказала мне мать Ангелина, вручая мне один из них.

На другой день я поспел к отпеванию. Вхожу в алтарь. Облачаюсь. Служит митрополит Антоний[74] и целый сонм священнослужителей.

И снова знакомое уже вчера ощущение наполняет душу. Чем ближе к концу службы, тем сильнее и сильнее. Когда же я приблизился ко гробу, чтобы поцеловать руку доброго пастыря, благодатное чувство заполнило всю мою душу. И прикладываясь в последний раз к о.Иоанну, я уже молился ему в душе словами пророка Елисея к пророку Илии: "Отче! Дай

мне от духа твоего! Дай твоей пламенной веры, твоей дерзновенной молитвы, твоей всеобъемлющей любви к людям, твоей нежной ласки ко всем..."* И живо, осязательно чувствовал, что дух праведника питает и благодатно объемлет всех собравшихся.

Еще минута. Подняли гроб, храм огласился рыданиями сестер обители. И понесли тело праведника. Вместе с другими и я нес этот гроб. Он уже был для меня драгоценен.

Вот мы в склепе, в новой только что освещенной церкви — усыпальнице, которая вся сияет белым мрамором и электричеством.

Совершается лития. Запаяли крышку гроба и поставили в гробницу, устроенную на полу храма. Поверх гроба любящие руки набросали песочку, который и был вскоре разобран "на память" присутствующими. А сверху покрыли гробницу металлической доской.

О. Иоанн и по смерти телом остался с народом, который при жизни так теснился всегда к нему.

Несколько дней и ночей я был весь полон тем ощущением, которое пережил в храме у его гроба.

Первый раз в жизни я до осязательности пережил и перечувствовал живую связь почившего праведника с нами, оставшимися еще здесь.

Сколько раз за это время был я в мирной белой усыпальнице о. Иоанна. И всякий раз она была полна народа до тесноты, и народ всегда был умилен и растроган. Что же влечет сюда народ? Что умиляет его? Нельзя уже было объяснить это явление какими-нибудь корыстными целями, как некоторые объясняли прежде. Нет.

Здесь была только бескорыстная любовь к усопшему пастырю и вера в его праведность, в силу его молитвы за гробом.

---

* Парафраз 4 Цар. 2, 9. — *Прим. ред.*

И тепло становилось тогда на душе. Очевидно было, что жива, воистину жива православная Церковь и держится своею внутреннею, ни от кого и ни от чего не зависимою силою духовною, силою веры, надежды, любви.

Живым ключом бьет здесь жизнь русского народного духа в самых заветных его тайниках, тайниках веры в воскресение, в жизнь будущего века, в абсолютную правду Божию.

... И нет печали у его гроба, но веет миром и утешением.

И верится, и плачется
И так легко, легко...

Яснее ощущается наше бессмертие, светлее светится заря нашего воскресения, и над лежащим здесь пастырем как бы наглядно исполняется слово Спасителя:

"Не умре, но спит"*.

Печатается по: "К. П.". 1912. N I. С. 17–21.

* Мк. 6, 39. — *Прим. ред.*

КОММЕНТАРИИ

1. Андреевский собор — главный собор г. Кронштадта (на начало XX века в городе было 15 православных храмов). Построен в начале XIX в. по проекту архитектора А. Д. Захарова. Место 53-летнего служения святого праведного Иоанна Кронштадтского. После Октябрьской революции закрыт. Здание разрушено.

2. Альбов Иван Федорович — священник, законоучитель и настоятель церкви при Михайловской артиллерийской академии.

3. Карповка — Иоанновский женский монастырь на набережной р. Карповки (Петроградская сторона). Возведен в 1900—1903 гг. по проекту архитектора Н. Н. Никонова. Монастырский комплекс включал пятиглавую церковь Двенадцати Апостолов, монашеские кельи, приют для девочек, лазарет, странноприимный дом, иконописную мастерскую. 23 декабря 1908 г. в нижней церкви монастыря был погребен инициатор создания его — отец Иоанн Кронштадтский. Монастырь, место паломничества сотен тысяч православных, в начале 20-х гг. был закрыт и поруган. В настоящее время возвращен Русской Православной Церкви, в нем появились первые насельницы. Идут восстановительные работы.

4. Сарапул (Сарапуль) — город в Удмуртской АССР, расположен на правом берегу р. Камы.

5. Епископ Михей (Алексеев; 1851—1931) — с 1902 по 1906 гг. епископ Сарапульский, викарий Вятской епархии. С 1906 по 1908 гг. епископ Владимиро-Волынский, викарий Волынской епархии. С 1908 по 1912 гг. — епископ Архангельский и Холмогорский. С 1912 г. — епископ Уфимский и Мензелинский. В 1913 г. уволен на покой. Проживал в Оптиной пустыни.

6. Отец Иоанн Кронштадтский в течение своей жизни постоянно вел духовный дневник, полное название которого — “Моя жизнь во Христе, или Минуты духовного трезвления и созерцания, благоговейного чувства, душевного исправления и покоя в Боге”. В 1894—1899 гг. вышло 5 изданий труда о. Иоанна, он включался и в три тома его “Полного собрания сочинений”. Переиздавался за границей. Сейчас вышел в нашей стране.

7. См. комментарий 1.

8. Озеров Давид Александрович — генерал-лейтенант, начальник Управления Собственного Его Императорского Величества Аничкова дворца; казначей комитета общества Приморских санаторий для хронически больных детей; попечитель церковно-приходских школ при Собственном Его Императорском Величества дворе.

9. Св. Синодом о. Иоанну было разрешено проводить общее отпущение грехов верующим, приходившим к нему на исповедь.

10. В 1891 г. в результате неурожая 20 млн человек оказались на грани голодной смерти.

11. Удельные крестьяне — группа феодально-зависимых крестьян в крепостной России наряду с помещичьими и государственными. До 1917 г. — дворцовые крестьяне. Считались принадлежащими императорской фамилии. В 1857 г. численность их составляла 837,9 т. душ мужского пола. "Положение" об удельных крестьянах от 26 июня 1863 г. распространило и на них основное содержание Крестьянской реформы 1861 года.

12. Общество приморских санаторий основано по инициативе фрейлины Озеровой (по-видимому Екатерины Сергеевны Озеровой) под покровительством императрицы Марии Федоровны в 1898 г. Е. С. Озерова являлась Председателем комитета Общества приморских санаторий для хронически больных детей.

13. Виндава — прежнее название города Вентспилса в Латвии, незамерзающий порт на Балтийском море в устье реки Вента.

14. Мария Федоровна (Дагмара Датская; 1847—1928). С 1866 года — супруга Александра III, с 1881 г. императрица всероссийская. После Октябрьской революции проживала в Дании.

15. VI Интернациональный психологический конгресс состоялся в Женеве в 1909 г. (см. подробнее: VI-me Congres international de pshychologie Rapports et comptes rendus. Geneve, 1910).

16. См. комментарий 8.

17. Речь Д. А. Озеровым ведется о Первой российской революции.

18. Териоки — прежнее (до 1948 г.) название г.Зеленогорска Санктпетербургской области; курортная местность.

19. Линтульский Троицкий женский монастырь приблизительно в 15—16-ти км. от Зеленогорска (Териоки). В 1895 г. была основана женская община, которая в 1905 г. обращена в монастырь. Ныне не существует.

20. "Жидовствующая" печать — этим термином очень часто и незаслуженно в правой печати обозначались газеты так называемого "левого направления", к которому приписывались, начиная с кадетской "Речи", все неправительственные либеральные и левые издания.

21. Епископ Андрей (князь Александр Ухтомский; 1872—1944). В 1911—1913 гг. епископ Сухумский, в 1913—1921 гг. Уфимский и Мензелинский. В 1921 г., назначенный епископом Томским, к месту служения не поехал. С 1922 по 1928 гг. явно и тайно ставил целый

ряд архиереев. В конце 1925 г. отклонился от Местоблюстителя Патриаршего престола митрополита Петра. Основатель "андреевского" раскола.

22. Дом трудолюбия — комплекс зданий в Кронштадте, построенных по инициативе о. Иоанна с целью благотворительной помощи неимущим и малообеспеченным слоям Кронштадтского населения. Название идет от первого здания — Дома Трудолюбия, открытого 12 октября 1882 г. В состав его входило около 20 учреждений: мастерские, библиотеки, классы, убежище для сирот, приюты и т.п. В Доме Трудолюбия всякий желающий мог наняться на простую работу, за которую получал пищу, небольшую плату, дешевый ночлег. "Дом Трудолюбия — это целый город, полный самой кипучей, разносторонней и осмысленной деятельности" (Сурский И. К. Отец Иоанн Кронштадтский. Джорданвилль, 1979. Т.1. С. 34). В 1888 г. было отстроено новое здание для ночлежного приюта, а в 1891 г. — странноприимный дом, в котором могли останавливаться приезжающие за молитвой и советом к о. Иоанну богомольцы. Существовало попечительство Дома Трудолюбия. После кончины о. Иоанна Дом Трудолюбия переживал кризис.

23. Троице-Сергиева общежительная мужская пустынь в 18 верстах от Петербурга (Балтийская железная дорога). Основана в начале XVIII века (1735 г.). Просуществовала до начала 1920-х годов. Настоятелем Троице-Сергиевой пустыни был св. Игнатий Брянчанинов. В 1920-е годы на месте пустыни располагалась "республика ШКИД". В настоящее время на ее территории — школа милиции. Старое кладбище снесено, часть построек разрушена.

24. Речь идет о пригородах Петербурга.

25. Подворье Леушинского Иоанно-Предтеченского женского общежительного монастыря (Новгородская губерния). Основан был в 1875 г. в виде женской общины, которая была переименована в 1885 г. в монастырь. Находилось на Бассейной улице (ныне улица Некрасова). Закрыто в годы советской власти.

26. Схимонахиня Ангелина (1867—1927) — игуменья Иоанновского женского монастыря в Петербурге со времен его открытия (1903) до закрытия советскими властями (начало 1920-х гг.)

27. Белгородские торжества — торжества, связанные с канонизацией в 1910 году святителя Иоасафа (1705—1754).

28. Братский (Богоявленский) монастырь — в 1890-е -1910-е годы необщежительный первоклассный училищный монастырь в г. Киеве. Управлялся ректором духовной академии, которая находилась в стенах обители.

29. Игнатьев Алексей Павлович (1842—1906), граф, генерал-от-кавалерии, государственный деятель. С 1889 по 1896 г. — генерал-губернатор в Киеве. Член Государственного Совета (один из лидеров правого его крыла). 9 декабря 1906 г. убит в Твери террористами.

30. Епископ Сильвестр (С. В. Малеванский; 1828—1908). С 1885 г. — епископ Каневский, викарий Киевской епархии. После окончания Киевской духовной академии состоял при ней профессором, инспектором и ректором.

31. Петров Г.С. (1868—1925) — настоятель церкви при артиллерийской академии, известный петербургский проповедник, профессор-богослов. Член II Государственной думы. В годы первой российской революции Св. Синод признал большую часть произведений его антицерковными, запретил проповедовать; опубликование письма Петрова к митрополиту Санктпетербургскому Антонию привело к высылке и снятию сана с Петрова. В дальнейшем — конституционный демократ. "Духовный отец" обновленчества. Умер в эмиграции (Сербия).

32. Неизвестный автор, видимо, желаемое выдает за действительное.

33. Епископ Пимен (П. Г. Пегов; 1875—1942). С 1918 г. епископ Подольский и Брацлавский. С 1921 г. — архиепископ. В начале 1920-х гг. уклонился в обновленческий раскол. С 1935 г. — вновь перешел в Православную Церковь.

34. Епископ Платон (П. Рождественский; 1866—1934). В 1902 г. хиротонисан во епископа Чигиринского, в 1907 г. — архиепископ Алеутский. С 13 августа 1917 г. — митрополит Тифлисский и Бакинский, экзарх Кавказский. С 1918 по 1920 гг. — митрополит Херсонский и Одесский. В 1920 г. эмигрировал в США. С 1922 г. — утвержден митрополитом всея Америки и Канады. В 1933 г. объявил Американскую церковь автономной, что встретило резкое осуждение Русской Православной Церкви.

35. "Общество в память отца Иоанна Кронштадтского" было основано в 1909 г. в Петербурге по почину кружка лиц, близко стоявших к о. Иоанну, в числе которых были протоиерей П. А. Миртов, священник И. Н. Орнатский, его супруга Анна Семеновна, родная племянница Батюшки и др. "Общество возникло и развивается, — говорилось в уставе, — на церковной почве. Оно имеет целью оказывать нуждающимся помощь: духовную и материальную, по возможности теми же способами, кои осуществлялись отцом Иоанном Кронштадтским. А эти способы вполне православные. И в тесной связи "Общества в память отца Иоанна Кронштадтского" с Цер-

ковью заключается вся жизненность, вся устойчивость его деятельности, его учреждений" (ЦГИАСпб, ф. 2216, оп. 1, д. 1, л. 18). При Обществе в начале 1913 г. было учреждено хранилище в память о. Иоанна, в котором собирались документы, относящиеся к жизни и служению Кронштадтского Пастыря (ЦГИАСпб, ф. 2216, оп. 1, д. 14. л. 11). После 1917 г. "Общество" прекратило свое существование. Ныне возрождено.

36. Епископ Александр (А. Г. Закке-Заккис; 1834—1899). С 1890 по 1893 г. — епископ Архангельский и Холмогорский. В 1893 г. уволен на покой, а через полгода — назначен епископом Полоцким.

37. Преподобный Иоанн Рыльский — болгарский святой X века, отшельник, аскет, который 60 лет подвизался в пустыне Рыльской, живя в дупле дерева. Основатель монастыря. Скончался в 946 г. В его честь был назван о. Иоанн Кронштадтский. День прославления — 19 октября (1 ноября).

38. Самоеды — старое русское название ненцев (самоеды-юраки), энцев (енисейские самоеды), нганасан (самоеды — тавгийцы), части селькупов (остяко-самоеды). К "самоедению" и антропофагии вообще данное слово никакого отношения не имеет.

39. После 1905 г. проблема "упадка религии" встала перед Русской Православной Церковью со всей очевидностью. Так, незадолго перед смертью о. Иоанн писал в дневнике: "Господи, море в смятении, дьявол торжествует, правда порушена. Восстань, Господи, в помощь Церкви Святой" (ЦГИАСпб, ф. 2219, оп.1, д.71, л. 40-40об). Публицист Б. Цесаревский в 1916 г. отмечал, что "до войны (т. е. I Мировой войны — С. Ф.) в народе заметно росло не только маловерие, но и неверие" (цит. по: Рябченко А. Е. Открытое письмо обер-прокурору Святейшего Синода о нуждах церковной жизни. Пг., 1916. С. 15). В своих "Автобиографических записках" выдающийся русский мыслитель прот. С. Н. Булгаков также говорил о годах, предшествовавших I мировой войне как о времени, когда "Россия экономически росла стихийно и стремительно, духовно разлагаясь". (Булгаков С., прот. Автобиографические записки. Париж, 1946. С. 81).

По мнению церковного философа П. Иванова, во второй половине XIX столетия "церковь окончательно стала храмом, куда приходили молиться отдельные люди, ничего общего между собою не имеющие, даже сторонящиеся друг друга, а не братья и сестры во Христе. То, что называется церковью, потеряло всякое влияние на общество" (Иванов П. Тайна святых. Введение в Апокалипсис. Париж. 1949. Ч.II. С. 567-568). И при этом, нужно отметить, религиозная потребность народа не уменьшалась.

40. Хилков Михаил Николаевич (1834—1909) — князь, русский государственный деятель, в 1895—1905 гг. — управляющий министерством путей сообщения; член Государственного Совета.

41. Медем Оттон Людвигович (1846—1925) — граф, действительный статский советник, сенатор, член Государственного Совета. На государственной службе — с 1873 г. С 1893 г. — вице-губернатор Воронежской губернии; с 1896 г. — исполняющий дела Новгородского губернатора, с 1897 г. — губернатор. Умер в эмиграции.

42. Голицын Павел Павлович — князь, действительный статский советник. На государственной службе — с 1877 г. С 1901 г. — предводитель дворянства Новгородской губернии (в должности егермейстера); почетный мировой судья Новгородской губернии; почетный попечитель Новгородского реального училища.

43. См. подробнее: Салтыков К. Воспоминания о моем отце М. Е. Салтыкове (Щедрине)// Новое время. 1914. 28 апр. С. 4—6. В “Кронштадтском Пастыре” конец этих воспоминаний незначительно сокращен.

44. Боткин Сергей Петрович (1832—1889) — крупнейший клиницист и диагност своего времени. Принимал участие в Крымской (1853—1856) и Русско-турецкой (1877—1878) войнах. Профессор. С 1872 г. состоял лейб-медиком Его Императорского Величества".

45. Штундисты, stunde (нем.) час, — наименование ряда христианских сект, возникших в середине XIX века на юге России под влиянием протестантов — переселенцев с Запада. В общинах они пытались найти осуществление своих социальных чаяний. В данном случае, видимо, имелись в виду пашковцы — последователи религиозной секты, обязанной своим существованием английскому проповеднику лорду Редстоку. Редсток проповедовал в 1870-е гг. XIX века в С.-Петербурге и Москве в среде великосветского общества. Свое название пашковцы получили от имени бывшего полковника гвардии Василия Александровича Пашкова, поклонника лорда. Спасение, по мнению пашковцев, достигается покаянием и верою во Христа, принятием Его в свое сердце. Кто верит, тот не может не творить добрых дел. Пашковцы отрицают иконы, святых, таинства и церковную иерархию.

46. Александр III (1845—1894) — Император Всероссийский (1881—1894).

47. Долгоруков Владимир Андреевич (1810—1891) — князь, генерал-от-инфантерии, генерал адьютант. С 1865 по 1891 гг. занимал должность московского генерал-губернатора.

48. Архиепископ Амвросий (А. И. Ключарев) (1820—1901). Известный ученый и церковный философ.

49. Видимо, Ваннутелли Серафино (1834—1910-е гг.) С 1887 г. — кардинал, занимал ряд видных должностей в Ватикане. Сторонник курса папы Льва XIII.

50. Вианней Джон (Иоанн) Баптист-Мария (1786—1859) — арский пастырь (Франция). Пользовался огромным уважением и почитался населением Арса и верующими католиками всей Европы: с 1827 г. Арс начали посещать богомольцы, с 1845 г. и до смерти Вианнея ежегодно к нему за советом и молитвой приходило до 20 тыс. человек. Канонизирован папой Римским Пием XI в 1925 г.

51. Лев XIII (Джоакино, граф Пачелли; 1810—1903) — Папа Римский с 1878 по 1903 гг. Опубликовал энциклику "Rerum novarum" (16 мая 1891 г.), в которой сформулировал первые наброски официальной католической социальной доктрины в изменившейся в Европе ситуации.

52. Митрополит Исидор (Я. С. Никольский; 1799—1892). С 1860 по 1892 гг. митрополит Санктпетербургский и Ладожский. Короновал императора Александра II. Принимал активное участие в подготовке канонизации св. Тихона Задонского.

53. Иоанниты — почитатели о. Иоанна Кронштадтского, распространявшие мнение, будто в лице о. Иоанна вторично пришел на землю Сам Господь Иисус Христос. Секта иоаннитов появилась в начале 1880-х гг. в Доме Трудолюбия, откуда распространилась по всей России. Иоанниты были осуждены самим Кронштадтским Пастырем (см. подробнее: Ростовский А. О. Иоанн Кронштадтский как миссионер//Прибавления к Церковным Ведомостям. 1909. N 51—52. С. 2412—2417; 1910 N 10. С. 451—454; N 25. С. 1018—1020; N 26. С. 1068—1074; N 30. С. 1257—1262).

54. Часть писем и телеграмм, приходивших в адрес о. Иоанна, хранится сейчас в ЦГИА Санкт-Петербурга (ЦГИАСпб, ф. 2219, оп. 1, д. 8).

55. В феврале 1906 г., в первую неделю Великого поста, о. Иоанн, касаясь переживаемых страной событий, среди прочего сказал: "На почве безверия, слабодушия, малодушия, безнравственности совершается распадение Государства. Без насаждения веры и страха Божия в населении России оно не может устоять" (ЦГИАСпб, ф. 2219, оп. 1, д. 1, л. 94).

56. Протоиерей (позднее протопресвитер) А. А. Хотовицкий — ключарь московского кафедрального храма Христа Спасителя. Расстрелян в 1937 г.

57. Преподобный Феодосий Печерский — русский святой XI века. В ранней молодости ушел в киевские пещеры — к преподобному Антонию (положившему начало монашества на Руси). Выдвинулся

подвижничеством, аскетизмом. В 1057 г. стал игуменом основанного преподобным Антонием Киево-Печерского монастыря. Скончался в 1074 г. День прославления — 3(16) мая.

58. Преподобный Серафим Саровский (1760—1833) — великий русский святой. Родился в городе Курске. Сначала подвизался в Киево-Печерской Лавре (2 г.), а затем — в Саровской пустыне (прежняя Тамбовская губерния). 1000 дней и ночей провел на камне — в молитве, согласно "Житию", сподобился неоднократного явления ему в кельи Божией Матери со св. апостолами и св. мученицами. Был прозорлив. Молитвами и советами исцелял недуги духовные и телесные. Скончался во время молитвы 2(15) января 1833 г. Канонизирован Русской Православной Церковью в 1903 г. День прославления — 19 июля (1 августа). Мощи святого вновь обретены и возвращены Русской Православной Церкви.

59. Преподобный Амвросий (А. М. Гренков; 1830—1891) — старец Оптинский, иеросхимонах, преемник иеросхимонаха Макария, великий прозорливец, создатель Шамординской женской обители (около 15-ти километров от Оптинской пустыни), духовный наставник многих тысяч христиан. Сопричтен к лику святых Русской Православной Церковью в год 1000-летия крещения Руси. Память 10(23) октября.

60. О. Иоанн закончил Санкт-Петербургскую Духовную Академию в 1855 г.

61. Кони Анатолий Федорович (1844—1927) — выдающийся русский юрист и общественный деятель, автор пятитомных мемуаров "На жизненном пути". Сенатор. Член Государственного совета. Академик.

62. Шарко Жан Мартен (1825—1893) — выдающийся французский невропатолог, один из основателей своей дисциплины.

63. Маньян Жозеф Валентин (1835—1916) — французский врач-психиатр.

64. Славянское благотворительное общество выросло из кружка московских славянофилов во главе с М. П. Погодиным ("Славянский благотворительный комитет"), образовавшегося в 1858 г. В 1868 г. образовался Санктпетербурский отдел Славянского благотворительного комитета, преобразованный в 1877 г. в Санктпетербургское благотворительное общество.

65. Игнатьев Николай Павлович (1832—1908) — граф, государственный деятель царской России, дипломат. В 1881—1882 гг. — министр внутренних дел. С 1882 г. — член Государственного совета. Председатель Славянского благотворительного общества.

66. Муравьев Николай Валерианович (1850—1908) — русский государственный деятель, с 1891 г. — обер-прокурор уголовного кассационного департамента Сената, с 1892 г. — государственный секретарь. С 1894 по 1905 — министр юстиции. С 1905 по 1908 г.— посол в Италии.

67. Таганцев Николай Степанович (1843—1923) — русский юрист, специалист в области криминологии. Сенатор, член Государственного совета. Профессор Петербургского университета. Придерживался либеральных взглядов.

68. Протопресвитер Иоанн Янышев (1826—1910) — доктор богословия, религиозный писатель и проповедник. С 1883 г. — духовник царствующих особ, заведовавший ведомством придворного духовенства.

69. Относительно отношения о. Иоанна к религиозному учению Льва Николаевича Толстого см.: Сергиев И. И., прот. Ответ пастыря Церкви Льву Толстому на его "Обращение к духовенству". Спб, 1903; О душепагубном еретичестве графа Л.Н. Толстого. СПб, 1907 (4-е издание); В обличение лжеучения графа Л. Толстого. Из дневника. Спб, 1910.

70. Епископ Гавриил (Воеводин; ок. 1871—1938). С 1910 г. — епископ Острожский, викарий Волынской епархии. В 1922 — 1923 гг. уклонился от Патриаршей Церкви. В 1923 г. принес покаяние и был прощен. С 1924 по 1927 гг. — архиепископ Кингисеппский, викарий Ленинградской епархии. С 1927 г. — архиепископ Полоцкий и Витебский. С 1928 г. ушел на покой.

71. Митрополит Антоний (А. В. Вадковский; 1846—1912). С 1892 г. архиепископ Финляндский и Выборгский. С 1898 г. — митрополит Санктпетербургский и Ладожский. С 1900 г. — первенствующий член Св. Синода.

72. Митрополит Антоний (А. П. Храповицкий; 1863—1936). С 1902 г. епископ Житомирский и Волынский, с 1906 г. архиепископ Волынский. С 1914 г. архиепископ Харьковский и Ахтырский. Один из кандидатов на Патриарший престол. С 1918 г. митрополит Киевский и Галицкий. С 1919 г. в эмиграции. Один из главных организаторов "Русского всезаграничного церковного Собора", проходившего в 1921 г. в Сремских Карловцах (Сербия). Создатель и духовный вождь "Русской зарубежной Церкви".

73. См. комментарий 5.

74. См. комментарий 79.

СВЯТОЙ ИОАНН КРОНШТАДТСКИЙ
В ВОСПОМИНАНИЯХ СОВРЕМЕННИКОВ

Художник *Н. В. Илларионова*
Редактор *О. В. Мудрова*
Корректор *О. Л. Леонова*
Художественный редактор *Н. В. Илларионова*

Подписано в печать 1.02.1994. Формат 84 x 108 1/32.
Усл. печ. л. 21, 84 Тираж 15 000. Заказ 1688
Издательство Православного Свято-Тихоновского Богословского Института. Москва, Новокузнецкая ул., 23б.

Α Ω

